

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД им. БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ
Исполнительный комитет Белогорского городского Совета (АР Крым)
КРУ «Крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского»

МИР
БЕКИРА
ЧОБАН-ЗАДЕ

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
I КРЫМСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**Белогорск (Карасубазар)
23 – 25 мая 2012 г.**

Симферополь
2013

ББК 63.3(4Кр)
М 63

М 63 **Мир Бекира Чобан-заде:** Сборник материалов I Крымской международной тюркологической конференции. Белогорск (Карасубазар) 23 – 25 мая 2012 г. / Сост. : А. Р. Эмиров – Симферополь: НАТА, 2013. – 256 с.

В сборник включены материалы I Крымской международной тюркологической конференции «Мир Бекира Чобан-заде», которая состоялась 23-25 мая 2012 года в родном городе выдающегося крымскотатарского поэта и ученого тюрколога Бекира Чобан-заде.

ISBN 978-966-8926-72-3

© Благотворительный
фонд им. Бекира Чобан-заде, 2013

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

В далеком 1893 году, когда в небольшом крымском городке Карасубазар в семье чабана* Куртваапа родился сын Бекир никто не мог предположить, что мальчик вырастит в поэта и ученого-тюрколога международного уровня, а сам Карасубазар (с 1944 г. – Белогорск) появится на научной карте мира.

Бекир Чобан-заде – один из крупнейших крымскотатарских поэтов, всемирно известный ученый-тюрколог родился 27 (15) мая 1893. Начальное образование получил в родном городе, но уже в 15-ти летнем возрасте покинул любимый Карасубазар и, впоследствии, лишь изредка мог бывать здесь. В поисках знаний судьба забросила Бекира Чобан-заде Стамбул и Одессу. А в 1918 году он окончил историко-филологический факультет Будапештского университета, где 18 мая 1919 года защитил докторскую диссертацию на тему «Кажущиеся сингармонические несоответствия в «Кодексе Куманикусе». После короткого периода работы профессором Таврического университета, с 1925 года фактически до самой гибели в 1937 г. Б. Чобан-заде жил и занимался научной деятельностью в Баку: профессор по кафедре азербайджанского языка и литературы, затем декан восточного факультета Азербайджанского государственного университета. Он один из организаторов Всесоюзного тюркологического съезда 1926, на котором выступил с двумя докладами: «Взаимоотношения тюрко-татарских языков», «Принципы составления научной терминологии на тюрко-татарских языках». В 1927 принял участие в языковой конференции в Симферополе, где выступил с основными докладами. Б. Чобан-заде по праву считается основоположником крымскотатарского и азербайджанского научного языкознания, внес значимый вклад в развитие филологии практически всех тюркских народов. Он возглавлял Научный совет Всесоюзного комитета нового тюркского алфавита. Был действительным членом Академии наук Азербайджанской ССР и членом Парижского лингвистического общества.

С 1928 года против Бекира Чобан-заде началась клеветническая компания. Он был репрессирован сталинским режимом 13 октября 1937 года. Реабилитирован в 1955 году.

---

*чабан – с крымскотатарского чобан – пастух. Чобан-заде – буквально: сын пастуха. Первоначально использовалось как поэтический псевдоним, затем было принято в качестве официальной фамилии поэта и ученого.

В 1919 г. перед возвращением в Крым из Будапешта, молодой поэт и ученый написал в своем рукописном сборнике «Къавал сес-лери» («Звуки свирели»): «... написанное мной довольно полно показывает недостатки, страдания, печаль, мысли моего растерзанного, истребляемого, находящегося на грани исчезновения народа. Однако, если придет день, когда история займется Крымом и крымские татары вновь потянутся к своим корням, написанное мной увидит свет...».

И такое время наступило после массового возвращения крымскотатарского народа из депортации. В 2002 г. предприниматель и меценат, директор известной далеко за пределами Белогорска фирмы «Крымопт» Ресуль Велиляев профинансировал создание памятника (автор – художник и скульптор Али Белялов) Бекиру Чобан-заде в его родном городе, а в феврале 2003 году был официально учрежден Благотворительный фонд имени выдающегося земляка. Создание фонда стало заметным явлением в культурной жизни города. Им регулярно оказывается значимая поддержка школам, культурным и религиозным учреждениям, причем, вне зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности. Фондом профинансировано издание ряда книг по-крымскотатарской истории и филологии.

С 2007 года Фонд присуждает Международную премию имени Бекира Чобан-заде за вклад в развитие крымскотатарской литературы, изучение истории, языка и литературы, популяризацию творческого и научного наследия Бекира Чобан-заде. За пять предыдущих лет лауреатами премии стали 26 писателей и ученых из Украины (Крым), Азербайджана, Польши, России, Турции и Узбекистана.

По инициативе Р. Р. Велиляева 23-25 мая 2012 года в Белогорске (Карасубазаре) была проведена I Крымская международная тюркологическая конференции «Мир Бекира Чобан-заде». В ней участие исследователи из ряда зарубежных стран. По мнению специалистов, ряд докладов внесли значимый вклад в развитие тюркологической науки.

Правление Благотворительного фонда имени Бекира Чобан-заде выражает благодарность за помощь и поддержку в организации и проведении конференции и торжественных мероприятий по вручению международных премий Исполнительному комитету Белогорского городского Совета и гордскому голове А. О. Кангиеву, министерству культуры АРК, коллективу КРУ «Крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского», а также членам Международного оргкоми-

тата конференции: старшему преподавателю кафедры крымскотатарской и турецкой литературы Крымского инженерно-педагогического университета, писателю, лауреату премии им. Бекира Чобан-заде (2008 г.) Велиеву Аблязизу Велиевичу (г. Симферополь), научному сотруднику Института востоковедения Российской АН, доктору исторических наук Зайцеву Илье Владимировичу (г. Москва), доктору филологических наук, профессору, лауреату премии им. Бекира Чобан-заде (2007 г.) Керимову Исмаилу Асановичу (г. Симферополь), доктору философских наук, профессору по кафедре истории, лауреату премии им. Бекира Чобан-заде (2011 г.) Кульпину Эдуарду Сальмановичу (г. Москва), доктору исторических наук, профессору Билькентского университета Хакану Кырымлы (Турция), главному редактору газеты «Полуостров», директору Благотворительного фонда им. Бекира Чобан-заде Эмирову Айдеру Решатовичу (г. Симферополь) координатору оргкомитета, директору КРУ «Крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского Ягьяевой Гульнаре Сабриевне (г. Симферополь) – секретарю оргкомитета.

В день закрытия I Крымской международной тюркологической конференции «Мир Бекира Чобан-заде» 25 мая 2012 года учредитель Фонда Р. Р. Велиляев объявил, что Конференция отныне станет ежегодной и пригласил ученых-тюркологов на новую встречу в древний Карасубазар в мае 2013 года...

Айдер ЭМИРОВ

*директор Благотворительного фонда
им. Бекира Чобан-заде*

ПРОГРАММА

---

23 мая 2012 г.

(Кинозал ТРЦ «Гузель», г. Белогорск, ул. Луначарского, 46)

9.30-10.15 Приветствия

Ведущие

Эмиров Айдер Решатович, координатор оргкомитета, директор Благотворительного фонда им. Б. Чобан-заде.

Ягьяева Гульнара Сабриевна, секретарь оргкомитета, директор Крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского

10.30 1-е заседание

Ведущие: Керимов И. А., Кульпин Э. С.

Klassiklərimiz Bekir Çobanzadənin araştırmalarında: M. Füzuli, Ş.İ. Xətai, Ə.H. Vaykara və Ə.Ə. Nəvai (Наши классики в исследованиях Бекира Чобанзаде: М. Физули, Ш.И. Хатаи, А.Х. Байкара и А.А. Навои

Биннетова Алмаз Ульви

д-р филол. наук, главный научный сотрудник Азербайджанской Национальной Академии наук Института литературы им. Низами (Баку, Азербайджан)

Бекир Чобан-заде и актуальные проблемы современного крымскотатарского языкознания

Эмирова Адиле

д-р филол. наук, профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Крымского инженерно-педагогического университета (Крым, Украина)

Abdureşid Mehdi ve Genç Tatarlar Hareketi (Абдурешит Медиев и младотатарское движение)

Хакан Кырымлы (Hakan Kıymılı)

д-р ист. наук, профессор Билькентского университета (Анкара, Турция)

Перерыв на кофе

Пресс-конференция организаторов и участников конференции

Продолжение 1-го заседания

Карасубазарская газета «Ветан хадими» (1906 – 1908)».

История создания и тематическая направленность

Керимов Исмаил

д-р филол. наук, профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Крымского инженерно-педагогического университета, лауреат Международной премии им. Бекира Чобан-заде 2007 г. (Крым, Украина)

Ак-Кая – крымский Голливуд

Поляков Владимир

канд. ист. наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета (Крым, Украина), лауреат Международной премии им. Бекира Чобан-заде 2012 г.

Изучение Крыма в российской тюркологии 1991-2011 гг.

Аникеева Татьяна

канд. филол. наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва) (Москва, Россия)

Бекир Чобан-заде в воспоминаниях родной сестры

Зулейхи Чобан-кызы

Абдульвапов Нариман

старший преподаватель кафедры крымскотатарской и турецкой литературы РВУЗ КИПУ (Симферополь, Крым, Украина), лауреат Международной премии им. Бекира Чобан-заде 2009 г.

Хроника Давида б. Элизера Лехно из Карасубазара и ее источники

Зайцев Илья

д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института Востоковедения РАН (Москва)

13.30 -14.30 Обед

15.00 Экскурсия в Сафари-парк

24 мая 2012 г.
(Кинозал ТРЦ «Гузель»)

9.30 2-е заседание

Ведущие: Кыргызлы Х, Эмирова А. М.

Кырымтатар эдебиятыны джанландырувда Бекир Чобан-заде вакъфынынъ ролю (Роль Фонда им. Б. Чобан-заде в возрождении крымскотатарской литературы)

Велиев Аблязиз

ст. преподаватель кафедры крымскотатарской и турецкой филологии Крымского инженерно-педагогического университета, лауреат Международной премии им. Бекира Чобан-заде 2009 г. (Крым, Украина):.

Карасубазар в этнографо-экспедиционных исследованиях У. А. Боданинского (1921-1926 гг.)

Асанова Улькер

канд. ист. наук, докторант кафедры истории Украины Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, лауреат Международной премии им. Бекира Чобан-заде 2009 г. (Крым, Украина)

де Лазари из Карасубазара (по воспоминаниям Николая Николаевича де Лазари)

Анджей де Лазари (Andrzej de Lazari)

д-р гуманитарных наук, профессор Лодзинского университета (Лодзь, Польша)

Поэзия и проза Бекира Чобан-заде

Рамиз Аскер

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой истории литератур тюркских народов Бакинского Государственного Университета, лауреат Международной премии им. Бекира Чобан-заде 2012 г. (Баку, Азербайджан)

11.00-11.20 Перерыв на кофе

Карасубазар в ряду культурных приоритетов Бекира Чобан-заде

Сеферова Фера

канд. филол. наук, доцент Крымского инженерно-педагогического университета (Крым, Украина)

Бекир Чобан-заде и изучение арабизмов в школе

Алхасов Яшар

д-р философии по педагогике, доцент, директор Азербайджанского культурно-образовательного центра Полтавского университета экономики и торговли (Полтава, Украина)

Людвиг Семенович Делямуре в культурной и духовной жизни Карасубазара на рубеже XIX – XX вв.

Ефимова Татьяна

директор Белогорской Централизованной библиотечной системы для детей (Крым, Украина)

Терминология и номенклатура журналистики в публицистике Бекира Чобан-заде

Велиева Эльмаз

аспирант факультета крымскотатарской и турецкой филологии Крымского инженерно-педагогического университета (Крым, Украина)

Репрезентация концепта *deve* в национальной когнитивной картине мира крымских татар (на материале фразеологических единиц Карасубазарского наречия крымскотатарского языка)

Джелилов Ахтем

канд. филол. наук, преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Крымского инженерно-педагогический университета, (Крым, Украина)

Неизвестные страницы педагогической деятельности Бекира Чобан-заде в Тотайкойском педтехникуме

Усманова Сайде

аспирант кафедры педагогики и управления учебными заведениями Крымского гуманитарного Университета (Крым, Украина)

13.30-14.30 Обед

25 мая 2012 г.

(Кинозал ТРЦ «Гузель»)

9.30 3-заседание

Ведущие: Биннетова А. У., Зайцев И. В.

Отражение концепции общетюркского языка «Таржуман» в периодической прессе Туркестана и ее развитие Бекиром Чобан-заде

Абдирашидов Зайнабидин

д-р ист. наук, старший преподаватель факультета узбекской филологии Национального университета Узбекистана лауреат Международной премии им. Бекира Чобан-заде 2012 г. (Ташкент, Узбекистан)

Карасубазарский караван-сарай «Таш-Хан»

Абдужемилев Рефат

аспирант кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Крымского инженерно-педагогического университета (Крым, Украина)

XX. Yüzyıl Azerbaycan diltcilik tarihinde Bekir Çobanzade merhelesi (Период Бекира Чобан-заде в истории азербайджанского языкознания XX века)

Гаджиева Галиба

канд. филол. наук, доцент историко-филологического факультета Нахичеванского Государственного университета (Нахичевань, Азербайджан)

Языки канцелярии Крымского ханства

Колоджейчик Дариуш

д-р филос. наук, профессор Института истории Варшавского университета, профессор Польской Академии Наук (Варшава, Польша).

11.00-11.20 Перерыв на кофе

Ученый из Карасу Абдульгаффар Кырими и его историческое сочинение (история, проблемы и перспективы изучения)

Сейтягьяев Нариман

канд. филол. докторант Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, лауреат Международной премии им. Бекира Чобан-заде 2010 г. (Симферополь, Крым, Украина)

Kırım'ın Karasu kazası'nda malı ve iktisadi hayat: 1700-1750
(Социально-экономическая жизнь Карасу: 1700-1750 гг.)

Нури Кавак (Nuri Kavak)

д-р исторических наук, доцент (Турция)

Мечети Карасубазара (1783 – 1939 гг.)

Абдуллаев Ибраим

ведущий исторического раздела газеты «Голос Крыма», лауреат
Международной премии им. Бекира Чобан-заде 2011 г.
(Крым, Украина)

***Къарасубазар – къырымтатар халкъ агъыз яратыджылы-
гъында (Карасубазар в крымскотатарском устном народном
творчестве)***

Бекирова Зера

аспирант кафедры крымскотатарской литературы Крымского
инженерно-педагогического университета (Крым, Украина)

Газиз Губайдуллин и Бекир Чобан-заде: путь к знаниям

Кульпин Эдуард

д-р филос. наук, профессор, лауреат Международной премии
им. Бекира Чобан-заде 2011 г. (Москва, Россия)

Подведение итогов конференции

Объявление тематики конференции 2013 г.

13.00.-14.00 Обед

Возложение цветов к памятнику Б. Чобан-заде

(сквер им. Б. Чобан-заде, ул. Луначарского, 46)

**Торжественная церемония вручения Международной премии
им. Б. Чобан-заде и концерт в честь участников конференции и
лауреатов премии.**

(Актный зал Белогорской детской школы искусств, ул. Мира, 2)

АЛХАСОВ Яшар Камиль оглу
(Украина, Полтава)

БЕКИР ЧОБАНЗАДЕ И ИЗУЧЕНИЕ АРАБИЗМОВ В ШКОЛЕ

В мире нет «чистого» языка. В результате заимствования слова одного языка оказываются в другом. Заимствованные слова адаптируются согласно внутренним законам развития языка, в который они попали, и служат обогащению его лексического состава. Заимствованных из арабского языка слов (арабизмов) в словарном составе современного азербайджанского языка сравнительно больше, чем заимствований из других языков.

Известно, что государственная власть в Азербайджане в разные исторические периоды оказывалась в руках арабов, фарсов и азербайджанцев. Народы, находящиеся под властью арабов и фарсов, обязательно должны были говорить, писать и читать на арабском или фарсидском языках. Азербайджанцы, которые жили в течение более трехсот лет под властью арабов и свыше тысячи лет под гнётом фарсов, выучили алфавит, язык арабов и фарсов и создали на этих языках всемирно известные, величайшие произведения. Бессмертная «Хамса» («Пятерица») Низами Гянджеви, созданная на фарсидском языке, диван Мухаммеда Физули – на арабском языке, считаются шедеврами мировой классической литературы. М. Физули пробовал своё перо в области различных литературных жанров средних веков и создал великолепные образцы искусства на трех языках: арабском, фарсидском и азербайджанском. История употребления слов и выражений арабского происхождения связана с завоеванием Азербайджана арабскими захватчиками в VII–IX столетиях, с одной стороны, и распространением Ислама в Азербайджане – с другой. После арабской оккупации в Азербайджане, как и в других захваченных странах, стал использоваться арабский алфавит (5). В азербайджанском языке имеется огромное количество слов и выражений, географических названий, личных имен, литературных псевдонимов арабского происхождения. Смысл большинства из них до сих пор не

понятен читателю. Например: «Qüdsi» – литературный псевдоним Аббасгулу аги Бакыханова – образован от сочетания согласных qds и означает «святой». Слово «Müşviq» образовано от «şövq» (рвение, склонность), а «Müşfiq» (псевдоним азербайджанского поэта Микаила Мушфига) – от «şəfəq» (заря).

Поэтому нынешняя азербайджанская молодёжь при чтении произведений Насими, Физули, Хатаи, Вагифа и других наших классиков вынуждена пользоваться различными словарями. Порой то или иное слово не находит своего правильного толкования в этих словарях. Поэтому на уроках азербайджанского языка и литературы необходимо систематически проводить работу по обогащению лексического запаса учащихся заимствованиями из арабского языка, развивать устную и письменную речь школьников с привлечением терминологии арабского происхождения. Выдающийся тюркский лингвист академик Б.В. Чобанзаде, говоря о необходимости создания единой научной терминологии тюркских народов, отмечал, что при этом «мы должны брать три основы: арабско-персидскую, общетюркскую и европейскую» (4, 193).

По мнению известного тюрколога, изучение арабизмов в тюркских школах имеет большое научное и педагогическое значение, ибо именно они составляют понятийный аппарат преподавания языка и литературы (4, 191). Данную лингводидактическую установку изучения арабизмов в школе мы считаем вполне справедливой и обоснованной и она должна лечь в основе работы по обогащению лексического запаса учащихся, проводимой учителем как на уроках языка, так и на уроках литературы. Поэтому наряду с работой над морфемикой и составом слова, на уроках должны иметь место комментарии по этимологическому анализу слова. Ведь большинство слов арабизмов, употребляющихся в современном азербайджанском языке, фонетически освоено, подчинено фонетическим законам азербайджанского языка и настолько прочно вошло в язык, что «заимствованность» этих слов понимают и различают лишь специалисты.

В арабском языке, который относится к флективным языкам, первичная грамматическая форма опирается в большинстве случаев на корень из трёх, реже – из четырёх согласных. От корня путём внутренней флексии, т.е. вклинивания гласных между согласными образуются новые (родственные) слова, имеющие различные значения. Например: *ktb* – *kitab*, *katib*, *məktub*; *rşd* – *rəşid*, *rəşad*, *rəşadət*; *hkm* – *hökm*, *hakim*, *ehkam*, *məhkum*, *məhkəmə*, *mühakimə* и т.д.

В современный азербайджанский литературный язык проникло множество слов, образованных от корневых слов арабского языка таким образом. Эти слова образуют целую цепь родственных, близких по значению слов, что в значительной степени облегчает толкование слов, следующих друг за другом.

Профессор Б.А. Ахмедов, указывая на различные пути пополнения лексического запаса учащихся, писал, что при работе над словами, заимствованными из арабского языка, следует использовать особый приём, так называемый «опора на известное» (2, 91). Напоминаем, что такой подход к изучению слова в современной лингвистике называется «словообразовательно-гнездовой принцип описания слов» (1).

Обратим внимание на слова *hökm* (приговор), *hakim* (судья), *məhkəmə* (суд), *mühakimə*, (осуждение), *məhkum* (осуждённый), которые образованы от корня из трёх согласных *hkm*. Сразу же бросается в глаза их внешнее сходство, близость по форме. Если эти слова не преподносятся учащимся в сравнении, то они, как показывает опыт, легко забываются, усваиваются не совсем прочно.

При толковании слов *mühakimə*, *məhkum*, учитель, безусловно, будет обращаться к словам *hökm*, *hakim*, *məhkəmə*. Например: *Məhkum* – это лицо, в отношении которого судья вынес приговор или же лицо, которое осудили приговором суда, наказали за содеянное.

После такого объяснения учитель закрепляет слово *məhkum*, употребляя его в контексте: *Xalq məhkəməsi müttəhimi dörd il müddətinə həbs cəzasına məhkum etmişdir*. (Народный суд осудил обвиняемого, приговорив его к четырём годам лишения свободы).

Как видно, слово *məhkum* в азербайджанском языке имеет лишь одно значение. Слово *mühakimə* в азербайджанском языке многозначно. И это не должно ускользнуть от внимания учителя: слово *mühakimə* (осуждение) означает, с одной стороны, процесс вынесения приговора кому-нибудь или рассмотрение какого-то дела в суде, с другой – выражение не одобрительного мнения о ком/чём-то.

Разные значения данного слова учитель должен раскрыть в конкретной ситуации. Например: *Onu xalq özü mühakimə edəcəkdir*. (Народ сам осудит его). В этом предложении *mühakimə edəcəkdir* означает, что действие не происходит в суде, а народ сам выразит своё неодобрительное отношение к нему, к его действиям.

Нужно объяснить учащимся, что знакомые им слова *hökm* и *hakim*, сочетаясь с вспомогательным глаголом или присоединяя к себе суф-

фикс, меняют своё лексическое значение, что может привести к изменению их грамматического значения. Слово, сочетаясь с глаголом *sürmək*, превращается в составной глагол (устойчивое словосочетание) *hökm sürmək* (царить). Например: *Bir çox ölkələrdə aclıq və səfalət hələ də hökm sürür.* (Во многих странах ещё царят голод и нищета).

Hakim (судья) в азербайджанском языке употребляется в следующих значениях: 1. Председатель суда; тот, кто выносит приговор, осуждает; 2. Арбитр, рефери в спортивных играх; 3. Главный, ведущий в чём-то. Например: 1. *Xalq hakimi içəri girən kimi hamı ayağa qalxdı.* (Когда народный судья вошёл в зал, все встали). 2. *Tofiq Bəhramovun adı onuncu dəfə ən yaxşı futbol hakimləri sırasında çəkilmişdir.* (Имя Тофига Бахрамова в десятый раз названо в числе лучших футбольных судей в мире). 3. *Sən mənim ürəyimə hakim kəsilmişən.*

Что же касается третьего, переносного значения слова *hakim*, то можно отметить, что оно образует с глаголом *kəsilmək* устойчивое сочетание (фразеологизм): *hakim kəsilmək*, эквивалент которому в русском языке трудно подобрать. Поэтому дословный перевод предложения *Sən mənim ürəyimə hakim kəsilmişən* будет выглядеть таким образом: Ты стала властителем моего сердца. Приблизительный русский перевод «Ты сильно запала в мою душу» отнюдь не передаёт тех чувств, эмоций, выраженных в азербайджанском предложении.

Обратим внимание на изменение грамматических значений слова *hakim* после присоединения к нему суффиксов.

1. Слово *hakim* после присоединения к нему суффикса фарсидского происхождения *-anə*, употребляется как прилагательное или наречие образа действия. *Hakimanə* означает *hakimcəsinə* (как судья, как властелин, повелитель, властно). Например: *Onun hakimanə baxışları məni valeh etmişdir.* (Ее (его) властные (уверенные) взгляды очаровали меня). *Azər hakimanə çıxış edirdi.* (Азер выступал властно). Здесь в первом предложении *hakimanə* выступает как прилагательное, ибо относится к существительному *baxışları*, а во втором предложении относится к глаголу *çıxış etmək*, означает способ совершения этого действия (наречие).

2. Слово *hakim* присоединя к себе суффикс арабского происхождения – *iyyət*, употребляется как существительное *hakimiyyət* (власть, господство). *Demokratiya – qanunların hakimiyyəti deməkdir.* (Демократия означает власть (господство) законов).

Опираясь на опыт передовых учителей, можно констатировать,

что образованные от корня *hkm* слова, разные по смыслу, однако близкие по форме (*möhkəm-ehkam*, *hakim-istehkam*, *hakim-həkim*, *möhkəm-təhkim*), запоминаются, усваиваются хорошо лишь тогда, когда они преподносятся в сравнении друг с другом. Объяснением слова *möhkəm* учитель может особо не увлекаться, ибо это слово знакомо учащимся с начальных классов. Достаточно назвать антоним, синоним данного слова. Синонимами слова *möhkəm* могут быть *bərk*, *mətin*, *dözümlü*, *sözündən dönməyən* и т.д., антонимом может выступать слово *boş*.

Смысл слова *ehkam* понятен далеко не всем учащимся, так как оно употребляется в речи редко. При толковании слова *ehkam* учителю необходимо сказать, что это слово означает *hökm*, *qərar*, *sərəncam*, *hakimiyyət*, *rejim*, *mülhizə*, *rəy* и т.д., однако оно здесь употребляется в значениях «положение, принимаемое на веру как непреложная истина», «религиозная догма», «основное, ведущее положение какого-то религиозного учения. Обратимся к примерам: *Əvvəllərdə olduđu kimi*, *indi dinin ehkamları yalana, fitnəkarlığa əsaslanır*. (Ныне религиозные догмы не основываются на лжи, авантюре, как это было раньше).

В этом предложении словосочетание *dinin ehkamları* следует понимать как основные положения религиозной морали, основополагающие принципы религиозного учения. *Hazırda dini ehkamları elm təkzibedilməz sübutlarla təsdiq edir*. (Ныне религиозные догмы наука подтверждает неопровержимыми доводами). Слово *ehkamları* в этом предложении следует объяснять как идеи, положения. Прежде чем объяснить значение слова *istehkam* учителю нужно задать наводящие вопросы типа: Какие названия воинских частей вы знаете? В каких воинских частях служили ваши родители и старшие братья? ит.д. Видимо, учитель услышит такие ответы: *Mənim atam tankçı idi*. *Əmim rəbitəçi idi*. *Samirin atası topçu idi*. *Elçinin atası istehkamçı olub və s.* (Отец мой был танкистом. Дядя мой был связистом. Отец Самира был артиллеристом. Отец Эльчина был сапёром и т.д.). Далее учитель рассказывает учащимся о героизме танкистов, артиллеристов, связистов и сапёров в годы Второй мировой войны и в боях за Гарабаг, а затем спрашивает, что они понимают под словом *istehkamçı* (сапёр). Примерно были получены такие ответы учащихся: *Ev tikən* (домостроитель), *Körpü salan* (мостостроитель), *Körpü partladan* (взрыватель моста).

Обобщая ответы учащихся, учитель объясняет, что слово *istehkam*

в нашем языке означает крепость, укрепление, бастион, форт, цитадель и т.д. *İstehkamçı* (сапёр) – это военнослужащий (офицер и солдат) инженерных, военно-строительных частей. Работа нынешних сапёров не ограничивается только строительством домов, мостов или же их взрывом. Наряду со строительством гражданских и военных объектов, они занимаются заминированием местности, поиском и обезвреживанием мин и т.д.

Если слово *istehkam* учитель объясняет как *keçilməz, möhkəm qala* (неприступная, твёрдая крепость), слово *möhkəm* как *bərk* (твёрдый), а слово *təhkim* как *möhkəm etmə, möhkəmlətmə, bənd etmə* (укрепление, прикрепление) и при этом сравнивает эти слова, наглядно демонстрируя производность одного слова от другого, то учащиеся прочно запоминают значения этих слов и правильно используют их в речи. Хотя они и различаются по смыслу, но в силу генетической близости имеют и определённую (внешнюю) схожесть. Обратимся к примерам: *Onu mənim maşınımın şoferi təhkim edərsiniz (Ə. Məmmədخانلی).* (Назначите его шофёром в мою машину) (А. Мамедханлы). В данном предложении составной глагол *təhkim edərsiniz* употреблён в значении *təyin edərsiniz* (назначите, определите).

Из курса истории учащимся уже известны исторические термины *təhkimçilik hüququ* (крепостное право), *təhkimçi mülkədar* (крепостник-помещик), *təhkimli kəndli*, (крепостной крестьянин). Наши наблюдения показывают, что дети, да и взрослые сплошь и рядом путают слова *təhkimli* и *təhkimçi*.

Вместо *təhkimli kəndli* они употребляют *təhkimli mülkədar* или, наоборот, *vместо təhkimçi ağa, mülkədar* говорят *təhkimçi kəndli*. Это, безусловно, связано с незнанием точного смысла этих слов. В одном из учебников (правда, уже старых) по азербайджанскому языку приводится текст, в котором указанные слова употреблены неверно: *Bir mülkədar təhkimçi kəndlilərindən birini skripka çalmağı öyrənmək üçün İtaliyaya göndərmişdi. Bir neçə ildən sonra o, məşhur skripkaçı oldu. Mülkədar ona xəbər göndərdi ki, tez Rusiyaya gəlsin. Təhkimçi qayıtdı.* (Один помещик послал одного из своих крепостников-крестьян(!) в Италию за тем, чтобы он научился играть на скрипке. Через несколько лет тот становится известным скрипачом. Помещик передаёт ему о том, чтобы он скорее вернулся в Россию. Крепостник (!) возвращается).

Видимо, данный текст был переведён с русского языка. Неверные выражения *təhkimçi kəndli, təhkimçi qayıtdı* следует квалифицировать

как ошибки переводчика. Однако подобные неточности не должны иметь место в учебниках для средней школы. Впрочем, значения данных слов можно объяснить таким образом: *təhkim + ʕi* (суффикс существительного) – богатый, эксплуатирующий крестьян помещик, сторонник крепостного права; *təhkim+li* (суффикс прилагательного) *kəndli* – крестьянин, чей труд, имущество и личность эксплуатируются помещиком, привлечённый помещиком к принудительному труду.

Слова арабского происхождения, перешедшие в наш язык и в силу освоения получившие «гражданство» в нём, произносятся в самом арабском языке отнюдь не так, как мы произносим сейчас. В течение долгого времени эти и другие слова как бы прошли этап «азербайджанизации» и освоились в нашем языке. Поскольку арабизмы вошли в лексический фонд азербайджанского языка, то работа над их произношением, лексическими и грамматическими значениями, употреблением, написанием, сочетанием, образованием и т.д. должна находиться в центре внимания учителей азербайджанского языка и литературы. Часть арабизмов употребляется в азербайджанском языке как термины различных отраслей науки. Большинство данных слов относится к общеупотребительной лексике и понятно всем носителям азербайджанского языка. По мнению академика Б.В. Чобанзаде, «арабские термины, которые забыли сами арабы», являются источником для изучения творчества классиков общетюркской литературы (4, 191).

Нам представляется, что в усвоении учащимися точных значений арабизмов, овладении правилами орфографии, орфоэпии данной лексики хорошим и надёжным подспорьем может служить «*Azərbaycanca-rusca ərəb mənşəli eyniköklü sözlər lüğəti*» («Азербайджанско-русский словарь родственных слов арабского происхождения») (1). Нет необходимости доказывать роль такой книги в развитии речи учащихся, ибо после знакомства с таким словарём, который содержит информацию о том, как образуются слова арабского происхождения, учащийся азербайджанской школы без труда понимает, что слова типа *hökm*, *hakim*, *məhkum*, *ehkam* возникли от одного и того же корня. При таком подходе значения этих слов усваиваются легко. Действительно, если обучаемый будет знать, что слово *münsif* образовано от слова *insaf*, а *müxbir* – от слова *xəbər*, то ему на основе вторых производящих слов (*insaf*, *xəbər*) намного легче понять значение первых (*münsif*, *müxbir*). Всё

это свидетельствует о реализации общедидактических принципов преемственности и «от известного к неизвестному» при изучении арабизмов в школе (3).

В указанном словаре впервые в современной лексикографии заимствованные из арабского языка слова сгруппированы по словообразовательно-гнездовому принципу и представлены с толкованием на азербайджанском и русском языках.

Таким образом, изучение слов арабского происхождения в лексическом составе азербайджанского языка в школе представляет собой актуальную лингвистическую, социально-педагогическую и идеологическую задачу, ибо изучение языка как главного государственного атрибута любого народа всецело связано с изучением истории культуры народа, этнопсихологических факторов формирования нации. Считаем, что исследование различных аспектов заимствований из арабского языка может быть злободневным и для тюркологии, изучения истории тюркских языков и их носителей.

Литература

1. Alxasov Y., Məzəmlı F. Azərbaycanca-rusca ərəb mənşəli eyniköklü sözlər lüğəti. Bakı: Mütərcim, 2011. – 256 s.

2. Əhmədov B.A. Azərbaycan dili təliminin qanunları, prinsipləri və metodları. Bakı: Maarif, 1974. – 468 s.

3. Практическая методика обучения русскому языку в начальной школе/ Под ред. Е.В. Котока. Л.: Просвещение, 1987. – 246с.

4. Чобанзаде Б. О системе научной терминологии// Первый всесоюзный тюркологический съезд (26 февраля – 5 марта 1926г.): Стенографический отчет. – Баку, 1926. – С. 190-193.

5. Чобанзаде Б. О месте истории Востока в школе// Maarif işçisi. – Bakı, 1926. – №1(9). – С. 51-56.

BEKİR ÇOBANZADE’NİN ŞİİRİ VE NESRİ

Bekir Çobanzade, Türklüğün şaheseri *Divanü Lugatî’t-Türk’ün* yazarı Kaşgarlı Mahmut’tan ve Rusya Bilimler Akademisinin Demidov ödülünü dört kez kazanan Mirza Kâzimbey’den sonra Türk dilciliğinin en ünlü ismidir. 1915’ten hayatının sonuna kadar dil tarihi, karşılaştırmalı dilcilik, gramer, imla, alfabe, pedagoji, diyalektoloji, terminoloji ve diğer konularda yazdığı 300 civarında bilimsel eser, bugün de güncelliğini ve önemini korumaktadır.

Bir bilim adamı olarak Bekir Çobanzade’nin sahip olduğu temel özellikler şunlardı: 1) Son derece yetenekli ve zeki bir insandı. 2) Bilimsel uğraşı alanına bütün Türk dünyası dahildi. 3) Avrupa standartlarında yetişmiş ilk dilcimizdi. 4) Mükemmel derecede Türkçe, Arapça, Farsça, Rusça, İngilizce, Almanca ve Macarca biliyor ve bu dilleri ustaca kullanıyordu. 5) Yaşadığı ağır ve karmaşık dönem bir bilim adamı olarak parlamasına elverişli ortam oluşturmuştu.

Bekir Çobanzade fenomeninin diğer bir yönü onun aynı zamanda yetenekli bir şair ve yazar olmasıdır. Edibin milli şiirleri ve duygulu hikâyeleri, edebiyat üzerine özgün düşünceleri bilim dünyasında maalesef yeterince bilinmemektedir.

Bekir Çobanzade’nin ilk şiirinin ne zaman basıldığı da kesin olarak bilinmiyor. Bazı araştırmacılara göre *Anan Nerede?* adlı ilk şiiri 1913’te İstanbul’da neşrolunan *Yaş Tatar Yazgıçları* mecmuasında çıkmıştır [1]. Budapeşte’de 1919-20’lerde kaleme aldığı şiirlerini üç deftere yazmış ve onlara *Kaval Sesleri* adını vermiştir [2]. Bazı şiirlerini İstanbul’da yaşayan akrabası Hamdi Ataman’a göndermiş, çok az bir kısmını çeşitli dergilerde, o cümleden *Gök Kitap’ta* [3] ve *Kırım Mecmuası* adlı şiir antolojisinde [4] bastırmıştır. Tatar aydınlarının Romanya’da çıkardıkları *Emel* dergisinde birkaç şiiri basılmıştır [5].

Bekir Çobanzade hayatta iken *Boran* adlı küçük bir şiir kitabı ışık yüzü görmüştür [6]. Edip, buradaki şiirlerini *Şair ve Hayat* adlı iki bölüm halinde sunmuştur. Bundan sonra uzun süre hiç bir şiir kitabı basılmamıştır. 1955’te Abdullah Battal Taymas tarafından hazırlanan *Kırımlı Bekir Çobanzade’nin Şiirleri* adlı eserde [7] şairin bazı şiirleri verilmiştir.

1971’de Taşkent’te Gafur Gulam edebiyat ve sanat neşriyatınca basılmış bir kitapta [8] iki Tatar şairinin şiirleri toplanmıştır. Eşref Şe-

mizade'nin tertip ettiği *Bekir Çobanzade* kısmında, sunuşla birlikte Çobanzade'nin 14 şiiri, Şamil Aladdin'in tertip ettiği *Abdulla Letifzade* kısmında ise A. Letifzade'nin 11 şiiri yer almıştır. Bu küçük kitap adları ve eserleri 1937'den beri yasaklanmış iki ünlü şairin yeniden Tatar ve ortak Türk edebiyatına kazandırılması bakımından çok önemlidir. Son dönemde Bekir Çobanzade'nin Kırım'da yayımlanan çeşitli gazete ve dergilerde de bazı şiirleri çıkmıştır.

Şairin en iyi, en kapsamlı kitabı İsmail Otar'ın tertip ettiği *Kırımlı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade* kitabıdır [9]. 1999'da İstanbul'da basılan bu kitapta onun elde bulunan bütün şiirleri ve hikâyeleri hem Tatarca, hem de Türkçe tercümeleri ile birlikte verilmiştir. Kitaba edibin geniş biyografisi, eserlerinin bibliyografisi, hakkında yazılan makalelerin listesi eklenmiş, sonda ise küçük bir lügat, ayrıca şiirlerinin Arap alfabesiyle orijinallerinin suretleri sunulmuştur.

2007 yılında Azerbaycan Milli Bilimler Akademisine bağlı Muhammed Fuzuli Elyazmalar Enstitüsü, Bekir Çobanzade'nin eserlerinin 5 ciltliğini neşrettirmiştir [10]. Tabii ki, buraya onun ancak ilmî eserleri dahil edilmiştir. O dönemde Çobanzade'nin bedii eserlerini neşre hazırlamak bizde hâlâ düşünce aşamasındaydı. Eğer bu teşebbüsten haberdar olsaydık, o zaman şairin bedii eserleri 6. cilt olarak basılabilirdi.

Bekir Çobanzade'nin en son kitaplarından biri Kırım'da Kiril alfabesiyle basılan *Bir Saray Kuracak Men* kitabıdır [11]. Biz bu kitabın e-varyantını elde etmek için bir hayli çaba harcadık, ancak Kırım'dan bunun için 200 dolar para talep ettiler. O zaman biz *facebook*a bu konuda haber koyduk. Türkiye'de oturan onlarca Tatar bu parayı ödemek için hazır oldu-ğunu bildirdi. Daha sonra Bilkent Üniversitesi öğretim üyesi Prof. Dr. Ha-kan Kırımlı kitabı bize postayla gönderdi. Burada değerli hocama teşekkürümü iletmek istiyorum.

2003'te Kırım'da basılan son kitabında şairin 18 şiiri hem Tatarca, hem de Rusça bir arada verilmiş, Çobanzade üzerine küçük bir sunuş yazılmıştır [12].

Şu anda bilim alemine Bekir Çobanzade'nin toplam 84 şiiri malumdur. Aslında, onların sayısı bundan defalarca fazla olmalıdır. Şüphe yok ki, şairin muhtelif arşivlerde gizli kalan başka eserleriyle birlikte şiirleri de er geç gün yüzüne çıkacaktır.

Bekir Çobanzade'nin şiirlerini tematik yönden tasnif etmek zordur ve belki mümkün de değildir. Kırım'a, yurda duyulan sonsuz sevgi ve özlem, Tatarların acınacak durumu şiirlerinin hemen hemen hepsine yansımıştır. Burada ayrıca aşk ve doğa şiirleri varsa da bunların hepsi Kırım, Tatar,

yurt motifleriyle iç içedir. Biz Azerbaycan Türkçesine uygunlaştırdığımız 73 şiirdeki Kırım, Tatar ve yurt sözlerini bilgisayar sayımına tabi tuttuk. Çobanzade'nin 73 şiirinde Tatar sözünü 99 defa, yurt sözünü 56 defa, Kırım sözünü 11 defa kullandığı ortaya çıktı.

Şair bu şiirlerinde genel olarak çok karamsardır. Tatarların esaret altında inlemesi, zulüm ve sömürü onu son derece üzüyor. O, “*Yok milletimin hattı bu imzalar içinde*” diyen Azerbaycanlı meslektaş Muhammed Hadi gibi sızlanıyor:

Milletler yarışı başladı çoktan,
Her halkın var orda aygırı, atı,
Zavallı Tatar'ın duyulmaz sesi,
Zavallı Tatar'ın yok orda adı.

Bu karamsarlık bazen şairin bütün varlığını sarsıyor, onu çok derin ruhi bunalıma sürüklüyor:

Yıl uzun, son günü soğuk bir mezar,
Yeni yıl yok bize, çünkü biz: Tatar.

Tatar halkının manevi çöküşü, çağdaş uygarlıktan uzak kalışı, uyuşukluğu ve aczi Çobanzade'yi çılgına çeviriyor:

Tatar'ım, sapsarı halkımın beti,
Kanı su olmuş da, çürümüş eti...

Dinç Tatar çölüne kuraklık yağır,
kan gerektir, kan!
Burda herkes koyun, tavşan, ya sığır,
hani bir arslan?

Çobanzade taşarak setlerini yıkan Tuna ırmağına hitaben yazdığı bir şiirinde Tuna gibi kükremek, Tatarların karşısındaki bütün setleri yıkmak arzusunu dile getiriyor:

Keşke senin gibi ben de köpürsem,
Tatar'ın seddini yıkıp götürsem.

Şair ara sıra Tatarların, Türklerin şanlı mazisini, tarihin derinliklerinde kalan azamet ve ihtişamını hatırlayarak o günlerin özlemiyle yaşıyor. Mesela *Zavallı Türk* şiirinde şöyle diyor:

Sen ey zavallı Türk, ey bahtsız millet,
Gün gelir, yıldızın parlayır, elbet.

Yabancı eline düştü sarayın,
Karardı, silindi yıldızın, ayın.

Şair sık sık hayale dalıyor, Cengiz'i, Batu'yu, Timur'u arzuluyor;

uzaktan nazlı Tatar kızlarıyla ordu halinde, nizamla gelen atlıları görüyor, fakat bu atlılar bir türlü gelip çıkamıyorlar. O zaman ‘Gelsinler, kabrimin etrafına dolansınlar’ diyor:

Siz o zaman yiğitlere söyleyin,
Mezarımı dolansınlar, bakarım!
O kızları ben bekledim, ben sevdim,
Dolansınlar, belki birden kalkarım.

Geliyorlar adlı şiirinde bu hisler sonsuz bir heyecanla tasvir ediliyor. Adam bu şiiri okurken neredeyse atların ayak seslerini, kişnertisini, yiğitlerin narasını işitiyormuş gibi oluyor:

Tarihe, gölgeye kişniyor atlar,
Nalından kıvılcım çiliyor atlar.

Bu gün gelecekler, yoksa ki yarın,
Yolda işleri var belki onların?

Onlar gelene dek atın belinde,
Ben ölüp giderim tavşan yılında.

Onları izledim gün batana dek,
Onları gözledim tan atana dek.

Dostlar, beni gömün yolun altına,
Nerde ki, su verir yiğit, atına.

Kabrimin üstünde dursunlar bir az,
Çevremde atları yorsunlar bir az.

Onun şiirlerinde Türk-Tatar halklarının, Çerkezlerin timsalinde milli talihi bizimle bir olan müslüman Kafkas halklarının birliği vurgulanıyor. (O, Araplara, Farslara sempati beslemiyor ve şunu saklamıyor). Çobanzade bu birlik uğruna ölmeye bile hazır: dır:

Bu sözlerim çok açık,
Anlar onu balacak,
Yakınıyım herkesin,
Türk’ün, Tatar, Çerkes’in.
Türk’ün, Tatar, Çerkes’in.

Kederli halk, büyük halk!
Ciğerleri körük halk!

Sizden doğdum, sizdenim,
Tarlınızda bir denim.
Tarlınızda bir denim!

Kaygı, sevinç toyumda,
Yalancı yok soyumda,
Buyursanız ölürüm,
Bir yiğitçe ölümle,
Bir yiğitçe ölümle!...

Bekir Çobanzade Türk-Altay dünyasına tek bir yurt gibi bakıyor.
Bir çok şiirinde Kırım'la beraber Kaşgar, Maçın, Divin ve Budin
(Macaristanda şehir ve ova) sözleri de geçiyor:

Bir ben kaldım yolsuz, hasret içinde,
Ben Budin'de, kardeşlerim Maçın'de...

Hislerimi Kaşgarlara saçarım,
Yüreğimi her insana açarım...

Eski Tokay meyi, Tatar'ın şiiri,
Divin'den Kaşgar'a geçmeli emri!

Keşke ben bağırsam, sonra kirisem,
Kırım'da, hem Kaşgar'da
'Yurdum' deyip yürüsem.

Bekir Çobanzade sanatında dikkati çeken diğer bir motif ölümdür.
Bu söz onun 73 şiirinde 36 defa geçiyor. Tatarların ünlü *Kaytarma* oyun
havasından bahseden şiirinde şair ölümü bu hava ile özdeşleştiriyor:

Ölüm, atam, anam, kardeşim, sorma,
Bel bele güleşir, oynar kaytarma...

Çal, ölüm, öp, ölüm, oyna, hiç durma,
Bana sen gereksin, bir de kaytarma...

Ölümle dans etsem, üstüme varma,
Gösterim Tatar'a gerçek kaytarma...

Mahşerde siz beni hiç kaldırmayın,
Yanımda surları hiç çaldırmayın.

Ölümü bulurum, rahatsız olma,
Bana ölüm gerek, bir de kaytarma.

Bekir Çobanzade ölümleri de tasnife tabi tutuyor, onun nazarında sıradan ölüm değil, ille 'yahşı ölüm' makbûldür:

Hak katında yurda şifa dileyin,
Kendinize yahşı ölüm isteyin!

(Ezan Sesi).

Çok olmuş dünyaya gelen ve giden,
Çoğu Azrail'den korkmamış elbet.
Bir yahşı ölümdür eri er eden,
Bir açlık, bir ölüm, bir de muhabbet.

(Student).

Şairin bazı şiirleri mizahi üsluptadır. *Ayyaş, Gölgede Yatana, Su Anası, Kalpak Mahracı, Şehir Uşağı, Mezad-I, Mezad-II* şiirlerinde Tatarların olumsuz yönlerini hiciv yoluyla eleştiriyor. Onun *Tesadüf (Rast Gele)* şiirinde ise ince humor hissi seziliyor. Şair burada atideki facialı talihini de sezmiş gibidir:

Korkarım bir sabah düğüne gitsem,
Durup ziyafette yiğitlik etsem,
Bir kurşun mıhlaya enseye gâvur,
Tesadüf, tullaya hendeğe gâvur.

Çobanzade'nin şiirlerinde türkü ve şarkı motifi de bir hayli kabarıktır. Bu sözler (Tatarcada *cır, yır*) şairin şiirlerinde 41 defa geçiyor. Bunlar Tatar'ın yol ve ömür yoldaşdır. Onun sevinci de, gamı da onlardadır.

Bunların dışında şairin şiirlerinde aşk, hasret, umut, baht, talih ve sair motifler de gözlemlenmektedir. *Tandı* adlı biricik folklorik manzumesinde ise Tatarların yiğitliklerinden bahsediliyor.

Bekir Çobanzade *Öz Özüme* adlı şiirinde asıl Tatar'ın, gerçek Türk'ün nasıl olması gerektiğini göstermiş, onun bedii portresini yaratmıştı. Bu tabii ki, edebi, hayali, bir suretti. Hayatta ise o suretin prototipi Bekir Çobanzade'nin kendisiydi:

En çetin bir zamanda,
Baş omuzda kalanda,
Yurt için ant içmesen,
Ömründen vazgeçmesen,
Mescide ayak atma,
Kur'an'a el uzatma!

Yoksa kuvvet tapamaz,
Tatar saray yapamaz,
Onda böyük sehv olur,
Adı sanı mahv olur,
Sen kalırsın gurbette,
Ebedi bir lanette...

2011 yılının sonunda Çobanzade'nin *Seçilmiş Şiirleri* [13] kitabını Azerbaycan okuruna sunmakla bu büyük bilim adamının aynı zamanda zarif ve ince duygulu bir şair olduğunu göstermek istemiş, hikâyelerinin de bir gün mutlaka çevrileceğini, o zaman Çobanzade'nin karşımızda bütün aza-metiyle duracağını yazmıştık. Kitap çıkar çıkmaz bütün dostlar ve meslektaşlar bu boşluğu en kısa sürede doldurmamı rica ettiler ve ben Çobanzade'nin hikâyelerini de çevirdim. Ancak bunların hacmi normal bir kitap teşkil etmekten uzaktı. Bundan ötürü onun edebi düşüncelerini, bir kaç makalesini de tercüme ettim, fakat hacim gene de azdı. Bir arkadaşım bunları şiirlerle birlikte *Seçilmiş Bedii Eserleri* adıyla [14] yayınlamayı tavsiye etti.

Bu kitapta Bekir Çobanzade'nin gençlik yıllarında yazdığı 6 hikâyesi yer alıyor. Muhtemelen edip sonralar coşkun ilmî faaliyetle meşgul olduğu için çok az şiir yazmış, hikâyeye yazmaya ise zaman bulamamıştır. İlk kalem tecrübeleri olmasına rağmen hikâyeleri konu ve işleniş bakımından çok olgun eserlerdir. Edibin olaya geçmeden önce epigraf anlamında uzun bir giriş vermesi bu hikâyelerin zahiri özelliğidir. Dikkatli okur buradan yola çıkarak çok hazin bir olayla karşılaşacağını anlıyor. Hikâyelerin ikinci özelliği onların içeriğine aittir. Tür bakımından küçük hikâyeye yakın olan bu eserler bir miktar sert, hatta amansız şekilde kaleme alınmıştır. Bu da yazarın, önüne koyduğu amaca ilişkindir.

İki Derviş adlı hikâyeye dinî konudur. Takva sahibi bir müminin iki oğlundan biri ticarete atılıyor, diğeri ise nefsini yenmek için zahitliği seçiyor. Zahitliği seçen yıllar sonra şehre kardeşinin yanına geliyor. Onun dürüstlüğünü görünce ticaret alanında şeytanı ve nefsi yenmenin daha zor olduğunu anlıyor, zahitlikten vaz geçerek kardeşinin yanında çırak oluyor.

Boşveren Celil hikâyesinde edibin '*Eski Kıvrımlı*' diye tabir ettiği Celil ağanın karakteri işlenmiştir. Sigara tiryakisi olan ve çok az konuşan Celil ağa, Birinci Dünya savaşında askere alınarak cepheye gönderiliyor. Burada büyük yiğitlikler gösteriyor, madalyalara, hatta Mukaddes Georgi nişanına layık görülüyor. Cephe gazetelerinde resimleri ve kahramanlığı hakkında yazılar çıkıyor. Celil ağa bütün nişanlarını, madalyalarını tütünlü

değiştiriyor, sonunda esir düşerek gelip Macaristan'a çıkıyor. Müellif, bir dostunun ricası üzerine 'hiç bir dil bilmeyen, daima sigara içen' bu adamı ziyaret ediyor. Celil ağa yazara Kırım'dan haber alıp almadığını soruyor. Aralarında şöyle bir diyalog geçiyor:

“–Alıyoruz, Celil ağa. Kırım'da karışıklık var. Tatarlar hanlık istiyorlarmış. Kırım'a varsan, savaşır mısınız?” dedim.

Celil ağa:

“–Savaşıp gene madalya mı alacağız? Bize yetti, artık siz savaşın' dedi.

“–Madalya, nişan yok, savaşsaks Kırım'ı, bütün Kırım'ı alacağız, Celil ağa!”

Celil ağa çubuğunun dumanını savurmadan bir parça düşündü:

“–Evet, savaşırız. Kırım'ı alacak olsak, çubuğumu bile bırakırım, kardeşim!” dedi. Bir de kahkaha attı. Belki yıllardan beri ilk defa gülüyordu.

Benim, Celil ağanın sözüne büyük güvencim var. Celil ağa söz verdikten sonra Kırım'ı yalancı tanla (seherle) gerçek tan (şafak) arasında alırız.”

Harmanda Bir Şair adlı hikâyede memleketinde medreseyi bitirip İstanbul'a okumaya giden, fakat yoksulluk yüzünden Kırım'a geri dönen Abdülaziz mollanın başına gelenlerden bahsediliyor. Çaresiz kalan molla köyde ağanın harmanında çalışıyor. Geceler ay ışığında beyitler yazıyor. Fakat asabi, dedikoducu bir kadın onun okuduğu bir beyitte kendi suretini görüp Abdülaziz'e düşman kesiliyor. Bir gün şehirden ağanın konukları geliyor. Konuklar harmanı gezerken ağa beraberinde getirdiği *Tercüman* gazetesini Abdülaziz'e okutturuyor. Abdülaziz gazeteyi su gibi okuyor; üstelik, Avrupa devletlerinin siyaseti hakkında onlara geniş bilgi veriyor. Ağa bunu derin hayretle karşılıyor, mollanın aklını ve kabiliyetini çok beğeniyor, ona övgüler yağdırıyor. İrgatlar Abdülaziz'in aynı zamanda şair olduğunu haber veriyorlar. Ağanın ricası üzerine Abdülaziz yazdığı şiiri oku-yor. Herkes şiiri beğeniyor. Ağa gene Abdülaziz'i övüyor. Birden irgatlar oradaki “*Bizim akçe bir günlük toya yetmiyor*” mısrasını hatırlatarak ağaya maddi durumlarının ağır olduğunu söylüyor, buna bir çare bulmasını rica ediyorlar. Ağa bunu kasıtlı olarak kurulmuş sahne sayarak Abdülaziz'e söğüp sayarak gidiyor. Abdülaziz'e düşman kesilen dedikoducu kadın bu defa onu savunuyor, bundan sonra şaire yemeğin en yağlı, etin en leziz yerini veriyor.

Çobanzade burada sınıf kavgasını değil, sade, emekçi Tatar halkının durumunu gözler önüne seriyor.

*On Dört Yaşım*da adlı hikâye Bekir Çobanzade'nin en etkili nesir eseridir. Karasubazar'dan Uluözen köyüne misafir giden romantik bir genç burada şehire başında tesadüfen bir Rus kızı ile tanışıyor. Ertesi gün de orada buluşup sohbet ediyor, birbirlerine vuruluyorlar. Ertesi gün yeniden görüşmek üzere ayrılıyorlar. Genç eve döndüğünde akrabasının Karasubazar'a gitmek için atları hazırladığını, kendisini beklediğini görüyor. Genç çaresiz kalarak şehire yola düşüyor. Sonralar o kızı çok arasa da bulamıyor ve onu ömrü boyunca unutamıyor: “Bunca yıllar, uzun, dopdolu yıllar geçtikten sonra bugün dahi bundan başka sevinecek, gönülümü ok-şayacak hatıram yoktur. Belki de hiç bir zaman olmayacak” diyor.

Uğurlu Yollar hikâyesinde ekonomik koşullar yüzünden köyden şehire göçen Tatarların milli hayat tarzından, öz yurdundan, tarlasından, dağından, atından ayrılan insanların faciası gösteriliyor. Her şeyin para ile ölçüldüğü şehirde yaşlıların karakteri değişiyor, çocuklar ise yabancı ortamda tamamen başka ruhta büyüyorlar. Bekir Çobanzade bunu bir aile örneğinde gös-teriyor.

Men Börü adlı bir Tatar, komşusu Kurt Baba ile birlikte köyden şehire göçüyor, mutluluğu orada arıyor. Ev alıp yerleştikten sonra bir kahve açıyor, aile yavaş yavaş şehirlileşiyor. Çocukları Nebi ile Hanife bütün gün sokakta geziyor, Rus çocuklarının başını yarıyor, cuhudların camlarını kırıyor, gelip gidene sataşıyor, kadınların üstüne balçık atıyor, komşu bağlardan meyva çalıyorlar. Şikâyete gelenlerden bıkan Men Börü sonunda Nebi'yi molla yanına veriyor. Fakat çocuk mollayı da kaale almıyor. Çaresiz kalan babası onu bir cuhudun mağazasına çıraklığa veriyor. Nebi birdenbire değişiyor, Rusça öğreniyor, giyim kuşamına, konuşmasına dikkat ediyor, uslu bir genç oluyor. Hatta bir kursu bitirerek şehir belediyesinde yazıcılık görevi alıyor. Yerli hayır cemiyetinin etkinliklerine katılan bu gencin adı “Seyid Nebi Men Börü cenapları” şeklinde İsmail Gaspıralı'nın *Tercüman* gazetesinde anılıyor, adı sanı bütün Tatar köylerine yayılıyor. Şehirdeki asilzade Tatarlar, görevli Ruslar onunla arkadaşlık kuruyor. Her şey yolunda giderken Nebi ayaşlığa başlıyor, bütün gün Rus kızları ile keyif çatıyor, sarhoş olup sokakta gölcüklerin içine yığılıyor.

Anası molla çağırıp dua okutuyor, Nebi defalarca tövbe ediyor, fakat kadeh arkadaşlarıyla buluşunca her şeyi unutup yeniden içmeye başlıyor. Sonunda Nebi polise düşüyor ve çok geçmeden hazin sonu çatıyor.

Yazar bu hikâyede yozlaşan, yıpranan, ayaşlığa müptela olan, ahlak düşkünlüğüne yuvarlanan Tatar gençliğinin durumunu göstermiştir.

Çobanzade'nin bu hikâyede meydana getirdiği Hanife sureti de ilginçtir. Nebi'yi seven Hanife onun ölümünden sonra sık sık sevgilisinin kabrini ziyaret ediyor, onun kabri üstünde Kur'an okuyor.

Men Börü ve komşusu bütün bunların sebebi köyde bırakıp gittikleri kabirlerde, ölülerin onlara lanet okuyan ruhlarında arıyorlar. Artık bu yerlerde kalabilmeyip 'karşı tarafa', yani İstanbul'a göçmek için pasaport çıkarıyorlar. Yazar onlarla karşılaşiyor, dertlerini dinliyor:

"Dinledim. 'Beni bahçeye çıkarın, kira götürün, su kenarına götürün' diyen hastaları çok gördüğüm için onları da anladım.

'-Bizi unutmayın, uğurlu yollar!' dedim."

Birkaç Suçum başlıklı yazıyı ise hikâye değil, Bekir Çobanzade'nin hayat ve sanat görüşü adlandırmak mümkündür. Müellif güzel kızların kendisini vefasız saydıklarını yazıyor. Oysa "Ben yurdumun nişanlısıyım. Kızları bazen yurduma benzedikleri için seviyor, bazen de yurdumdan uzak, habersiz görüp yüz çeviriyorum. Bir yürek birden fazlasını sevemiyor, ne yapayım?"

Arkadaşları onu bencil buluyorlar, oysa "Ben o sapsarı, can çekişen, ölmek, mezarlardan önce toprak üstünde çürümek için doğan çobanların, köylülerin dostuyum. Soyumun bütün yiğitlikleri, halkımın her ulvi, en yüksek dileği onların solgun yüzlerinde, yorgun gözlerinde yanıp sönüyor. Ben küçük yüreğimi bunların arasında paylaşmışım. Dostlarıma kalmadıysa, ne yapayım?"

Bu genç manevi değerlere, dine karşı bigâneliğine göre kınayanlar da az değil. Oysa bu genç eski mezarları, kutsal yerleri dolaşiyor.

Vatan, yurt sevdalı bu genç omuzlarında oturan altın saçlı, yeşil yakut kanatlı meleklerle sesleniyor: "Ben yeni işlerle, yeni sözlerle doğdum. Benim için, benim dostlarım için içinde sevaptan, suçtan başka cetvelleri olan ayrı bir defter isteyin. Siz gidin, bizim işlerimizi deftere yazmak için koca Ce-brail'in kendisi gelsin."

Kitaba edibin üç makalesini de dahil ettik. Bunlar Çobanzade sanatının başka bir yönünü anlamak bakımından çok ilginçtir. Fakat bu başka bir konudur.

Edebiyat:

[1] S.Nagayev. Medeni İnkilab Askeri. Lenin Bayrağı gazetesi, 2.09.1978, Taşkent.

[2] İsmail Otar. Kıvrımlı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. İstanbul, Lebib Yalkım yayımları, 1999, s. 54-150.

[3] Kırım Mecmuası. İstanbul, Süleyman Sudi yayını, 1918.

- [4] Gök Kitap. İstanbul, Hacı Adil yayını, 1919.
- [5] Emel. 1930, sayı 11.
- [6] Bekir Çoban-zade. Boran. Akmesçit, Kırım Devneşir, 1928, 55 s.
- [7] A.B.Taymas. Kırımlı Bekir Çobanzade'nin Şiirleri. Türkiyat Mecmuası, C. XII, 1955.
- [8] Bekir Çoban-zade. Abdulla Letif-zade. Taşkent, Gafur Gulam adına ede-biyyat ve sanat neşriyatı, 1971, 80 s.
- [9] İsmail Otar. Kırımlı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. İstanbul, Lebib Yalkım yayımları, 1999, 288 s.
- [10] Bekir Çobanzade. Eserleri. Baku, Şerq-Qerb neşriyatı, 2007, I-IV ciltler. (V. cild daha çıkmadı).
- [11] Bekir Çoban-zade. Bir saray kuracak men. Akmesçit, Vidrojdeniya yayımevi, 2001.
- [12] Bekir Çoban-zade. Oblaka. Bulutlar. Simferopol, 2003, 67 s.
- [13] Bekir Çobanzade. Seçilmiş Şeirleri. Baku, Nurlan neşriyatı, 2011, 160 s. (Tertip eden, Kırım-Tatar Türkçesinden uygunlaştıran ve ön sözün müellifi Prof. Dr. Ramiz Asker).
- [14] Bekir Çobanzade. Seçilmiş Bedii Eserleri. Baku, BXQR neşriyatı, 2012, 240 s. (Tertip eden, Kırım-Tatar Türkçesinden uygunlaştıran ve ön sözün müellifi Prof. Dr. Ramiz Asker).

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

Выдающийся крымскотатарский ученый-лингвист Бекир Чобан-заде, продолжая добрые традиции гениального Махмуда Кашгарского и Мирзы Казем-бека, оставил неизгладимый след в области развития тюркского языкознания XX века. Его многочисленные научные труды по сей день не утратили свою значимость и актуальность.

Б.Чобан-заде, будучи всесторонне одаренным человеком, является автором многочисленных прекрасных стихов и рассказов. В настоящее время научному миру известны его 84 стихов и 6 рассказов. По мнению ученых, многие его стихи, а возможно, и рассказы уничтожены после его ареста, или находятся в разных архивах спецслужб бывшего СССР.

Стихи Б. Чобан-заде были изданы еще при его жизни в разных журналах и сборниках, и лишь один раз отдельной книгой («Боран», Акмесçит, 1925, 55 с.), куда было включено свыше сорока стихов. В 1957 году Эшрефом Шамы-заде в городе Ташкенте было издано 14 его стихотворений в сборнике «Бекир Чобан-заде. Абдулла Латиф-заде».

В дальнейшем сборники стихов Бекира Чобан-заде были изданы в Крыму («Бир сарай кураджак мен») и в Стамбуле («Кырымлы тюрк шаир ве билгини Бекир Сыджкы Чобан-заде»). В последнее издание произведений Б. Чобан-заде наряду со стихами впервые были включены и 6 рассказов автора. В 2011 г. в Баку вышла из печати книга «Сечилмиш шеирлери» («Избранные стихи»), а в начале 2012 г. издано «Сечилмиш бедии эсерлери» («Избранные художественные произведения») Б. Чобан-заде на азербайджанском языке, подготовленные Рамиз Аскером. В первой книге нашло свое отражение 73 стихотворения, во второй – 73 стихотворения, 6 рассказов, 3 публицистических статей и отрывки из писем Б. Чобан-заде.

Almaz ULVİ (Binnatova)
(Azerbaycan, Bakü)

KLASSIKLƏRİMİZ BEKİR ÇOBANZADƏNİN ARAŞTIRMALARINDA

(M.Füzuli, Ş.İ.Xətai, Ə.H.Baykara və Ə.Ə.Nəvai)

Büyük edebiyatşünas, güzel şair, yetenekli yazar, bütün bunlardan da ileri klasik dilbilimci akademisyen olarak meşhur olan Bekir Çobanzadə (1893-1938) Türk dünyası tarihinde yüzyıllardan-asırlara ötürüləsi bir ömür yaşamıştır.

Bu görkemli insanın edebi kişiliğini algıladıkça, edebi mirasını vərəqlədikcə – öğrendikçe onun filoloji bilim tarihinde ölümsüzlük hakkı kazandığına bir daha tanık oluyorsun. Dahi Füzuli'nin yaratıcılığı hakkında yazdığı makalede yazıyor ki, «Füzuli dört yüz yıl önce edebiyatımızın dumanlı-bulutlu ufuklarında doğmuş, ölmemiştir ve belki daha birçok asırlar ölmeyecektir. O, bizim gönlümüzde, xatirəmizdə, okul ve səhnələrimizdədir. Ona bir müasirimiz, yaşdaşımız dersək, yanılmış olmayız. O, dört yüz yıl yaşayan bir insandır. Yukarıda saydığımız dönemlerin kahramanları artık her tarihi simalar olduğu halde, Füzuli bugüne kadar canlı bir sima [13,96-109; 4,164]. «Bekir Çobanzadəyə Allah teâlâ böyle ömür yazmıştır. Cismanî ömrünü naqis insanlar cavankən doğrayıb-töksələr de, Allah bahşettiği ömrü muhtemelen, bilim-edebiyat dünyasının kadirşinas yüzyıllar sarvanlarının gönlünde, kaleminde devam edecektir.

Üniversitede eğitim aldığımız yıllarda Dilbilimine ait derslərimizdə aziz öğretmenlerimiz mühazirədən öte sohbetlerinde Bekir Çobanzadənin adını, onun Dilbilimine ait mükemmel bilimsel araştırmalarından söz ederlerdi. Öğrencilerin «peki onun eserleri, kitapları neden eğitim yapılmıyor?» – sorusu hep cevapsız kalırdı. Bağımsızlık kazandıktan sonra yapılan itiraflar içerisinde diqqətimizdən kaçmayan ve yıllarca cevabını beklediğimiz soruların cevaplarını bulduk. Evet, Bekir Çobanzadə kökü üzərində yeşeren alimlerimizin bundan yüce sözü olamaz. Bekir Çobanzadənin dilcilik ilmine vurduğu mühür ondan yararlanan araştırmacıların itiraflarında görünse de, görünmese de, bu nokta, bu durum modern araştırmacıların dikkatinden yayınmadı: 37-38 yıllarında güllələnlerin kader kapıları açıldıktan, arşiv belgelerinden kullanmak fırsatı elde edildikten sonra bunları görmek çok kolay oldu. Üniversitede ders aldığımız hocalarımızın isimlerini hemen sırada durduğunu gördükçe sohbetlerini yeniden hatırlamamak bilmiyorsun. Onlar – Azerbaycan insani biliminin ünlü dilçiləri idiler – M.A.Dadaşzadə, M.Ş.Şirəliyev, H.M.Arashlı, Ə.M.Dəmirçizadə, F.S.Qasımzadə,

H.K. Bağırov, M.H. Hüseyinzadə, M.C. Cəfərov, A. Tağızadə, İ. Həsənov, A. Şərifov, A. Babayev [3,10]...

Bizim nesil araştırmacıların Bekir Çobanzadə kimliğini çoktan tanıyılmış gibi saygı göstermelerinin ilk sebebi işte buradan başlıyor. Görkemli dilbilimci akademisyen Afad Qurbanov makalelerinin birinde yazıyor ki, B. Çobanzadənin araştırmaları, kitapları öğrencilerin stollarının üstünde görünmese de, bizim ondan exz yaptıklarımız üzerinden yeni neslin kalbine inmiş, orada sıcak bir muhabbet yuvası kurmuştur.

Elbette yazımın amacından öte bu duygularımı ulaştırmadan kalbim yatışmazdı, yıllarca hakkı ayaklar altına alınmış klasik bilim-edebiyat fədakarının anısına bir damla su çiləməkdən kendimi tutamadığıma tanık olduğunuz.

Bekir Çobanzadə belirttiğimiz gibi, Türk dünyası tarihinde dilcilik alanında vazgeçilmez katkıları olan, «Divan-ı Lugatit-Türk» anıtının çevirmeni ve araştırmacı Ramiz Askerin yazdığı gibi, «dahi Mahmud Kaşğaridən ve büyük Mirza Kazımbəyden sonra Türk Dili ve Edebiyatı alanında en ünlü alimlerimizden biridir» [9,5]. Dilbilim bilimsel çalışmaları ile yanı sıra o, hem de büyük edebiyatşünas akademisyen olarak faaliyeti orijinal tetkik usul ile dikkatten kenar kalamaz.. Özellikle Türk dünyası klasikleri, Doğu filozofları, Doğu klasikleri hakkındaki araştırmaları, yeni fikirleri, yeni tetkik yöntemleri ilginçtir.

1925 yılında yayınlanan «Fuzuli. Edebi etkinliğinin dört yüz yılı nedeniyle» adlı kitapçıkta [13,96-109] «Fuzuli ve onun yeri» makalesinde Prof. Bekir Çobanzadə Füzuliyə olan sonsuz hayret ve muhabbetini bilimsel-edebi faktörlerle ümumiləşdirilmiş tarzdaki eksikliklerini okurlara yönelik getiriyor. Asırlardır ki, dilde-ağızda dolaşan, bilim-edebiyat sayfalarından düşmeyen Fuzuli hakkında söz söylemek, yenilikçi fikir söylemek kolay olduğu kadar da, zordu. Doğu poeziyasında, Doğu felsefesinde, Doğu biliminde en yüce yerde duran Fuzuli kalıtsal – kimliği Avrupa şiiirinde, felsefesinde, ilminde de ün salmıştır. Buna karşılık gerek Fuzuli hakkında öyle söz galiba ki, onların ötesinde kaybolup-batmasın. B. Çobanzadə “Fuzuli ve yeri» makalesinde Doğu filozoflarının, Avrupa filozoflarının Fuzuli mirasına, kimliğine verdikleri değerlere vakıf olmasının yanında kendi görüşleri ile sentezləşdirməyə muvaffak olmuştur.

Alman profesörü Martin Hartmanın «Türkistan'da kitap sanatı» nam eserinde: «Fuzuli Taşkent'te, Kazan'da, vəlhasıl, Asya'nın her tarafında takdirle okunuyor» – fikrini kendi fikri ile sentezləşdirərək yazıyor: «Demek ki, o, – Fuzuli bizim Türk, hatta Doğu ülkesinin her tarafında karşımıza çıkıyor, her yerinde vatandaşımız, köydaşımızdır»[4,164].

Ayrıca Mister Gibbin «Osmanlı şiirinin tarihi» eserinin Füzuliyə təhsis yaptığı kısmında... söz ediliyor: «Doğu'nun Doğu olalı beri yetiştirdiği şairleri içerisinde en səmimi və en duyurlısı Fuzuli», daha sonra «Bu, yani «Leyla və Mecnun» şimdیه kadar yazılan mesnevilerin en yüksəgi ve ən güzəlidir», və daha sonra «Bütün Türk edebiyatında Fuzuli'den daha büyük bir isim bulmaq mümkün değıltir»[4,165].

Edmon Fazinin «Fuzuli Asya okulu – ədəbisinin ən büyüklerinin şairidir. Ondan sonra geçen dört yüzyl içinde bütün şairler onu terennüm ettiler. Fəqət, yine o hepsinin üstünde məsləyin yeganəsi kaltı»[4,165].

Bütün bunları, Fuzuli hakkında söylenen – yazılan tüm çalışmaları göz önünden geçiren ve altını çizen kaydettiği görüşleri Bekir Çobanzadə aslında yüzyların muhabbet simgesine dönüşmüş Fuzuli poetikasının sırrını öğrenmek, anlamak, hakkında söz söylemek, yararlanmak, düşüncelerini paylaşmak amacıyla olmuştur. Ve bunların yekünü olarak Çobanzadə yazıyor: «Onun yeri bütün Ortadoğu'nun yetiştirdiği ölmez büyükler arasındadır.... O, Arap aşkı, Fars ruhu ve Türk qılıcılı kurulan yüzyların ağır ve acıqlı uruçları altında yıkılan Bağdat'ın ruhunu kavramış, onu bize duyurmuşdur.... Bu yönüyle o, büyük cihan faciasını bize terennüm etmiştir»[4,166].

Fuzuli döneminin məşəqqətlərini hiçbir şeyden çəkinməyərək kaleme almış və böylece tarihi gerçəkliklərin zamandan-zamana aktarım faktörünün ötürücüsünə dönüşmüştür. Fuzuli yaratıcılığının zirvesinde duran «Leyla və Mecnun» aşkına toxunuyor. Şimdیه kadar beşeri sevgi konusu gibi araştırmaya çekilen bu sorunun aslında hassas fərdiyyətçi – individualist sevgisini görüyoruz. Böyle bir sevgi ile Ahmet Yasəvi, Yunus İmre kibi türk sufilərində rastladığımız aşkı-ilahi, Əflatuni muhabbet arasında büyük fark vardır:

Perişanhalın oldum, sormadın hali-Perişanım,

Qəmindən derde düştüm, kılmadın dərimanı,

Ne dersən, rüzgarım böylemi geçsin, güzel canım?

Gözüm-canım, efendim, sevdiğim, devletli sultanım [4,167].

Fuzuli'nin ən büyük səmimiyyəti onun sevgisində, sevgisini beyan etməkdir.

B. Çobanzadə İran'ın, arabın klasik sufi şairlerinden örnekler görmüş, ders almış, etkilenmiş Fuzuli'nin sufi eğilimlerden uzak olmadığından söz edir.O, bu makalesinde sırf edebiyatşünas şeklinde söylemeye gayret etse de, Fuzuli dilinden, Dilbilimine tutumundan bahsetmekten yan kaybetmiştir: «Fuzuli Dili itibariyle basit olmakla beraber, tabir caizse, hiç temiz değıldir. İstanbul'un, Baki, Nefi kibiləri müstesna olmak üzere

birçok şairleri ile Fuzuli arasında Türkçe kelimeler kullanımında fark pek azdır»[4,171]. Fuzuli eserlerinde arap-fars kelimelerinin yüzde doksana varmasının sebeplerini araştırmış ve net-inandırıcı tabanlı faktörlerle ortaya koymuştur.

Yazar Fuzuli edebi kişiliği ve kalıtsal hakkında söz dedikçe, Doğu tarihinin en büyük düşünürlerinin yaradıcılığındaki benzer ve farklı özelliklere dokunmuş, hatta kıyastan bile çekinmemiştir. Bütün bunlar tabii ki, Çobanzadənin Doğu edebiyatını, Doğu mütəfəkkirlərini mükəmmel bilmesinden ileri gelmiştir.

1925 yılında «Maarif ve Kültür» dergisinde yaptırdığı «Dil hakkında filozofların fikri» [8,29-34; 4,159-163] adlı makalesinde Demokritos, Eflatun, Bacon, Leibniz, Charles de Bross, Bekker ve Şeyxerin Potebnya, Vilhelm Humbold gibi filozofların dil hakkında teorilerini tahlile dahil ediyor, işte bu noktata hatırlamamak bilmiyoruz ki, zengin mütaliaya, bilgi sahibi olan Çobanzadə için Fuzuli Dili ve dilbilimi hakkında söz söylemek, yorum yapmak o kadar da zorluk almamıştır.

B. Çobanzadə «Fuzuli ve yeri» adlı pek irihəcmli olmayan makalesinde sayısız makamlara dokunmuş ve geleceğe bir daha mesaj olarak seslenen miktarda nail olmuştur: Avrupa'da ve Asya'da dün ve bugün yapılmakta olan araştırma edebiyat tarihimizde parlak sayfalar doğuracak ve «Fuzuli bahsi, dönemi ve mektebi»... olarak ayrıca yer tutacaktır.... İstikbal Fuzuli kibi samimi şairlerin. Makalenin yazıldığı geçen 90 yıldan beri bu fikirler hala taptaze, tertir.

Stalin repressiyasının kurbanı olan Bekir Çobanzadənin Azərbaycan Devlet Bilim ve Kültür arşivlerinde saklanan «Xətəinin Dili ve edebi yaradıcılığı hakkında» adlı eserinin əlyazması 2007 – yılında ışıq yüzü görmüş, araştırmacıların dikkatine çatdırılmışdır. Ama ben eminim ki, sararmış arşiv klasöründeki bu esere araştırmacılar belki de defalarca başvurmuş, şu veya bu şekilde ondan faydalanmıştır. Muhtemelen, gelecek araştırmacılar bu «kullanımının» hangi eserde görünmesini itiraf ederler. (Bu husus belirtelim ki, əlimin «İbn Mühənnə və sözlüğü» eseri de ilk kez 2007-yılında yayınlanmış, «Kitabı Dede Korkut»un edebi-dilbilimsel analizi» kitabının isə əlyazmasının yeri belli değildir. İhtimal, bu tür önlemlər Çobanzadənin it-bata düşmüş eserlərinin ortaya çıxmasına neden olacaqtır) [3,13].

Bugün Özbək edebiyatının klasiği olaraq tanıdığımız, aslında büyük Türk dünyasının klasiklerinden biri Nevai edebi mirası, kimliği yaradıcılığı hakkında XX yüzüylün ilk başlangıcından Azərbaycan basınında irihəcmli makalelər yayınladı olunsa da, onun çocukluk arkadaşı, Teymuri'ler

sarayının son temsilcisi sayılan Herat hükümdarı (1487-1506 ncı yılları arasında) Hüseyin Baykaranın edebi kişiliği ve kalıtsal hakkında el altında olası hiçbir yazı, araştırma materyali, yaratıcılık örnekleri yoktu. Bu anlamda Çobanzadənin sunduğu Hüseyin Baykara «Divanı» kitabını ve bu kitaba yazdığı «Baykara ve divanı hakkında» ön sözü o dönem için ganimet gibi değerlendirilebilir[14].

2007-yılında 5 cildlik «Seçilmiş eserleri» latin alfabesi ile yayınlandı. Bu hem de onun eserlerinin ilk mükemmel yayını sayılabilir. «Baykara ve divanı» makalesi bu kitaplara dahil edilmemiştir. Bu doğaldır. Çünkü onun kısa ömründe yazdığı onlarca eserleri toplayıp-yığışırmaq, tetkik etmek, tahlil etmek, araştırmak ayrıca bir Enstitünün işidir.

Bekir Çobanzadə Baykaranın “Divan” kitabının baskısı üzerinde çalışırken Özbek edebiyatının önde gelen simalarından biri Ə. Fitrədən elde ettiği kaynaktan yararlanmış. Bu konuda «Önsöz»de belirterek: «Bu nüsha Özbek şair ve ədiblərindən olan Fıtratın kütüphanesindeki verileri – bizim ricamız üzerine kopya edilmiştir. Bizim Fitrat arkadaşımıztan götürdüğümüz yazma nüsha – yazı yönünden – çok açık güzel olduğu halde ondan yapılan nüsha çok ilkel bir yazı meydana getirmiştir. Buna neden bizim ecele ettiğimiz olsa gerek. Herhalde oldukça büyük emek sarf ederek bizim için bu nüsha kopya ettirmiş olan Fitrat arkadaş biz «Teşekkür. Sağ ol» demek boynumuzun borucudur» [14,11]. .

B. Çobanzadə H. Baykaranı edebiyatşünas gibi tetkik, şair gibi sunuyor. Klasik şairin, büyük hükmdarın kimliği hakkında bilgiyle birlikte, edebiyatşünas olarak onun edebi mirasının məziyyətlətintən bahsediyor. B. Çobanzadə Baykara eserlerini tahlil ederken, hem onun yaşadığı dönemin edebi-tarihsel manzarasını açıklıyor, yaratıcılığndaki konulara değiniyor, edebi dilinden söz açıyor: İlginç fikrini dikkatinize sunmak isterim: «İşte bizim fikrimizce bunun içindir ki, bütün İslam klasikleri tövşyan yavrusu (koyun yavrusu– A.Ü.) kibi şəkl ve mövzuca, birbirine benzerler, bu şairleri incelerken ayrı kriterler ve az-çok özel yöntemler lazımdır.Əgər işte bu noktaları göz önünde tutarak okuduğumuz zaman Baykaranın şiiir qüvvəticə, (Nəvaidən) hiç aşağıda kalmadığı gözükmektedir»[14,11]. Bu durum bir noktaya da özellikle değinmek isterim ki, Baykara sarayının baş veziri görevinde çalışan Nəvainin Türk dilini edebi dil olarak tarih sayfasına yazmasına Baykaranın hizmetlerini yada salmalıyıq.

Çalışmalarının tasarrufu ve Baykaranın sunduğu kitabındaki «Ön söz»de yazdığı gibi, bu dil ve bu konular kendi değişim ile XIX yüzyılın sonlarına kadar Orta Asya'da yaşayıp kalmıştır.

Cığatay» şairleri ile «Özbek» şairleri arasında lisançı ve tarihinin

bulacağı farkları, edebiyatçı bulamaz. Ancak XIX yüzyılın sonlarında sivil Özbek edebiyatı, gerek konu ve gerek şekilce klasik edebiyattan öğrenilmiştir.

Baykara kişiliği ve divanı hakkında XX yüzyıl okuyucusu, edebiyat dünyası için bu kitabın önemi misilsizdir. Sunulan «Ön söz»de Çobanzadənin Özbek edebiyatı, klasikleri hakkında mükemmel bilgisi dikkatten kaçmıyor. Bu da rastgele değildir. Onun biyografisini haline bakınca ömrünün güzel çağlarında Taşkent'te, Buhara'da, Orta Asya'da, Tataristan'da, Başkurdistan ve Kırım'da Latin alfabesine geçitle ilgili çalışma yapmış, aynı zamanda Tavrid, Bakü, Taşkent, Fergana ve Buhara yüksek okullarında türkologiyanın ayrı-ayrı sorunlarına dair meruzalar okumuştur (1920-1936). Yani demek istiyorum ki, Özbekistan toprağında çalışması Özbek edebi-kültürel ortamı, klasik mirası ile doğrudan, – arşivlerde çalışmak imkanı anlamında, – ilişkide bulunmak şansı elde etmiştir.

1926 yılında dahi Nəvainin 500 yılı ile ilgili Bakü'de bir takım çalışmaların yapılması planlanıyor. 1919 yılında faaliyete başlayan «Komünist» qəzetəsində seri olarak tanınmış edebiyatşünas âlimlerin imzasıyla makaleler yayınladı: İsmail Hikmet, Ali Nazım, Mirza Muhsin İbrahim. Bu sıradan B. Çobanzadənin de 1926 yıl 4 Mart tarihinde «Nevai-dilbilimci»[1]adlı makalesi piyasaya sürüldü. Ümumiyyətlə, Bekir Çobanzadənin Nevai yaratıcılığına adanmış iki makalesi elimizdedir: «Nəvainin Dili ve dilbilimi hakkında» ve «Nevai-dilbilimci». Aynı yıl Nəvainin anısına üç kitap yayınladı olunur: «Nevai» (makaleler koleksiyonu) ve Ali Şir Nevai «Vəqfiyyə» ve «Münşəat» eseri.

B. Çobanzadənin «Komünist» gazetesinde yayınlanan makalesi bu toplite yayınlanıyor. «Nevai-dilbilimci» makalesinde neden bahsediliyor: burada yazar Nəvaini bir «lisançı» olarak inceleiyor. «Şehir dili olamayan Türkçenin, aynı zamanda edebi dil de olamadığı» anlamı ve bu sonuca gelir ki, Nəvainin dili, kitabında zikrettiği gibi, edebi Türkçe olmayıp, belki halk dili olmuştur ve bununla İsmail Hikmet'in görüşüne bir dürlü karşı çıkıyor.

Türk dünyasının büyük dilbilimci ve edebiyatşünas alimi B. Çobanzadənin Azərbaycan dilşünaslıq biliminde çok büyük hizmetleri olmuştur. Bu çerçevede yanaşanda onun Nəvainin klasik Türk dünyası tarihinde dilbilimci akademisyen olarak yaratıcılığını nitelemesi bugün de güncel önem taşıyor. Fars şiir dilinin tuğyan ettiği bir zamanda Nəvainin «Xəmsə» yazması onun Türk dili için devrim yapmasına delildir. İşte bu olguya ağırlık veren B. Çobanzadə makalesini şöyle başlıyor: «Türk dilinin dört büyük müdafi olmuştur ki, bunların birincisi» Divan ül-

sözlük it-Türk «– sahibi Mahmud Kaşğarıdır, ikincisi» Qəribnamə «– sahibi Şeyh Aşık Paşa, üçüncüsü Nevai ve dördüncüsü «mesire ül-Ulum» namındaki Sərfin – sahibi Bərgəmali Qadiri.

Bunlardan Mir Ali Şir Nevai – Türk unsurunun Orta Asya'da en son parlak döneminin yetiştirmələrindən, alim, filozof şairlerinden biridir. Araştırmacı B. Çobanzadə yazıyor ki, henüz «XI yüzyılda Mahmud Kaşğarı şehirde Farsça, aullarda ise Türkçe konuşulduğunu kutluyordu. Mir Ali Şir Nəvainin sözlərindən üç, dörd yüzyl içinde durumun deęişmedięi anlaşılmalıdır[12,72]. «Mahmud Kaşğaridən sonra dahi Nizami epoxası, ondan sonra Nesimi epoxası öterse de henüz Fars dili hüküm sürüyordu.

Çobanzadə bu makalesinin sanki her cümlesinde Türk dil tarihinin tarihi xronologiyasının tez gibi açıklamasını veriyordu. Ve qənitini de Nəvainin kalıtsal kontekstində nitelendiriyordu. «Türk aristokratiyasının, saray aleminin yabancı dillere düşgünlüyünü artık Orhun yazıtlarında, Tokyolar döneminde göze çarpmaktadır. Bununla beraber sadece beylerin ve zadəganın deęil, belki de tüm şehir ehlinin de farsçaya büyük raębeti olduğunu bile Nəvaidən eşidiriz «[12,72]. Nəvainin edebi dile ait tüm fikir ve düşüncelerini dikkat süzgecinden geçirdikten sonra B. Çobanzadə «Nəvainin dile ait dizelerinde iki dürlü bakış vardır» – sonunda gelerek yazıyor: «Kur'an dili olan Arapça semavî bir dil olarak ortadan çıkarılacak olursak, yerde kalıyor üç dil: Şart (Fars), Türk ve Hint dilleri «[12,73].

Dilbilimci âlimin Hint diline ait olan görüşlerine dokunmazken geçiyoruz Fars ve Türk dillerinin karşılaştırılmasına. Burada da B. Çobanzadə yazıyor ki, «Nəvaiye göre, şart (Fars) aydının bilimsel olmakla birlikte, Türk şart (Fars) daha ziyade açıktır. Nəvainin durduęu dil, kitabında zikrettięi Türk şairlerinin, edip ve filozoflarının dili olmayıp, halk dilidir»[12,72]. Bilindięi gibi, dahi Nevai ünlü «Mühakimət-ül Luğat-it» in eserinde bu iki dilin – Fars edebî dili ile Türk halk dilinin karşılaştırmasını kaleme almıştır.

Nəvainin gerek kendi yazılarından, gerekse başka birçok kaynakların verdięi bilgiden anlaşılđına göre, «Nevai»nin cıęatay Edebiyatı yolunda aştıęı kulvarında himaye ve teşvik eden Hüseyin Baykara olmuştur. Her kim «Nevai» Türkçenin kaydetmenin gereken ve yararına ilişkin getirdięi deliller içinde Hüseyin Baykara heyecan ve minnet dolu sözlere işaret ediyor.

«Nəvainin Dili ve dilbilimi hakkında» [11,9-16] adlı makalede de «Nevai-dilbilimci» makalesinde olduęu aynı sorunu araştırmaya çekmiş, Nevai dövrünün edebi dili hususunda Nəvainin önemli, tarihi hizmetlerini ortaya koymuştur. Şunu da belirtelim ki, Nəvainin 500 yılı yıldönümü nedeniyle yayımlanan bu kitaplar kardeş Azerbaycan toprağında sembolik karakter

taşıyor ve Özbekistan'da Nevai külliyyatının yayın yapılacağı haberini yazıyor. Bu makale de yıldönümü için tasarlanmıştır. Tabii ki, bu yayınlar aynı yıllarda yapılan Türk dünyası aydınlarının bir araya toplanmasının sonucu olarak B. Çobanzadənin dediği gibi, sembolik karakter taşıyor.

«Hatainin Dili ve edebi yaratıcılığı hakkında» [3,263-332] bilimsel monoqrafik eserinin girişinde B. Çobanzadənin kaydettiği gibi, «bu mukaddime Bilimler Akademisi Azərbaycan Şubesi tərəfindən yayınlanmağa hazırlanan Hatai divanını lisan ve sanat yönünden açıklık getirmək amacını taşıdığından» Hatai döneminin siyasi-toplumsal olayları hakkında ayrıntılı bilgiye ihtiyaç olmadığını bildiriyor. Ama bununla birlikte birkaç sayfalık girişte Hatai döneminin taht hakimiyetinden, yani onun iktidara gelişinden, biyografisine halinden bahsedilmiştir. O dönemin, yani Batı İran'da Hükümet eden Karakoyunlu ve Akkoyunlu hanedanlarının olduğu kibi, Safevi hanedanının da ana dili Azərbaycan Türk dili idi. B. Çobanzadə bu fikrini Krımskinin notları doğruluyor: «Yeni iktidara gelmiş Safevi hane-danının konuşma dili sadece iktidarın birinci döneminde değil, uzun zamanlar Azerice idi. Bu hanedanını müəssisi Şah İsmail Hatayı naam müştəəri altında Azərbaycan Türk dilinde lirik mənzumələrindən oluşan bütün bir divan yazmışır» [3,270].

Makalede Ortaçağ döneminde Azərbaycan Türk dilinin Fuzuli kimliği-edebi mirası bağlamında en yüksek evrim zirveye yettiğinin bahsediliyor. Hatai edebi dili ile Fuzuli edebi dili arasındaki karşılaştırılma yorum ve iki klasik sanatçının lirizm dilindeki sözlük, morfoloji ve Örnek özelliklerini inceliyor. Fikrini dayandırmak, aynı zamanda Hatayı edebi dilinin özelliklerini şairin iki əlyazmasının – Erdebil ve British nüshaları üzerinde araştırıyor. Yazar bu araştırmasını hemen el yazmaları üzerinde aldığı görüşlerini, müqayisələrini sadece Fuzuli veya Hatai döneminden önceki edebi dille mukayese etmiyor, aynı zamanda Xətəidən sonraki edebi zaman çerçevesinde yer alan klasiklerin yaratıcılığı ile kıyas-tahlil ediyor.

Azərbaycan Türk edebi dilinin kaydında Arap alfabesi temelinde iki imla sisteminden kullanıldığını vurgulayan yazar araştırmaya çektiği her iki əlyazmasında olan çeşitli imla ve dil özellikleri üzerinde geniş analizler yapıyor ve amacını olgularla ispat ediyor. B. Çobanzadə bu muhteşem eserinde Azərbaycan Türk edebi dilinin yazılışını Hatayı divanı bazında inceler ve divandaki dil özelliklerini Nəsimidən, yani XIV milâdi yüzyıldan başlayarak, XIX milâdi yüzyıla, yani Vakıf ve Vidadiyə kadar düzenli ve sistematik bir biçimde inceliyor.

Yazar «Xətəinin Dili ve edebi yaratıcılığı hakkında» eserinde Orhun-Yenisey anıtları, Kitab-ı Dede Korkut, «Kutadqu bilgi», «Divan-ı

Lugati't-Türk», Nesimi, Fuzuli, Yunus İmre, Kaygusuz Abdal, Zakir, Seyyid Azim Şirvani, Mirza Feteli Axundov gibi klasiklerin edebi ve yazı dilini Hatai edebi dili ile karşılıklı (karşılaştırmalı) şekilde öğrendiğinin görüyoruz. Aynı zamanda bu eserde toplam neredeyse minillik Azerbaycan Türk edebi dilinin qramatik özelliklerini göz önünde canlandırıyor. İsimleri belirtilen klasiklerin eserinden örneklerle Hatai divanında aldığı örnekler bağlamında açıklar. Belirtelim ki, bu monoqrafik eser aracılığıyla Xətainin Dili ve yaratıcılığı hakkında mükemmel ayrıntı, karşılaştırmalı araştırmayla birlikte, klasik Azerbaycan Türk edebi dilinin dilbilgisel özellikleri hakkında da mükemmel bilgi elde etmiş oluyoruz.

H.Baykara (1438-1506), Ə.Nəvai (1441-1501), Ş.İ.Xətai (1487 – 1524) ve M. Fuzuli (1494-1556) yaradıcılıqlarını dilbilimsel-şüursel açıdan tahlil edərək dəğərli monoqrafik əsərlər yaratan, zəngin mütalaa və bilgi sahibi olan Tatar və Azərbaycan halkının böyük oğlu Bekir Vahab oğlu Çobanzadə kalıtsal yeni istiklal davası ışığında incələndikçə daha çox yüce zirvələr fətiş edəcəğimize əminim.

Edebiyat:

1. Bekir Çobanzadə. “Nəvai – dilbilimci” // “Komünist”, 4 Mart 1926
2. B. Çobanzadə. Xətainin Dili və edəbi yaradıcılığı (elyazması) – Azərbaycan Dəvlet Bilim və Kültür Arşivi.
3. B. Çobanzadə. Seçilmiş əsərləri. [Metin]: beş cilddə. Bəkir Çobanzadə: Yayına hazırlayanı və ön sözü müəllifi M.Adilov. red. A.Babayev. I cilt. Bakü.: Doğu-Batı, 2007. – 336 s.
4. B. Çobanzadə. Seçilmiş əsərləri. [Metin]: beş cilddə. Bəkir Çobanzadə: Yayına hazırlayanı və ön sözü müəllifi M.Adilov. red. A.Babayev. II cilt. Bakü.: Doğu-Batı, 2007. – 365 s.
5. B. Çobanzadə. Seçilmiş əsərləri. [Metin]: beş cilddə. Bəkir Çobanzadə: Yayına hazırlayanı A.Ramazanov, T.Quliyev. editörü və ön sözü müəllifi M.Adilov. III. Bakü.: Doğu-Batı, 2007. – 342 s.
6. B. Çobanzadə. Seçilmiş əsərləri. [Metin]: beş cilddə. Bəkir Çobanzadə: Yayına hazırlayanı və ön sözü müəllifi M.Adilov. red. A.Babayev. IV cilt. Bakü.: Doğu-Batı, 2007. – 198 s.
7. B. Çobanzadə. Seçilmiş əsərləri. [Metin]: beş cilddə. Bəkir Çobanzadə: Yayına hazırlayanı M. Adilov, S. Hədiyeva, editörü V. Adilov. T. Axundova V cilt. Bakü.: Doğu-Batı, 2007. – 261 s..
8. B. Çobanzadə. Dil hak-kın-da filozof-la-rın fikri. // “Maarif və Mədəniyyət” №3, (23), 1925, səh.29-31.

9. B. Çobanzadə. Seçilmiş sanat eserləri. Tərtib edən, Kırım-Tatar Türkçesindən uyğunlaşdıran və ön sözün yazarı R. Asker Bakü, BXQR, 2012, 240 s

10. B. Çobanzadə. Seçilmiş şeirləri. Tərtib edən, Kırım-Tatar Türkçesindən uyğunlaşdıran və ön sözün yazarı Ramiz Asker Bakü, BXQR, 2012, 240 s

11. Ə.Nəvai Vəqfiyyə // Bakü, Azərbaycan Edebiyatı Cəmiyyəti Yayıncılıq, 1926, 55 s.

12. Ali Şir Nəvai Azərbaycan ədəbiyyatşünaslığında (məqalələr toplusu). Tərtib edən prof.dr. Almaz Ulvi // Bakü, Qartal, 2009 // səh. 72-77.

13. Fuzuli. Edebi etkinliyinin dörd yüz illik nədəniylə (məqalələr toplusu) // Bakü, Azərbaycan Edebiyatı Cəmiyyəti Yayıncılıq, 1926, 109 səh.

14. Hüseyn Baykara. Divan ("Hüseyn Baykara və divanı haqqında") – ön sözün müəllifi B. Çobanzadə // 1926. Bakü, Azərneşr, səh. 11-15.

15. "Nəvai" (məqalələr toplusu) // Bakü, Azərbaycan Edebiyatı Cəmiyyəti Yayıncılıq, 1926, 107 s.

НАШИ КЛАССИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

(М. Физули, Ш.И. Хатаи, А.Х. Байкара и А.А. Навои)

В представленной статье рассмотрены исследования Бекира Чобан-заде, посвященные четырем великим классикам тюркского мира – М. Физули, Ш.И. Хатаи, А.Х. Байкара и А.А. Навои. К исследованию привлечены статьи Чобан-заде о творческом наследии и личности Физули, титана поэтического слова, философии и науки Востока – «Физули и его место»; о литературной личности и наследии А.Х. Байкара, правителя Герата (между 1487-1506 г.г.), последнего представителя династии Тимуридов – «Байкара и его "Диван"»; статья, посвященная творчеству Навои, который заложил основы поэтического тюркского языка – «О языке Навои и его языкознании» и «Навои-лингвист»; а также статья, посвященная исследованию языковых и художественных особенностей Дивана Хатаи – «О языке и творчестве Хатаи». Исследование и изучение наследия великого сына татарского и азербайджанского народов, человека глубоко начитанного с широкими знаниями, автора важных монографических трудов, посвященных исследованию с языковой и поэтической точек зрения творчеств Х. Байкара (1438-1506), А. Навои (1441-1501), Ш.И. Хатаи (1487-1524) и М. Физули (1494-1556) в свете идеологии национальной независимости открывает все новые перспективы для научных исследований и пути для покорения новых вершин.

КЪАРАСУВБАЗАР – КЪЫРЫМТАТАР ХАЛКЪ АГЪЫЗ ЯРАТЫДЖЫЛЫГЪЫНДА

Къырымтатар халкъына ве умумен бутюн тюрк дюньясына Бекир Чобан-заде, Амди Гирайбай, Абдурешид Медиев киби бир сыра улу сымаларны багъышлагъан къадимий ве джумерт Къарасувбазар топрагъынынъ озю де къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъынынъ эфсанелер, масаллар ве йырлар киби инджилеринде медх этильгендир. Белли ки Къырымнынъ эр бир ерине аит ривает ве эфсанелери олгъан, амма Къарасувбазар ады расткельген йыр, масал ве эфсанелер сайысынен башкъа ич бир шеэр я да къасаба макътаных оламаз. Мешур къырымтатар Робин Гуды – къоркъу бильмез Алим айдамакъ да къарасувбазарлыдыр.

Къырымнынъ энъ эски ве мешур шеэрлеринден олгъан Къарасувнынъ эр бир мааллесининъ ады буюк инсанларнынъ адларынен багълыдыр. Месея, белли санатшынас Гъани Мурад язгъанына коре «Йылдырым мааллеси – Йылдырым Герай адына, Аджы Арслан мааллеси – Арслан Герай хан адына, Къарачорай мааллеси – Йылдырым Герай ордусынынъ баш бейи адына, Шамурат мааллеси – о да бейлер адына, Аджибей мааллеси – бу маалледе Къарасув шеэр акими Решид Медиев яшай эди. Тахта джами мааллеси, Чильтерли мааллеси – бу маалленинъ бир тоюнда Алим Азамат огълу давул чалып, йырлагъаны акъылынъыздамы?

Мен Къарасувгъа тойгъа барып

Давулгъа ойнадым.

Ойнай-ойнай тоялмадым,

Чаршысын бойладым» («Янъы дюнья» газетасы 1992 сенеси апрель 3 «Къарасув меним озь базарым»)

Энди тили чыкъкъан балагъа огретильген биринджи шиирлерден бири де Къарасувбазарнен багълы:

Оп-оп девелер

Къарасувбаз келелер.

Аяклары ялпакъ,

Башларында къара къалпакъ

Инанмасанъ, чыкъ да бакъ.

Той ве джыйынлырда севип йырланган ве ойналган энъ мешур кырымтатар йырлары йыр ве оюнлар да Къарасув акъкъындадыр – «Мен Къарасувга», «Къарасувнынъ дёрт кошеси», «Къарасув Кефеге бакъар», «Къарасув беним озь базарым», «Къарасувбазар къайтармасы» келе.

«Къарасув беним озь базарым,
Эм язарым да бозарым.
Сенден де гъайры яр северсем,
Атеш олсун мезарым, мезарым

Бу эски халкъ йырында къарасувлы йигитлернинъ севгилисине садъкылыгы медх этильсе, «Къарасувнынъ дёрт кошеси» исе шакъалы бир тюркюдир:

Къарасувнынъ дёрт кошеси,
Вай, чардагы, домпылдай.
Озю киши бегенмез,
Май бардагы, домпылдай».

Къарасувбазар акъкъында энъ чокъ халкъ агъыз яратыджылыгынынъ ривает ве эфсанелер киби жанрларындан бильмек мумкюн. Авам халкъ уйдургъан бу эфсане ве риваетлер садедже бир эгленджели икяе олмадан, тарихчылар, улъкешынас ве этнографлар ичюн ичинде гъает муим ве меракълы малюмат ташымакъталар.

Меселя Къарасувбазар шеэриндеки «Къара Чора» мааллеси акъкъында риваетни алайыкъ.

«Къадим заманда Къарасув шеэринде яшаган эали арасында баарь куньлерининъ бир кунешли сабасында «Орькеч» оба этегинде къара къабиле пейда олгъаны акъкъында хабер даркъай...», деп башлана ривает ве тарихчылар ве улъкешынаслар ичюн маалле адыннынъ тарихыны беян эте. Метинни окъуркенмиз, къарасувлыларнынъ Арабистан, Иран, Туран, Индстан киби мемлекетлерге кетип, андан зенаат, тиль огренип кельгенини билемиз. Риваетте мусафирлерни къаршыламагъа чыкъкъан джемаат «Халкъымызнынъ къадимий кыпчакъ адетини девам этип, топланып, оларгъа мал-мульк берейик», дей. Яни бу малюмат энди этнографлар ичюн меракълы олып, айны бу ер сакинлерининъ урф-адетлеринден бирини тариф эте.

Даа бир риваетте Аджем мааллесининъ тарихы анылатыла. Оны тариф эткен Гъани Мурад бойле яза: «Иран шахы бир тарихий девирде насылдыр буюк миллий джинаетлери ичюн аджем (Иран) чин-

генелерини кылычтан кечирмек ферманыны бере. Бир геджеде бу аджемлер ирандан къачып, Тюркиеге кечкенлер. Лякин тюрк султаны Иран шахынынъ ферманына къаршы чыкъмагъа истемегенинден къачып кельген аджемлерге Тюркиени терк этмек ичюн эки кунь мулет берген. Бойлеликнен аджемлер Къарасувда пейда олып, Къарасув озенининъ кунь догъуш сайлинде ерлешерек, озь мааллелерини пейда эткенлер». («Янъы дюнъя» газетасы 1992 сенеси апрель 3 «Къарасув меним озь базарым»).

Къарасувнен багълы халкъ йырлары, эфсане ве риваетлерининъ энъ буюк кысмы эльбетте ки миллий къараман Алим Азамат огълу Айдамакъкъа багъышлангъандыр. Риваетлер эсасен омюрден алынган адисе ве вакъиалар эсасында олса, эфсанелернинъ чокъусы уйдурма олып, халкънынъ озь батыры ве халаскарына севги ве сайгысыны ифаде эте.

Иште, Алим акъкъында фольклор эсерлеринде де эм къараманнынъ джесюртиги, аркетлери акъкъында малюмат берильсе, айны заманда Алим аркет эткен, юрьген Къарасувбазар маалле ве сокъакълары, миллий эснафлар хусусында бильги берип, айны Къарасув сакинлери къуланган шиве сёзлерини косътере.

Месея Алим акъкъында риваетлер тюркюминден «Алим» риваетинде ашагъыдакилерни окъуймыз: «Азамат акъай Къарасувбазаргъа кельген ве Чильтерли мааллесинде, Чыкъылмаз аралыкъта яшагъан. Онынъ къорантасынынъ кечинмеси пек зор олгъанындан Азамат акъай огълу Алимни Ибраим байнынъ табанасына дивагъ зенаатыны огренмек ичюн богъаз токълугъына шакиртликке берген» («Къырымтатар эфсанелери» Акъмесджит, «Таврия» нешриятты, 2004.). Бу кыскъа парчачыкътан да Къарасув шеэрининъ мааллеси ве сокъагъы, сакинлерининъ бир кысмы насыл зорлукъ чеккени боюнджа малюмат алына билер.

«Къаракъулакъ» риваетининъ биринджи джумлеси бойледир: «Къаракъулакъ деген адам Къарасувбазарда тайфалар мааллесинде яшай экен». Юкъарыда Гъани Мураднынъ анъдыгъымыз макъалесинде бу мааллеге даир бироз тафсилятлыджа билемиз: «Джанкой мааллеси. Биз, къарасувлылар, бу мааллеге «дайфалыкъ» дей турган эдик. Чюнки бу маалледе ат алыш-вериши эткен, курклик тери сеплеген чингенелер яшай эдилер». («Янъы дюнъя» газетасы 1992 сенеси апрель 3 «Къарасув меним озь базарым»).

Къадимий Къарасувнынъ ады бала фольклорында да кече. Энди

тили чыкъкъан балагъа огретильген биринджи шиирлерден бири де
Къарасувбазарнен багълы:

Оп-оп девелер
Къарасувбаз келелер.
Аяклары ялпакъ,
Башларында къара къалпакъ
Инанмасанъ, чыкъ да бакъ.

**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
И ФОЛЬКЛОРА КРЫМСКИХ ТАТАР В БОЛГАРИИ**

В настоящей статье отражена деятельность болгарских филологов, этнографов по собиранию и изучению фольклора крымских татар, вклад научных сотрудников Центра по изучению восточных языков под руководством востоковеда Емила Боева в университете имени Паисия Халендарского в Софии.

Также сделана попытка краткого анализа научных трудов болгарских учёных в области изучения проблем крымскотатарского языка.

Проблема исследования особенностей, диалектов крымскотатарского языка, фольклорных текстов, записанных болгарскими учёными, ранее не поднималась в Крыму. Думается, данная статья восполнит этот пробел и войдёт в научный оборот крымскотатарского языкознания.

**БЕКІР ЧОБАН-ЗАДЕНИНЪ ПУБЛИЦИСТИКАСЫНДА
ЖУРНАЛИСТИК ТЕРМИНОЛОГИЯСЫ
ВЕ НОМЕНКЛАТУРАСЫ**

Аннотация

Макъаледе Бекір Чобан-заденинъ публицистикасында журналистик терминологиянынъ (терминлер, номенклатура) тематик-семантик хусусиетлери талиль этиле.

Анаhtar сёзлер: публицистика, термин, номенклатура, тематик группа.

Аннотация

В статье анализируются семанτικο-тематические особенности терминологии журналистики (термины, номенклатура) в публицистике Бекира Чобан-заде.

Ключевые слова: публицистика, термин, номенклатура, тематическая группа.

Анотація

У статті аналізуються семанτικο-тематичні особливості термінології журналістики (терміни, номенклатура) в публіцистиці Бекіра Чобан-заде.

Ключові слова: публіцистика, термін, номенклатура, тематична група.

Annotation

In this article semantic and thematic peculiarities of journalism terminology (terms, nomenclature) are considered in social and political works of Bekir Choban-zade.

Key words: publicistic, term, nomenclature, thematic groups.

Меселенинъ къююлувы. Алим, шаир ве джемаат эрбабы Бекір Чобан-заде 20-нджи асыр тюркшынаслыгы тарихынынъ корюмли эрбапларындан биридир. Онынъ тильшынаслыкъ ве эдебиятшынаслыкъ саасындаки эсерлери умумтюрк филология илимининъ класик нумюнелери оларакъ танылдылар.

Бир сыра тедкыкыятчыларнын араштырмалары Б. Чобан-заденин омюри, онын филология саасындаки мирасына багышлангандыр [1; 2; 23; 10; 18; 14; 9; 21; 19]. Алимнин кырымтатар лингвистик терминологиясы боюнджа фаалиети [4; 5] эсерлеринде бакылды.

Филолог-алим ильмий терминологияны ишлеп чыкыув меселеси огрунда фааль чалышкан эди. О, 1925-1933 сс. Азербайджан терминология комитетинин ишинде иштирак этти, 1926 с. Баку шеэринде откерильген

I Умумиттифакъ Тюркология съездинде «Ильмий терминология системасы акъкында» марузасынен чыкышта булунды [17].

Филология саасындаки ильмий мирасынен бир сырада алимнин миллий журналистика боюнджа ишлери де беллидир. Бу вакыткъадже кырымтатар илиминде Бекир Чобан-заденин публицистик фаалиети этрафлыджа талиль олунмады. Бир сыра алимлер филологнын бу ёнелиштеки иджадынын тек базы аспектлерини бакып чыкытылар. Классикнин омюри ве иджадий мирасынын тедкыкыятчысы И. Отар «Кырымлы тюрк шаир ве бильгини Бекир Сыдкы Чобанзаде» монографиясында алимнин эдебий эсерлери ве мектюплеринен бир сырада онын учь публицистик макъалесини де бастырды [23, с. 191-200].

20-нджи асырнын 20-нджи сенелери Чобан-заде кырымтатар девирий матбуатынын даимий муэллифи олган эди. Тюркий, шу джумледен кырымтатар, журналистикасынын тарихы ве земаневий алына багышланган макъалелери алимнин публицистик эсерлеринде айры ер алмакталар. С. Нагаевнин очерки [10] ве И. Отарнын китабында [23] классикнин къалеми астындан чыккан эсерлернин олдукъча толу джедвели, шу джумледен онын бир сыра публицистик макъалелери (Бакъ.[10, с. 203-211; 23, с. 42-48]) такъдим этильгендир. Бекир Чобан-заденин «Газетаджылыгымызын тарихына догъры» макъалеси айры дикъкъаткъа ляйыкытыр [15; 16]. Кырымда чыккан эр айлыкъ «Илери» междмуасынын эки санында 1927 сенеси арап уруфатында дердж олунган бу эсеринде муэллиф журналистиканын тарихына назар ташлай, кырымтатар матбуатыны девирлерге болювни теклиф эте эм де умумтюркий матбуатынын инкишафында «Терджиман» газетасынын ролуне кыймет кесе.

Бекир Чобан-заденин публицистикасында журналистик терминологиянын тематик-семантик талилини макъалемизге макъсад этип кыйдыкъ. Юкъарыда кыйд этильген эсерде [15; 16] къул-

ланылган терминлер ве номенклатура (40 дане тиль бирлеми) тедкыкбатымызнынъ объекти олмактадыр.

Къырымтатар журналистикасына аит дженктен эвель чыккъан менбаларнынъ чокъусы (1929 сенесине къадар), шу джумледен Бекир Чобан-заденинъ эсерлери де, арап уруфатында дердж олунгъаны бу девирнинъ тарихыны огренювде зорлукълар догъура. Къырымтатар элементлеринен янъыосманлы тилинде язылган «Газетаджылыгъымызынъ тарихына догъры» макъалеси де бундан истисна дегильдир (Алимова М. тарафындан о девирнинъ эдебий тиль нормалары эсапкъа алынаракъ арап уруфатындан транслитерация япылган метн И. Гаспринский адына Джумхуриет къырымтатар китапханесининъ къолязма ве архив материаллары болюгинде сакъланмакта).

Талиль этильген эсер эки болюктен ибарет олып, илькиси матбуатнынъ мейдангъа келюв тарихына багъышлана (Римнинъ девирий неширлеринден тутып Тюркиедеки франсыз тилиндеки газеталар эм де Къырымдаки «Терджиман» газетасынадже). Б. Чобан-заде къырымтатар журналистикасынынъ инкишафыны учь девирге больмекни теклиф эте: 1) 19-нджы асырнынъ сонъу – 1905 с., 2) 1905-1917 сс., 3) 1917-1927 сс. [15, с. 23]. Невбеттеки къысымда муэллиф 1905-1917 сенелери Къырым, Русие, Азербайджан ве Татаристандаки тюркий матбуатнынъ илерилев хусусиетлерини, тарихий-ичтимаий адиселернинъ тесири алтында девирий неширлернинъ окъуйыджылар даиресининъ озьгюнлигини ачыкълай, «Терджиман», «Ватан хадими» ве дигер газеталарнынъ фаалиетине къыймет кесе. Миллий матбуат тасвир этильгенде махсус терминология къулланыла.

Малюм олгъаны киби, термин – бу «махсус бильги саасы я да фаалиетининъ анъламыны бильдирген сёз я да сёз бирикмесидир» [8, с. 508]. Терминлерге къошулган номенклатура, олардан фаркълы оларакъ, «о я да бу илим, истисал саасында ве ил. объектлерни ифаделемек ичюн къулланылган адларнынъ топلامыдыр» [12, с. 208].

Тедкыкъ этильген бирлемлернинъ семантик талили матбуат тилинде айры лексик-семантик группаларны айырувны талап эте. Б. Чобан-заденинъ макъалесинде расткельген тиль бирлемлери учь лексик-семантик группагъа айырылды.

Биринджи группаны публицистик метнлерни азырлагъан ве къуланган шахысларны адландыргъан махсус лексика бирлемлери тешкиль эте: *газетаджы, мухбир, языджы, мухаррир, къалем. Ондан да гъайры абунеджи, окъуйыджы* номенлери де бу группагъа аиттир.

Экинджи, сайы джеэттен энъ буюк, тематик группа, девирий

неширлернинь чешитлерини адландыргъан номенклатур бирлемлерден ибарет: *газета, ресмий хукумет газетасы, хусусий газета, меджмуа, макъалелер меджмуасы, журнал, рисале, куньлик нешир, ресмий хукумет теблигъ, «джериде-и-хавадис», неширлик органы*. Бу номенлер группасына биринджи менбагъ сёз бирикмесини де кирсетмек мумкюн. Чобан-заденинь эсеринде энъ сыкъ къулланылган номенклатур бирлеми – газета лексемасыдыр (57 кере). Макъаленинь башында Чобан-заде бу сёзнинь келип чыкъувыны анылата (<ит. *gazzetta* – Венецияда къулланылган уфакъ пара) [15, с. 21].

Журналистикада газета чешитлерининь кениш таснифи мевджут: хызмет косътерюв регионы, мевзуаты эм де догърултылган саасы, девирийлиги, аудитория чешити боюнджа ве ил. [13, с. 27]. Бекир Чобан-заденинь макъалесинде газета чешитлерининь адлары такъдим этильген:

1) мевзуаты эм де догърултылган саасы боюнджа – *гъайр-ы сиясий газета, сиясий ве иджтимаий газета, «джериде-и-хавадис»;*

2) аудитория чешити боюнджа – *сосьял демократ ве ишчилеринь газетасы, эгинджи газетасы, койли газетасы.*

Бу мисаллер «къырымтатар журналистикасы инкишафынынъ алтын девири» [20, с. 150] – 1920 сенелери – кутълевий матбуат васталарынынъ бу чешити, яни газеталар, етерли дереджеде даркъалгъаныны исбатлайлар.

Учюнджи группа журналистик жанрларны бильдирген махсус лексиканы бирлештире: *макъале, макъаледжик, баиш макъале, хаббер, беяннаме.*

Умумий, джынсий аныламларны бильдирген терминлер (умумий адлар, я да гиперонимлер) тематик таснифтен четге къалалар: *газетаджылыкъ, матбуат*. Журналистик махсулатны азырлав ве нешир этювнен багълы объектлернинь адларыны бильдирген номенлерни тематик группаларгъа айырмакъ зор: *матбаа, тираж, нумеро, нуска* (Теньештир. [6, с. 10-11]).

Чобан-заденинь макъалеси эм де земаневий къырымтатар матбуат васталарында ишлетильген тиль бирлемлерининь къыяс этилюви сёзлернинь маналарында бенъзерлик ве фаркъны косътере. Муэллиф къулланган базы номинацияларнынъ маналары земаневий къырымтатар тилинде расткельмей (семантик архаизмлер). Меселя, *мухаррир* арап лексемасы талиль этильген макъалеле эки манада къулланыла: 1) 'языджы' (асыл тильде биринджи манасы) [22, с. 1118]: <...> 1860 сенелеринде Къазан татарларынынъ намлы халкъ

мухаррирлеринден Къаюм Насыйри газета чыкъармакъ истемиишлер <...> [15, с. 22]; 2) 'метни редактирлеген шахыс': *Матбуатымызынъ къыса бир тарихчесини нешир этмек имкяныны булур-булмаз, мухаррир бу бошлукълары да олдыраджакътыр* [15, с. 26]. Бугуныки миллий матбуатта бу номен 'метни редактирлеген шахыс', 'журналист', 'белли бир девирий неширге, газета, меджмуадаки болюкке я да нешир болюгине ёлбашчылыкъ япкъан шахыс' маналарында ишлетиле: *1910 сенелери биз Акъчокъракълыны мухаррир оларакъ «Терджиман»да чалышкъанындан гъайры, Багъчасарайдаки <...> шеэр кутюпхане джемиедининъ риясетинде булунгъаныны коремиз* [24]; *Али агъа мудир олгъаны ичюн мухаррир, баш мухаррир олды альманахкъа, мен редактор олгъаным ичюн месуль кятип олып чалышып башладым* [ДТРК «Крым» 15. 12. 2011].

Кечкен девир ичинде базы терминлернинъ манасы денъишти. Меджмуа номинациясы Чобан-заденинъ макъалесинде 'джыйынтыкъ' манасында къулланыла: <...> (*биринджисининъ Къаюм Насыйри меджмуасындаки макъалесине, яхут «Тиль, имля, эдебият» эсерине, экинджисининъ «Тюркие меселелери» намындаки китабына бакъ!*) [16, с. 17]. Земаневий къырымтатар публицистикасында мезкюр лексема эсасен 'дерги' манасында ишлетиле: *Сонъки йылларда оларнынъ эсерлери Акъмесджитте дердж олунгъан «Йылдыз» меджмуасында орта асыр къырымтатар эдебияты антологиясы шекилинде дердж олуна* [Й 2005, № 6, с. 50]. Лякин меджмуа номени 'газета' манасында къулланылгъан аллар да расткеле: *Эр афта чыкъкъан «События» газетасынынъ такъдири даа белли дегиль <...> «События» меджмуасынынъ энди сабыкъ хадимлери <...>* [АТР 19.04.2012]. Языджи номинациясы талиль этильген макъаледе 'муэллиф' («*Ватан хадими» газетасы, онынъ Мехдиев, Айвазов, Тохтаргъазы... гибо языджыларыны <...>*) [16, с. 21], земаневий миллий кутюлевий матбуат васталарында исе 'бедий эсерни яраткъан шахыс' (*1988 сенеси исе языджы Къырымгъа кочип кельди*) [Къ 24. 12. 2011] маналарында ишлетиле. Лякин бу номенклатур бирлем 'мухбир' манасында да къулланылгъанына мисаллер кетирмек мумкюн: <...> *языджы ве шаир Иса Абдураман <...> газетелерининъ языджысы олуп чалышты* [11, с. 11].

Ильмий терминлер системини шекиллendirюв меселесинде Бекир Чобан-заде пантюркизм гъаелерининъ тарафдары эди (бютюн тюркий халкълар ичюн умумий бир эдебий тильни ве терминологик системни ишлеп чыкъув) [7, с. 186]. О, миллий терминологияны

умумтюркий лексика эсасында мейдангъа кетирмек, ондан да гъайры арап, фарс ве европа тиллерининъ имкянларындан файдаланмакъны теклиф эте эди [17, с. 190-191]. Лякин Чобан-заде ве бир сыра алимлер эскирген сёзлерге дегиль де, зиядесинен «кутьлелерге анълайышлы», тильде пекинген лексемаларгъа мейиль бермек заруриетини къайд эткенлер. Меселя, талиль этильген макъаледе тек айры арап архаизмлерининъ («*джериде-и-хавадис*») ве бугуньге къадар къырымтатар журналистик терминологиясында даркъалгъан лексемаларнынъ (*матбуат, хабер, рисале* ве диг.) кениш къулланылувыны корьмек мумкюн.

I Умумиттифакъ Тюркология съездиндеки чыкъышында Бекир Чобан-заде окъутув джерьянында назарий ве амелий джеэттен терминологияны мукеммеллештирмек кереклиги хусусында айткъан эди [7, с. 185–189]. Алимнинъ терминлернинъ эмиети акъкъындаки фикирини девам этерек,

20-нджи асырнынъ сонъларындан башлап терминологиянынъ амелий тарафы да актуаллешкенини къайд этмелидир. Миллий тиллернинъ эсас функциональ услюплери арасында мутехассыслар адет узьре публицистик, я да газета-публицистик (земаневий илимде «массмедия» термини де ишлетиле [3, с. 10],) чешитини айыралар. Бу услюп бугуньде-бугунь эдебий норманы шекиллendirген эсас менба олып кельмекте [3, с. 9]. Шу себептен тек журналистлер дегиль де, кутълевий матбуат васталары махсулатынынъ истималджылары да махсус терминологик аппараттан файдалана бильмелилер.

Бойлеликнен, Бекир Чобан-заденинъ ильмий мирасы къырымтатар тильшынаслыгъынынъ тарихыны, шу джумледен миллий журналистик терминологиянынъ шекиллениювини, тедкъикъ этмек ичюн къыйметли бир менбадыр. Алимнинъ макъалесинде къулланылгъан терминлер ве номенклатуранынъ мевзу-семантик талили нетиджесинде тедкъикъ этильген тиль бирлемлери учь тематик группагъа айырылды: 1) публицистик метнлерни азырлагъан ве къулланылгъан шахысларнынъ адлары; 2) девирий неширлер чешитлерининъ адлары; 3) журналистик жанрларнынъ адлары. Сайы джеэттен энъ буюк группаны девирий неширлернинъ чешитлерини адландыргъан номенклатур бирлемлер тешкиль этелер.

Ишбу макъале Бекир Чобан-заденинъ эсерлеринде расткельген терминлер ве номенклатура мевзу-семантик талиль этилювининъ ильки теджрибесидир. Илериде къайд олунгъан махсус лексика бирлемлерининъ грамматик (морфологик, синтактик, сёз япув) хусусиетлерини тедкъикъ этмек лязимдир.

Эдебият:

1. Ашнин Ф.Д. Бекир Вагапович Чобан-заде / Ф.Д. Ашнин // Народы Азии и Африки. – 1967. – №1. – С. 208–216.
2. Бабајев А. Бәкир Чобанзаде: Монографија / А. Бабајев. – Бақы: Шәрг-Гәрб, 1998. – 312 с.
3. Валгина Н.С. Основные проблемы изучения языка современных СМИ / Н.С. Валгина // Володина М.Н. Язык и стиль современных средств массовой информации. – М., 2007. – С. 7–17.
4. Ганиева Э.С. Крымскотатарская лингвистическая терминология: история и современное состояние: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.13 / Э.С. Ганиева. – Симферополь, 2008. – 172 с.
5. Ганиева Э.С. Система лингвистических терминов в языковедческих трудах Бекира Чобан-заде / Э.С. Ганиева // Культура народов Причерноморья. – 2008. – №144. – С. 106–109.
6. Гонгар М.О. Українська терміносистема журналістики: формування, структурна організація та функціонування: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 “Українська мова” / М.О. Гонгар – Киев, 2011. – 21 с.
7. Зифельдт А.Р. О принципах образования научной терминологии в тюркских языках / А.Р. Зифельдт // Материалы I Всесоюзного тюркологического съезда / А.Р. Зифельдт. – Баку, 1926. – С. 185–189.
8. Лингвистический энциклопедический словарь [Гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Меметов А. Буюк тильшнас алим / А. Меметов // Йылдыз. – 1988. – №4. – С. 111–114.
10. Нагаев С. Медений инкьяляб аскери // Нагаев С. Йылнамелердеки излер / С. Нагаев. – Ташкент: Гьяфур Гьюлам адына нешрият-матбаа бирлешмеси, 1991. – С. 75–216.
11. Селимова Л. Къырымтатар миллий матбуаты тарихына бир назар / Л. Селимова. – Акъмесджит, 2008. – 124 с.
12. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / [сост. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
13. Словник журналіста: Терміни, мас-медіа, постагі / За заг. ред. Бідзілі Ю.М. – Ужгород: ВАТ «Видавництво «Закарпаття», 2007. – 224 с.
14. Урсу Д.П. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха / Д.П. Урсу. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. – 276 с.
15. Чобан-заде Б. Газетаджылыгымызынъ тарихына догъры / Б. Чобан-заде // Илери. – 1927. – №1 (9). – С. 21–26. (Арап уруф.).

16. Чобан-заде Б. Газетаджылыгымызынъ тарихине догъры / Б. Чобан-заде // Илери. – 1927. – №5 (13). – С. 15–22. (Арап уруф.).

17. Чобан-заде Б. О системе научной терминологии / Б. Чобан-заде // Материалы I Всесоюзного тюркологического съезда / Б. Чобан-заде. – Баку, 1926. – С. 190–192.

18. Эмирова А.М. Лингвистическая концепция Бекира Чобан-заде / А.М. Эмирова // Чобан-заде Бекир. Къырымтатар ильмий сарфы. – Симферополь: Доля, 2003. – С. 18–29.

19. Юнусов Ш. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века / Ш. Юнусов. – Симферополь: ДОЛЯ, 2004. – 168 с.

20. Яблоновська Н.В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність: Монографія / Н.В. Яблоновська. – Симферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2006. – 312 с.

21. Kenan Acar. Kirimli Dilci Bekir Sitki Cobanzade / A. Kenan. – Ankara, 2001. – 558 s.

22. Osmanlı türkçesi sözlüğü / [İ. Parlatır]. – 3 baskı. – Ankara, 2011. – 2164 с.

23. Otar I. Kırmılı Türk Şair ve Bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade / I. Otar. – İstanbul: Lebib Yalkın Yayınları ve Basım İşleri A. Ş., 1999. – 288 s.

Электрон ресурс

24. Керимов И.А. Осман Акъчокъракълынынъ шахсиети хусусында базы эски ве янъы малюматлар [Электронный ресурс] / И.А. Керимов // “Elyazma kitapları” İlimiy Araştırma Merkezi. – Режим доступа: http://tatkonvolut.at.ua/publ/edebiyatsinasliq/kerimov_i_a_osman_akchokraklynyn_shakhsieti_khususynda_bazy_ehski_ve_jany_maljumatlar/4-1-0-43

Шартлы къыскъартмалар

Арап уруф. – арап уруфаты

АТР – «АТР» телеканалы

ДТРК «Крым» – «Крым» девлет телерадиокомпаниясы

Й – «Йылдыз» меджмуасы

Къ – «Къырым» газетасы

ЯД – «Янъы дюнъя» газетасы

N – «Nenkesan» меджмуасы

XX. YÜZYIL AZERBAYCAN DİLCİLİK TARİHİNDE BEKİR ÇOBANZADE MERHELESİ

XX. yüzyılın başlangıcı Azerbaycan'da milli istiklal hareketının başlanması ve 1918-20. yıllar Azerbaycan Halk Cumhuriyetinin yaranması edebiyatda ve basında milli idyoloji mücadileni yeni bir yönde şekillendirmiş oldu. Tarihten bellidir ki, XIX. yüzyılın sonu, XX. yüzyılın başlangıcında Türk dili Azerbaycan'ın resmi devlet dili olarak mevcut olmamıştır. Azerbaycan'ın resmi devlet dilinin Türk dili olması hakkında ilk resmi devlet kararı Azerbaycan Halk Cumhuriyetinin parlamentosunda 1918. yıl 27 temmuzda kabul edilmiştir [1, s. 122]. Bu tarihi devrden başlayarak AHC parlamentosunda kabul edilmiş bu kararın etkisi sonraki dönemlerde, özellikle 1920-1926. yıllar Sovyet rejiminin Azerbaycan'da milli dilde eğitim konusunda özel bir tarihi süreci olarak değerlendirilmelidir.

XX. yüzyılın başlangıcı AHC'den (1918-1920) sonraki devrler Azerbaycan'da Türk edebi (yazı) dilin çok karışık tarihi bir merhelesi olmuştur. Bu devrde Turancılık idyolojisinin bilimsel bir yönde şekillendirilmesinde Türk dilinin her acidan geliştirilmesi, Umumtürkoloji dilcilik meselelerinin ilmi şekilde araştırılıp öğrenilmesi Azerbaycan aydınlarını düşündüren en önemli konulardan biri idi. Bu devrde Türkoloji'de en büyük tarih yaratmış bilim insanı olan, tüm hayatını dünya Türkolojisi'nin bilimsel bir şekilde gelişmesine harcamış, ölümünden sonra da Türkoloji tarihinde çok muhteşem bir hazine bırakmış aydınlarımızdan birisi de Bekir Çobanzade olmuştur.

Sovyet rejiminden önce AHC devrinde 1919 yılında Bakü Devlet Üniversitesinin yaradılması ve eğitimin Türk dilinde aparılmasıyla ilgili milli kadroların yetersiz olması çok ciddi sorun yaratıyordu. Bu nedenle Azerbaycan Halk Cumhuriyeti devrinden Sovyet rejimine miras kalmış milli eğitimle bağlı konularla ilgili sorunların çözülmesi sovyet döneminin ilk illerinde çok kısa bir zaman içinde devam etdirildi.

1921 yılında Azerbaycan Halk Komisarlar Sovyeti yeni alfabeğe geçilmesi hakkında karar kabul etdi. 1922 yılında S. Ağamalıoğlu'nun başkanlığıyla Yeni Türk Alfabe Komitesi yaratıldı [2, s. 138]. O dönemlerde Azerbaycan Türkcesinin yazı ve konuşma dilinin ses sistemi arasında münasibetleri düzgün değerlendirecek ve yeni Azerbaycan-Türk alfabetesini yaratacak bilim adamına büyük ihtiyac vardı. S. Ağamalıoğlu

bu bilim adamını Kırım-Simferopol Üniversitesinin prof. Bekir Çobanzade'nin simasında bulmuş oldu.

1924 yılında S. Ağamalıoğlu'nun davetiyle B. Çobanzade'nin Bakü'ye gelişi Azerbaycan milli medeniyetinin inkişafında (gelişmesinde) özel bir tarihi merhele (dönem) oluşturdu. 1924-1936 yıllar B. Çobanzade'nin Azerbaycanda yaşadığı dönem sadece Azerbaycan milli eğitiminin süretini hızlandırmadı, aynı zamanda umumtürkoloji araştırmaların ilmi şekilde yönlendirilmesine yol açtı. O, Bakü'de yaratılmış Yeni Türk Alfabe Komitesinin başkanı olmakla yanaşı, eğitim alanında, aynı zamanda bir kaç yönde çalışıyordu; Bakü Devlet Üniversitesinin Şark fakültesinde dekan, Azerbaycan Eğitim Bakanlığı Terminoloji Komitesi başkanı, Azerbaycan Tatvik-Tetebbe (ilmi araştırma vakfının) cemiyeti Reyaset Heyetinin ilmi katibi, aynı cemiyetin tarih ve dilcilik bölümünün başkanı gibi bilimsel alanda büyük işler yapıyordu.

Azerbaycan'da Sovyet dönemi kurulduktan sonra edebi dil (yazı dili), terminoloji, yüksek eğitilmiş milli kadroların hazırlanması, dilcilik ve edebiyatşinaslık ilminin bir çok problemlerinin bilimsel şekilde çözülmesi meseleleri B. Çobanzade'nin omuzlarındaydı.

Azerbaycan'daki çalışmalarından dolayı B. Çobanzade sadece Sovyetler Birliğinde değil, ulusal alanda da büyük şöhret kazanmış oldu. 1930-34. yıllarda Fergane Pedagoji İnstisunda özbek dili ve edebiyatı kafedrasına başkanlık ediyor, 1935 yılından başlayarak Buhara Pedagoji İnstisunda dilciliğin nezeri problemleri mevzusunda dersler veriyor, bunula da Azerbaycanda olduğu gibi Orta Asiyada da milli kadroların hazırlanmasında büyük çalışmalar yapıyor. 1929-1930. yıllarda Azerbaycan'da Tatvik-Tetebbe (yüksek lisans eğitim vakfı) cemiyeti esasında ilmi-tatvikat instisu yaratıldıktan sonra B. Çobanzade burada (aspiranturada) yüksek eğitim alan milli filoloji kadroların hazırlanmasında ve onların ilmi bakımdan yönlendirilmesinde çok ciddi çalışmıştır.

Azerbaycan filolojisinin en önemli şahsiyetleri M.A. Dadaşzade, M. Şireliyev, F.S. Gasımzade, E.M. Demircizade, H.M. Araslı, M.H. Hüseyinzade, G.K. Bağırov, E. Cefer, M.C. Ceferov, F. Tağızade, İ. Hasanov, F. Şerifov gibi bir çok başka bilim insanları B. Çobanzade'nin yetirmeleridir [3 , s. 10].

BDÜ'nün profesoru olarak B. Çobanzade'nin Moskov, Kazan, Taşkent, Alma-Ata, Leningrad ve bir çok başka üniversitelerde okuduğu ilmi meruzeleri ve 1932 yılında Paris Ulusal Lingvistler Cemiyetinin uyesi olarak kabul edilmesi onun ilmi fealiyyetinin ne kadar büyük bir alanı kapsadığını kanıtıyor.

Bekir Çobanzade Azerbaycan'da yaşadığı yıllarda da tüm yaratıcılığını Türk dillerinin ve edebiyatının çeşitli problemlerine hesretmişdir (adamışdır). B. Çobanzade'nin yaşadığı devr Türk halklarının dil tarihinde baş veren alfabi değışiklikleri, bununla ilgili ortaya çıkmış olan problemlerin çözülmesi için karışık bir devr olsa da, 1926. yılında Bakü'de yapılan I. Türkoloji Kurultay, I. İmla Kongresi gibi ulusal toplantıların geçirilmesinde önderlerden biri olmuştur. XX. yüzyıl bir çok aydınlığımız gibi, B. Çobanzade'nin de yaratıcılığı genellikle Türk dillerinin gramerinin araştırılmasına, edebi dil, diyalektoloji, leksikografi, alfabe ve ofografiya normalarının bilimsel bir şekilde işlenib hazırlanmasına adanmıştır. Azerbaycan'da yaşadığı dönemde Türkoloji dilcilik tarihine vermiş olduğu ilmi eserleri ("Türk-Tatar lisanıyyetine medxel" (1924), "Türk dili ve edebiyati tedrisi usulu" c.1 ve 2 (1926), "Türk Tatar diyalektolojisi" (1927), "Türk dili" (1929), "Türk edebiyati" (1929), "Baygara divanı" (1929), "Nevayı'nin dili ve dilciliği" (1929), "Kumuk dili ve edebiyati tatkikleri" (1932), "Dil ve imla meseleleri" (1932, Taşkent), "Türk grameri" (1929), "İlmi gramerin esasları" (1932), "Türk dilinin metodikası" (1932) ve b.) ve 100-den fazla ilmi makaleleri XX.yüzyılda Azerbaycan'da tarihi Türkoloji dilciliyin yaranmasında ve ilmi nezeri esasta gelişmesinde göstermiş olduğu hizmetleri kanıtıyor. Bu yüzden de Pantürkist adlandırılarak 1937. yıl Sovyet döneminin represiya kurbanlarımızından biri olmuştur.

Azerbaycan Sovyet döneminde edebiyatın, tümlükde humanitar ilm alanının ileri gitmesi ve inkişaf yolu hiç de kolay olmadı. Bu dönem Azerbaycan'daki edebi muhit için çok karışık bir devr idi. Bu devrde Azerbaycan aydınları toplum şeklinde idyoloji ve siyasi baskılar altındaydı. İster basın sayfalarında, isterse de sosyal hayatta Azerbaycan'ın önemli aydınlarına, yüksek eğitilmiş milli kadrolarına karşı çeşitli şekillerde yöneltilmiş baskılar onları mahvediyordu. Azerbaycan'ın edebi-ilmi toplumunun en iyi şahsiyetleri sovyet totalitar bürokrasi rejiminin kurbanı oluyordu [4. s.142]. Bu yıllarda B. Çobanzade'yle yanaşı, siyasi baskılara maruz kalan bir çok Azerbaycan aydınları sırasında Y.V. Çemenzeminli, Ali Nezmi, Seyid Hüseyin, Ahmet Cavad, Hüseyin Cavid, Abdurrahimbey Hakverdiyev, Salman Mümtaz, Veli Hulufu, Mikayıl Müşfik kimi Azerbaycan edebiyatının ve ilminin önder aydınları da vardı.

1937 represiya devrinden sonra mahvedilmiş veya soyuk Sibiryaya sürgün edilmiş Azerbaycan aydınlarının kendileri gibi aileleri, ona yakın olan akrabaları ve en önemlisi uzun yıllar yartdığı eserleri tamamen yok edildi. Bundan sonra onların yaratıcılığı hakkında araştırmalar da tamamen

yasak edildi. 1956 yılından sonra 1937 kurbanlarının suçsuzluğunu kabullenmek zorunda kalan Sovyetler Birliđi bu devrde mahvedilmiş aydınlara beraet kararı verilmiş oldu. Beraet kazanmış aydınlardan birisi de Bekir Çobanzade idi. Yalnız bu karardan sonra o dönemde mahvedilmiş aydınlara yaratıcılığının araştırılması mümkün oldu.

Sovyet döneminde B. Çobanzade hakkında ilk ilmi araştırma yapan bilim adamlarından birisi Nahçıvan'ın Ordubad bölgesinde doğmuş, Bakü Yabancı Diller Üniversitesinin prof. A.M. Babayev olmuştur. O, 60. yıllardan B. Çobanzade'nin irsini araştırmağa başlamış ve onun Azerbaycan'daki ilmi-edebi çalışmalarıyla ilgili "B. Çobanzade'nin edebi görüşleri", "B.V.Çobanzade Azerbaycan dilcilik ilminin görkemli nümayendesi gibi", "B.V.Çobanzade'nin universitet fealiyeti" adlı ilmi makalelerini ve 1969 yılında "Azerbaycan Sovyet Dilcilik ilminin inkişafında B. Çobnezade'nin rolü" doktoralık tezini yazmış, 1998 yılında bu tezi "B. Çobanzade" adlı kitab şeklinde bastırılmıştır. 1996 yılında Azerbaycan Üniversitelerinde tedaris olunan "Azerbaycan dilcilik tarihi" adlı ders kitabında B. Çobanzade'nin Azerbaycan'daki fealiyeti hakkında geniş bilgi vermiştir.

A.M. Babayev'in bu mükemmel, mühteşem araştırmaları Azerbaycan'da B. Çobanzade hakkında ilk ilmi araştırma gibi çok kıymetlidir. A.M. Babayev'in bu çalışmalardan sonra B. Çobanzade irsi ayrı-ayrı araştırmacıların tatki objektu olmuştur ve 2007 yılında Azerbaycan Respublikası Cumhur Başkanının özel kararıyla B. Çobanzade'nin eserleri külliyyat şeklinde 5 cildde basılmıştır [5. I, II, III, IV, V c.]. Bu esler üzerinde yapılan çalışmalar B. Çobanzade'nin Azerbaycan'daki yaradıcılığı ve ilmi pedogoji fealiyetinin devrinin aydınlardan tamamen farklı olduğunu gösteriyor. Devrinin aydınlardan farklı olarak onun ilmi edebi yaradıcılığı Azerbaycan ilmi edebi muhitini formalastırdı ve Azerbaycan'da Türkoloji'ni ve dilcilik ilmini çeşitli şekilde yönlendirmiş oldu.

Azerbaycan dilciliđi ve Türkoloji'de öyle bir alan bulunmaz ki, B. Çobanzade'nin o yönde araştırmaları bulunmasın. B. Çobanzade tutuklandıktan sonra aparılan istintak materiallarındaki sorğu zamanı kendi konuşmaları onun ilmi çalışmalarının büyük bir alanı kapsadığını resmi olarak kanıtıyor: "1.Ben bu ihtisas (alan) üzere Sovyet Şark'ında ilk profsoram ki, bana bu adı Sovyet hakimiyeti vermişdir. Ben bu Cumhuriyetlerin ana dilinde ilk mühazireler okuyuram. Öz ihtisasım (alanım) üzere üniversitede ilk kurslar yaratılmışdır.

2. Ben tüm ilmi yaradıcılığım boyu 150 ilmi eser yazmışam.

Bunlardan 100'ü Azerbaycan dilinde olup, Azerbaycan dili ve edebiyati problemlerine hesr edilmiştir.

3. Ben demek olar ki, tamamen boş bir yerde yüzlerle dilci ve edebiyatşunas kadro yetiştirmişem. Bunlar içerisinde onlarla yüksek (ixtisaslı) eğitim almış ilmi işçiler, asistanlar vardır ki, onlar ölkemizin dışında (yabancı ölkelerde) (meşurdular) tanınmışlar” [6, s. 45]. Onun Türkoloji dilçiliğın çeşitli yönlerine ait ilmi araştırmaları Türk birliğinin ilmi nezeri esaslarını müeyyenleşdirdi. Onun bu ilmi çalışmaları Sovyet rejiminin idyolojisine uygun değildi. Bu yüzden de “burjua idyologu”, “pantürkist”, “milliyetçi” adlandırılan B. Çobanzade Azerbaycan aydınları sırasında daha çok siyasi baskılar altındaydı. Bu sebeble de “şahsiyete perestiş devrinin” şiddetine maruz kalan B. Çobanzade'nin hayatına feci şekilde son verildi. Sovyet döneminde tüm eserlerinin yasak edilmesine ve tamamen ortadan kaldırılmasına rağmen B. Çobanzade Azerbaycan ve Türk dünyasının ilm ve medeniyet düşünce tarihinde çokyönlü ensiklopedik bilim adamı olarak kalmaktadır. Onun çok kısa bir dönem Azerbaycan'da yaşadığı yıllar XX. yüzyıl Azerbaycan, aynı zamanda, türk halkları ilm ve medeniyet tarihinin ayrılmaz büyük bir tarihi dönemidir.

Son dönemlerde ister Türkiye'li A. Battal Taymas 7, İsmail Otar 8, Kenan Acar 9, isterse de Azerbaycan'lı A. Babayev 10, N.Novruzova11, N. Kahramanlı 12 gibi bilim adamlarının B. Çobanzade'nin hayatı ve ilmi-edebî, pedogoji yönde çalışmaları hakkında yaptıkları ilmi araştırmaların her birinde B. Çobanzade yartıcılığının ilmi yönünü çok açık ve net olarak değerlendirebilmişlerdir.

Ölümünden sonra Sovyet rejimi onun hiç bir eserinin uzun süre basılmasına izin vermemişdir. Bu yüzden de onun tüm yaratıcılığı bilimsel araştırmaların dışında kalmıştır. Bu tarihi yanlışlık dünya dili olan Türkcemizin ister bu gün, isterse de yarın ilmi araştırılmasında ve eğitimde büyük boşluklar yaratabilir. Türk ve bir çok dünya dillerinin alfabisini yaratan, Türk dilinin dünya dilleri sırasında bilimsel yerini belirleyen B. Çobanzade irsinin çağdaş Türkoloji araştırmaların dışında kalması yalnız Azerbaycan dilcilik tarihinde değil, aynı zamanda, umumtürkoloji ve dünya dilcilik tarihinde de çok büyük boşluk yaratmaktadır. Bunun için B. Çobanzade'nin tüm yaratıcılığının çeşitli yönlerden, aynı zamanda Türkoloji dilcilik bakımından öğrenilmesine özel bir şekilde yaklaşmak gerekiyor. Onun yaratıcılığının öğrenilmesi çağdaş Türk dillerinin tarihi-fonetik, leksik-semantik yapısı, aynı zamanda gramer özellikleri, edebi dil normaları, dilin lügat terkiibi, menşeyi, diyalekt ve

şivelerin frazeolojisi, ağız atlaslarının hazırlanması, ve b. bu gibi çeşitli alanlar üzere bilimsel araştırmalar için çok değerli tarihi kaynaktır. Bu eserlerin öğrenilmesi neticesinde tarihi gelişim sürecinde Türk dillerinin tarihi durumu, başka dillerle ilgisi, gelecekte problemlerin çözüm yolları aydın şekilde gösteriliyor ve Türk dillerinin başka dillerle karşılaştırılarak öğrenilmesine imkan sağlıyor. B. Çobanzade'nin eserleri üzerinde bu yönde aparılan araştırmalardan anlaşılıyor ki, onun yaratıcılığı sadece Türk dilinin tarihi bakımından öğrenilmesinde değil, aynı zamanda çağdaş Türk lehçelerinin ve dünyanın bir çok dillerinin de mukayeseli tatikinde en zengin kaynaktır. Bu yüzden Türk dilinin dünya dili olduğunu ilk kez ilmi seviyyede ulusal araştırmalar zirvesine ulaştıran B. Çobanzade'nin eserleri üzerinde araştırmalara ciddi ihtiyaç duyulmaktadır. Çünkü, B. Çobanzade'nin ilmi Türkoloji araştırmaları Türk dilinin çağdaş ve gelecek sorunlarının çözülmüsünde Türkoloji'nin yollarını aydınlatan bir ışıktır.

KAYNAKLAR

1. Azerbaycan Halk Cumhuriyeti. Azerbaycan İlimler Akademisi Nizami adına Edebiyat İnstisu. Bakü “Elm”, 1998.
2. Babayev A.M. Azrbaycan dilcilik tarihi. Bakü, 1996.
3. Çobanzade. B. Seçilmiş eserleri. I c., Bakü, 2007.
4. Azerbaycan tarihi 1920-1941. c. 7, AMEA A. Bakıxanov adına Tarih İnstisu. Bakü “Elm” 2008.
5. Çobanzade. B. Seçilmiş eserleri. I, II, II, IV, V c. Bakü, 2007.
6. Babyev A.M. Bekir Çobanzade. Bakü, 1998.
7. A.Battal Taymas. Kırimlı filolog – şair Bekir Çobanzade'yi tanıtma tecrübesi. Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten, Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1954.
8. İsmail Otar. Kırimlı Türk şair ve bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade. İstanbul 1999.
9. Kenan Acar. Kırimlı Bekir Sıdkı Çobanzade. Dilciliği ve Edebiyat Araştırmaları. Ankara, 2001.
10. Babyev A.M. Bekir Çobanzade'nin edebi bakışları. APDİ profesör – müellim heyeti ilmi konferans materialları. Bakü, 1966; Prof. B.V. Çobanzade: Azerbaycan Sovyet dilcilik ilminin görkemli nümayendesi.. APDİ profesör – müellim heyeti ilmi konferans materialları. Bakü, 1967; Bekir Çobanzade'nin üniversitedeki fealiyeti. BDÜ-nün ilmi eserleri, Bakü 1968.
11. Novruzova N. Bekir Çobanzade: hayatı, ilmi ve pedaqoji fealiyeti, “türk – tatar lisaniyyetine medxel” eseri. Bakü, 2006.
12. Kahramanlı N. Garasubazardan olan professor. Bakü, 1994.

ПЕРИОД БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ В ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ XX ВЕКА

Начало XX века было противоречивым периодом в истории Азербайджана. Формирование идеологии Туранизма, научное обоснование ряда основополагающих вопросов общетюркского языкознания стали главнейшими задачами перед интеллигенцией Азербайджана.

Одним из таких интеллигентов оставивший глубокий след в истории тюркской лингвистики был Б. Чобанзаде. Творчество Б. Чобанзаде было посвящено изучению различных проблем тюркских языков и литератур. Этот период жизни Б. Чобанзаде был направлено решению проблем алфавитных изменений возникших в истории языка тюркских народов.

В период проживания в Азербайджане Б. Чобанзаде было опубликовано 15 научных книг и свыше 100 статей, что является подтверждением его незаменимой роль (роли) в формировании тюркологии как науки.

За указанную деятельность в 1937 году он был репрессирован как пантюркист, националист и идеолог буржуазии. Советским режимом был наложен запрет на переиздание научных трудов Б. Чобанзаде потому и его богатое творчество долгое время осталось неисследованным. Только после того, как в 1956 году были восстановлены добрые имена жертв репрессии 1937 года, труды Б. Чобанзаде стали объектами специального исследования. В Азербайджане впервые А. Бабаев написал кандидатскую диссертацию по всесторонней деятельности Б. Чобанзаде и тем самым он начал занимать свое достойное место в истории Азербайджанского языкознания. В 2007 году было издано его собрание сочинений в 5-ти томах по специальному распоряжению Президента Азербайджанской Республики. И.Г. Алиева.

Ключевые слова: *Бекир Чобанзаде, тюркские языки, тюркологическая языкознания, лингвистика, международные исследования, общетюркология.*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА *DEVE* В НАЦИОНАЛЬНОЙ КОГНИТИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА КРЫМСКИХ ТАТАР

*В статье определяется понятие национальная когнитивная картина мира. Проводится семантический анализ фразеологических единиц с компонентом *deve* в крымскотатарском языке.*

Ключевые слова: национальная когнитивная картина мира, модель мира, фразеологические единицы с компонентом *deve*.

Постановка проблемы. Фразеология, как отдельная наука, является ценнейшим источником сведений о культуре, менталитете, стереотипах народного сознания, отражающих представления того или иного народа о морали, привычках, восприятии окружающего мира и т.д., становясь достоянием языкового сознания – национальной когнитивной картины мира.

Анализ научной литературы по проблематике исследования показал, что вопросы о национальном образе мира в структуре семантики ФЕ рассматривались в работах В.Н. Телия, А.М. Эмировой, Т.В. Цивьян, Г. Д. Гачева, А. Вежбицкой и др. [1; 3 – 12].

Фразеология современного крымскотатарского языка нуждается в серьезной научной систематизации с применением концептуально-терминологического аппарата. Фразеологические единицы с компонентом *deve*/верблюд в крымскотатарском языке не были предметом отдельного исследования.

Цель и задачи статьи: выявить и охарактеризовать фразеологические единицы крымскотатарского языка с компонентом *deve* в структуре национальной когнитивной картины мира.

Объектом исследования является фразеология крымскотатарского языка.

Предметом исследования являются фразеологические единицы с компонентом *deve* и их место в национальной когнитивной картине мира крымских татар.

В основу данного исследования, положена картотека ФЕ крымскотатарского языка, имеющих в своем составе компонент *deve*. Фра-

зоологические единицы выбирались методом сплошной выборки из фразеологических словарей крымскотатарского языка [15 – 22].

Согласно определению проф. А.М. Эмировой, “фразеологические единицы (ФЕ) – это устойчивые сочетания слов, обладающие образно-переносным значением, способные выражать чувства и оценки говорящего и активно воздействовать на мысли, эмоции и поведение слушающего” [17, с. 4].

Ядром фразеологии являются идиомы (от греч. *idioma* – совокупность, своеобразие) – это устойчивые эмоционально-образные сочетания слов с переносным значением, выполняющие в предложении функции одного члена предложения. Согласно семантической классификации ФЕ, разработанной В.В. Виноградовым и дополненной Н.М. Шанским, это фразеологические сращения и фразеологические единства [12, с. 26].

В последнее время, понятие «картина мира» получило распространение в самых различных областях гуманитарных наук – филологии, культурологии, лингвистике и др.

С гносеологической точки зрения, картина мира – это упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном, групповом и индивидуальном сознании.

В своей работе по когнитивной лингвистике ученые З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют картину мира, которая получается в результате прямого познания сознанием окружающей действительности [6, с. 50].

Картины мира являются исторически обусловленными – они зависят в своем содержании от достигнутого к этому или иному историческому этапу уровня познания. Они способны изменяться согласно историческим условиям, достижениям науки и развитием методов познания.

Картина мира крымскотатарского народа тесно связана с его мировоззрением. Если мировоззрение определяет метод познания, то картина мира – это его результат. Картина мира состоит как из содержательного, концептуального знания о действительности, так и совокупности ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию явлений действительности. Такой тип картины именуется когнитивной, так как она представляет собой результат познания действительности.

Под когнитивной картиной мира понимается ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием чело-

века или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в ментальном процессе мышления [6, с. 51]. Она представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа. Поэтому, национальная картина мира является некоторой абстракцией и в тоже время когнитивно-психологической реальностью, которая обнаруживается в мыслительной и познавательной деятельности народа, в его поведении [6, с. 51 – 52].

Национальная когнитивная картина мира проявляется в одинаковом поведении народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в суждениях, умозаключениях, идиомах, поговорах, афоризмах и т.д.

В структуре национальной когнитивной картины мира этносов Востока верблюд предстает в качестве модели мира. В восточной философии, свод неба ассоциируется с горбом людского бытия.

Если для других народов конь служит моделью мира и преобразует Вселенную, ее устройство и смысл, то для турков, арабов и персов верблюд является космическим, вселенским существом.

Верблюд – зеркало потребности в малом и философской самоудовлетворенности. Кочевник, также как и его верблюд, прост, неприхотлив и аскетичен. Ежегодная продажа верблюжьего молодняка дает возможность туркам, персам, арабам-бедуинам покупать финики, зерно, изделия городского ремесла, но многие бедняки питаются почти исключительно верблюжьим молоком в пресном и кислом виде, т.е. верблюд для них своеобразный вечный Млечный Путь. Вместе с тем верблюд был единственным транспортным средством для многочисленных торговых караванов и хаджей в Мекку [7, с. 386].

Особое место имеет верблюд в представлении суфиев. У них верблюд горбом – Бог, небосвод; шерстью – народен, животен, растителен и человечен: шерсть – трава, растение на горе корпуса и воплощает принцип растения и земледелия, а также связанные с этим идеи. В Исламе эти идеи развивает суфизм:

- «я» (вертикаль прорастания из лона матери);
- сыновство и материнство;
- любовь и т.д.

Верблюд объемлет весь мир Ислама: сочетание горства и земледельчества: корпусом – гора, шар земной, кожей – почва, шерстью – трава. Его голова и шея также амбивалентны: змея и птица одновременно, пресмыкание земли и парение небес, обитатель земли и неба.

Верблюды мудры, как змеи, и невинны, как голуби. И в подобание божеству своему, хозяину, им свойственно пресмыкаться и быть также орлино-гордыми.

В природе имеется два вида верблюдов – это *бактриан* – двугорбый верблюд и *дромедар* – одногорбый. Их предки попали в Азию через Берингию из Северной Америки более 2 млн. лет назад. Они расселились по разным концам Азии.

В крымскотатарской национальной картине мира верблюду отведено особое место.

Верблюды, в особенности двугорбые (*eki örkeçli develer*), появились в Крыму начиная с XIII в, с приходом Золотой Орды, а по некоторым данным, еще намного раньше, когда через г. Солхат (ныне г. Старый Крым) в г. Бахчисарай проходил Великий Шёлковый Путь. Одногорбые верблюды (*bir örkeçli develer*) были завезены в Крым из стран арабского Востока и Турции.

Путешественники регулярно описывали диковинных животных. Верблюд для жителя Европы, прибывшего в Крым, был существом экзотическим. Графиня Горчакова, опубликовавшая воспоминания о Крыме в конце XVIII в., так описывает увиденное: «В 18 верстах не доезжая Сак, татарское селение, где наш ямщик-татарин дал вздохнуть лошадям и покормил их овсом... На дворе солнце палило, было 11 часов, и нигде мы не могли найти ни малейшей тени. Тут я увидел в первый раз верблюдов (на Кавказе мне не случилось их видеть, а экземпляры в наших зверинцах очень неудовлетворительны). Их было около 20, в том числе и маленькие верблюжата – *bota*; при нас старая татарка погнала их на водопой, и они испускали какой-то особенный жалобный крик, точно жалели о своих пустынях и раскаленных песках...»

В мировосприятии крымских татар верблюд укоренился как самое большое животное. Для кочевников и торговцев средневекового Белогорска верблюд был основным транспортным средством. Это животное способно перевозить груз, равный половине массы своего тела (800-килограммовый верблюд мог нести до 400 кг.).

Позже верблюдов стали использовать в сельском хозяйстве как гужевой транспорт. Можары (повозки), запряженные верблюдами, колесили по крымским дорогам вплоть до Великой Отечественной Войны.

В окрестностях г. Симферополя проводились даже верблюжьи скачки, о чём свидетельствует гравюра, изготовленная в XVIII веке в

Крым (см. рис. 1, копия гравюры из личного архива проф. И.А. Керимова). Существовали также верблюжьи костопрывы, которые работали на этих скачках. Особого внимания заслуживает герб Крыма XIX века, на котором изображены символы трёх верблюдов.

Слово *deve* распространено в речевом обиходе у крымских татар. В Карасувбазарском наречии крымскотатарского языка используется его фонетический вариант – *tüye*.

В крымскотатарском языке слово *deve* используется как компонент в составе следующих ФЕ: *deve [tüye] hacı olmaz varma ile Mekkeye* (букв. верблюд не станет паломником, посетив Мекку) ‘кто-либо не способен на значительный поступок или не пригоден для серьёзного дела’ [13, с. 6 – 8]; *deve [tüye] minarege çıqqanda* (букв. когда верблюд взойдет на минарет) ‘неизвестно когда, в определённом будущем, никогда’; *deve [tüye] çökecek yerini tapar* (букв. верблюд найдет, где ему лечь) ‘кто-л., что-л. знает свое место’; *deveden [tüyeden] bir qulaq* (букв. с уха верблюда) ‘ничтожно мало чего-либо по сравнению с чем-либо’; *pireden deve [tüye] yapmaq* (букв. делать из блохи верблюда) ‘придавать чему-либо незначительному, маловажному большое значение’; *deve [tüye] kibi yüklenip* (букв. как верблюд навьючиться) ‘кто-л. несёт, переносит очень большой груз’ и др.

Для сравнения, в турецком языке компонент *deve* используется во ФЕ со следующими значениями: *deve boynuz ararken kulaktan olmuş* (букв. хотел верблюд рога иметь, да без ушей остался) ‘не уметь довольствоваться тем, что есть’; *deve büyüktür, amma başını bir eşek yeder* (букв. велик верблюд, да караван осел ведет) ‘умен не тот, кто больше ростом’; *deve dabanı, kaz ayağı* (букв. верблюда пята, гуся лапка) ‘каждый ищет или выбирает себе подобных’; *deve deve hakırdak* (букв. орать, как верблюд) ‘голосить, громко кричать’; *deve deve yerine çöker* (букв. место верблюда займет другой верблюд) ‘всегда найдётся кто-либо, кто займет освободившееся, вакантное место’; *deve düdüük çalmaz* (букв. верблюд не сыграет на дудуке) ‘что-л. никогда не сможет произойти, сбыться’; *deve gevişi getirmek* (букв. изображать жевание по-верблюжьи) ‘делать что-либо без охоты и медленно; есть медленно, нехотя’; *deve Kâbe’ye gitmekle hacı olmaz* (букв. верблюд не станет паломником (верующим), посетив Каабу) ‘кто-либо не способен на значительный поступок или не пригоден для серьёзного дела’; *deve nalbanda bakar gibi* (букв. уставиться, как верблюд на кузнеца) ‘стать в тупик, столкнувшись с чем-

либо неожиданным'; *deve tabanı gezer yabanı* (букв. пята верблюда бывала повсюду) 'успевать повсюду'; *deve tellâlı* (букв. верблюжий глашатай) 'пустой крикун, враль'; *deve tellâlı gibi bağırmaq* (букв. орать, как верблюд-глашатай) 'очень громко кричать'; *deve zelbesi* (букв. оглобля верблюжьей арбы: длинная палка, которой прикреплена оглобля к шее верблюда) 'неуклюжий человек, уваленъ'; *devede kulak kadar* (букв. с ухо верблюда) 'ничтожно мало чего-либо по сравнению с чем-либо'; *develer dama çıkınca* (букв. когда верблюд взойдет на крышу) 'неизвестно когда, в определенном будущем, никогда', сравн. в азерб. яз.: *dəvənin güjruğu jərə dəjəndə* (букв. когда хвост у верблюда дотронется земли); *devenin üstünde (başında) kuduz dalamak* (букв. сидя на верблюде дразнить бешеную собаку) 'не бояться делать что-либо будучи защищенным, быть в укромном месте, не быть подверженным риску'; *devesi buzu geçmek* (букв. чей-л. верблюд перешел по заледеневшему озеру) 'выкарабкаться из очень больших сложностей'; *devesi düze çıktı ya?* (букв. чей-л. верблюд преодолел все ухабы?) 'преодолевать большие трудности'; *deveye bardak asmış gibi* (букв. как-будто чашку повесили на верблюда) 'совсем не идет, выглядеть смешно, нелепо (об одежде); *deveye hendek atlatmak* (букв. гнать верблюда через ров) 'заставлять делать невыполнимое; *deveyi çömleğe, insanı kabire koymak* (букв. верблюда в чан (мясо порезанного животного складывают в большой чан) человека в могилу сложить) 'о чём-то производящем сильное впечатление, что потрясает'; *deveye terzi olmaz* (букв. нет портного для верблюда) 'не бывать, не произойти чему-либо'; *deve zaar ürüyor* (букв. заставить выть/кричать по-верблюжьи) 'мучить кого-л.'; *deveyi düze çıkarmak* (букв. вывести верблюда на равнину) 'уладить проблемы'; *deve kuyruğundan yetmek* (букв. по хвост верблюжий) 'очень мал размером, незначителен'; *deveyi yutar, pıreyi satar* (букв. и верблюда проглотит и блоху продаст) 'аферист, пройдоха'; *deveden büyük fil var* (букв. больше верблюда есть слон) 'все не объять, все познается в сравнении; *deveyi yük değil zelber yıkar* (букв. сдох верблюд не от груза, а от тысячи мелочей навьюченных на этот груз) 'перебарщивать с чем-либо' и др.

Фразеологические единицы урумского языка с компонентом *deve* характеризуются следующей семантикой: *deve dededen halsa, huyruğun tesiy* (букв. если верблюд отстанет от верблюда, то он отрезет себе хвост) 'про очень упертого человека'; *deve hadar ulanı bolğanças, karğa hadar hoca bosun* (букв. чем иметь сына большого,

как верблюд, лучше иметь мужа с ворона) ‘не в величине, а в пользе человека дело’; *deveni yineyen közünden teçiriy kim* (букв. верблюда проведёт в/через ушко иглы кто) ‘кто-л. очень умелый, находчивый’; *u benim hadar bolğançah, men deve hadar bolım* (букв. пока он станет таким как я, скорее я верблюдом стану) ‘что-л. сбудется не скоро или не сбудется никогда’ и др.

Отдельно стоит выделить фразеологические единицы пословичного характера с компонентом *deve* в турецком языке: *deve bir akçeye [götür, hanı akçe], deve bin akçeye [getir, hanı deve]* (букв. за верблюда 1 золотой [уведи его, нет и одного золотого], за верблюда 1000 золотых [давай, где верблюд]) ‘если нет деньги – не купишь и то, что за грош, за бесценок отдают, если есть деньга – всё купишь и втридорога’; *deveci ile konuşan [görüşen] kapısını büyük açar [açmalı]* (букв. если дружишь с погонщиком верблюдов, имей [открывай] широкие ворота) ‘подчиняться каким-л. условиям’; *deveye burc gerek olursa boynunu uzatır* (букв. коль верблюду нужно башню достать, он уж вытянет шею) ‘необходимость заставляет кого-л. трудиться’; *devenin derisi [yunu] eşeğe yuk olur* (букв. шкура [шерсть] верблюда ослу тяжела) ‘самая ничтожная вещь великого человека простолыдину/недостойному не по плечу’; *deveye bindikten sonra çalı ardına gizlenilmez* (букв. тот, кто верхом на верблюде за куст уже не упрячется) ‘если что-либо на общем обозрении, это уже не скрыть’; *deveyi yardan uçuran bir tutam ottur* (букв. пучок травы заставит верблюда кинуться вниз с обрыва) ‘жадность и ненасытность заставляют делать необдуманные поступки’ и др.

Выводы. Таким образом, верблюд у крымских татар, жителей Белогорска и его окрестностей, представляет собой модель мира, в структуре национальной когнитивной картины мира. Результаты когниции отражены в содержательной части проанализированных фразеологических единиц крымскотатарского языка с компонентом *deve*.

Перспективы дальнейших исследований. Результаты исследования могут быть применены в составлении тематического словаря фразеологических единиц крымскотатарского языка.

Литература:

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

2. Гаркавец О.М. Уруми Надазов'я: Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки / О.М. Гаркавец. – Алма-Ата : Український культурний центр, 1999. – 624 с.

3. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Г.Д. Гачев. – Народы Азии и Африки. 1967, № 1. – С. 48 – 52.

4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Итальянский, английский и американский образы мира // Г.Д. Гачев. – Вопросы литературы, 1987, № 10. – С. 3 – 5.

5. Гачев Г.Д. Типология национальных образных систем и польский образ мира // Г.Д. Гачев. – *Slavia Orientalis*, 1991, том XL, № 1 – 2. – С. 34 – 39.

6. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314, [6] с.

7. Народы Передней Азии. – М. : Изд-во АН СССР, 1957. – С. 386.

8. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика / Маслова В.А. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

9. Маслова В. А. Лингвокультурология / Маслова В. А. – М. : Издательский центр Академия, 2001. – 208 с.

10. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Ин-т славяноведения и балканистики. Отв. Ред. В.Н. Топоров / Цивьян Т.В. – М. : Наука, 1990. – 207 с.

11. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / Эмирова А. М. – Ташкент : ФАН, 1988. – 86 с.

12. Эмирова А. М. Основные понятия крымскотатарской фразеологии / А. М. Эмирова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Филологические науки. Выпуск 21. – Симферополь, 2010. – С. 26 – 33.

13. İsmail bin Mustafa Gaspıralı. Letayif // Tonguç / Gaspıralı İsmail bin Mustafa. – Şehr-i Bağçasaray, 1881. – Fı 8 (20). – С. 6 – 8.

14. Гаркавец О.М. Урумський словник / О.М. Гаркавец. – Алма-ата : Баур, 2000. – 632 с.

15. Крымскотатарско-русский фразеологический словарь / [А. М. Меметов, А. М. Куртсеитов]. – Симферополь : Оджакъ, 2009. – С. 3 – 18.

16. Куркчи У. Крымскотатарско-русский фразеологический словарь / Научный редактор Эмирова А. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2011. – 296 с.

17. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / авт.-сост. Эмирова А. М. – Симферополь : Доля, 2004. – 176 с.

18. Тагиев М. Т. Русско-азербайджанский словарь = Русча-азербайжанча лугат / М. Т. Тагиев. – Баку : Маариф, 1974. – 246 с.

19. Фразеологический словарь крымскотатарского языка У. Куркчи : рукопись / Архив Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

20. Adıgüzel Hüseyin. Deyim hazinemiz / H. Adıgüzel. – İstanbul : Türk Dünyası Ararştırmaları Vakfı, 1990. – 136 s.

21. Aksoy Ömer Asım. Atasözleri ve deyimler sozlüğü: Deyimler sozlüğü / Aksoy Ömer Asım. – İstanbul : inkilap, 1988. – 1205 s.

22. Dobruca'daki kırım türklerinde atasözleri ve deyimler / Müstecib Ülküsal. – Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1970. – 253 s.

ЯЗЫКИ КАНЦЕЛЯРИИ КРЫМСКИХ ХАНОВ: МЕЖДУ МОНГОЛЬСКОЙ, ОСМАНСКОЙ, ПРАВОСЛАВНОЙ И ЛАТИНСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Тюркские языки Крымской канцелярии

Крымское ханство является легитимным преемником Чингизидской империи, или, точнее, его северозападной части: Золотой орды (Улуса Джучи). В документах последней, с XIV столетия, кроме монгольского употреблялся также тюркский язык, который развивался в Джучидском Хорезме и, потому, современные языковеды именуют его хорезмийско-тюркским. Сначала документы на тюркском языке писались уйгурском шрифтом, но потом, вместе с исламизацией Джучидского двора, арабский шрифт стал основным шрифтом Золотоордынской канцелярии и канцелярии государств-наследников Золотой орды, в том числе Крымского ханства.

Исследователи, занимавшиеся перепиской Крымских ханов с иностранными государями, долго дискутировали, когда хорезмийско-тюркский язык был заменен в ханской корреспонденции османско-турецким. Мария Иванич, Йозеф Матуз и Елжбета Свенцицка доказывали, что уже в XVII веке язык Крымской канцелярии является сильно «османизированным», или, даже, просто османским. Высокий уровень «османизирования» языка Крымских ханов ещё более заметен в их переписке с Османскими султанами, которая сохранилась в архиве стамбульского Дворца Топкапы, и из которой большая часть издана французскими исследователями. Уже в XV веке, Менгли Герай решил подписать свое письмо Мехмеду Завоевателю Бенгли вместо Менгли, в уверенности, что такая «заогузированная» форма ханского имени будет более по душе Османскому султану. С другой стороны, татарские ученые Миркасым Усманов и Сагит Фазизов, которые также исследовали документы, исходившие из Крымской канцелярии, отмечали наличие татарско-кипчацких форм, заметные даже в конце XVII века. Решение этого, кажущегося противоречием, вопроса, возможно, если определить, на какой базе делали свои утверждения вышеупомянутые исследователи. Самая сильная «османизация» видна в ханских письмах, которые сохранились в архивах Стамбула. Письма, сохранившиеся в архивах Швеции,

Дании, Австрии, Венгрии и Румынии, которые исследовали Свенцица, Матуз и Иванич, также являются сильно «заосманизованными». Адресуя письмо шведскому или датскому королю, а также трансильванскому воеводе, хан мог ожидать что во дворе принимающей стороны легче найдётся переводчик с османско-турецкого языка, чем с хорезмийско-тюркского. Но это не значит, что хорезмийско-тюркского уже никто не употреблял в самом Крыму. Этот язык также долго сохранялся в переписке Крыма и Москвы, из-за аналогичных прагматических взглядов: до конца XVII века на царском дворе в Москве легче было найти волжского татарина, перебежчика или пленного из Крыма, который смог бы перевести письмо, написанное кыпчакским диалектом, чем переводчика, который смог бы прочитать и перевести письмо на османско-турецком языке.

Что касается корреспонденции Крымского двора с польско-литовским государством, до половины XVII века можно наблюдать когабитацию османско-турецких (огузских) и татаро-кыпчакских элементов, так лексикальных как и морфологических. Например, в ноябре 1640 года татарские послы привезли в Варшаву три шерстные грамоты, изданные от имени хана Бахадыр Герая, калги Ислам Герая, и нуреддина Кырым Герая. По содержанию грамоты хана и нуреддина почти идентические, они даже подготовлены в той же самой ханской канцелярии в Бахчисарае. Но так как в ханском письме мы находим такие кыпчакские формы как *sibermek* и *taqı*, и даже кыпчакский аблатив *-din*, в письме нуреддина им соответствуют огузские формы *göndürmek*, *dahı*, и огузский аблатив *-den*. Кыпчакский суффикс желательного наклонения *-ğay/-gey* выступает только два раза в письме нуреддина, но девять разов в письме хана, и тринадцать разов в письме калги. Это последнее письмо, написанное не в Бахчисарае, а в крепости Ферахкермен (Перекоп), содержит больше кыпчакских элементов, чем письма нуреддина и хана. Но, интересно, после того, как сам калга Ислам Герай вззошел на ханский трон в 1644 году, в 1646 он прислал в Варшаву шерстную грамоту, которая уже написана почти чистым османско-турецким языком.

В завершение можно сказать, что в XVII веке язык канцелярии Крымского ханства всё еще содержал как кыпчакско-татарские, и османско-турецкие элементы, но их пропорция зависела от места подготовки документа, происхождения и типа образования данного писца, и даже адресата, которому направлялось данное письмо. Например, язык корреспонденции с Варшавой был более «османизован» чем язык корреспонденции с Москвой, но далеко менее «осма-

низирован» чем язык корреспонденции со Стамбулом. Тоже, документы подготовленные на юге Крыма кажутся более «османизированными» чем документы подготовленные в северном Крыму или в Ногайской степи Причерноморья. Присутствие османско-турецких элементов, в том числе арабско-персидской лексики и морфологии, кажется наиболее заметным в документах кадиаскерского суда и кадийских реестров. Это не удивительно, если мы вспомним, что многие Крымские улема получали образование в медресе Османской империи. Даже во многих медресе Крымского ханства преподавали улема прибывшие из Османской империи, а наука на арабском языке занимала почётное место.

Другие языки употребляемые в Крымской канцелярии

До сих пор исследователи уделяли мало внимания документам, которые Крымские ханы писали на нетюркских языках. Затянувшуюся дискуссию, касательно употребления русского языка в Крымской канцелярии, в которой на протяжении вот уже более ста лет принимали участие многие русские и татарские ученые, в том числе Михаил Бережков, Александр Самойлович, Анна Хорошкевич, Миркасым Усманов и Сагит Фаизов, можно окончательно решить на основе крымских документов, которые сохранились в архивах и библиотеках Польши. В Кракове, в Библиотеке Чарторийских сохранилось в подлиннике письмо на русском языке, скрепленное ханской тамгой, которое 12 марта 1512 года Менгли Герай направил киевскому воеводе Юрию Радзивиллу. В Варшавском Архиве древних актов сохранилось письмо, скрепленное миндалевидной ханской печатью, тоже на русском языке, которое в 1562 году хан Девлет Герай послал польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду Августу из военного лагеря на реке Самаре, предлагая ему, согласно союзному договору вместе ударить по Москве. Конечно, можно предполагать, что таких ханских грамот на русском языке было больше, но значительная часть их не сохранилось до сих пор.

В 1481 году, после смерти османского султана Мехмеда Завоевателя правительство италийской республики Генуи мечтало отвоевать свою бывшую колонию – Кафу, захваченную Османами шестью годами ранее. Генуезцы хотели создать антиосманскую коалицию приглашая вступить в нее польского короля, молдавского господара и крымского хана, которые все натерпелись из-за османской экспансии. Генуезские послы Бартоломео да Кампофрегозо и Лодисо Фи-

еско прибыли в литовский Киев и сообщили о своей миссии Менгли Гераю. 31 декабря 1481 года крымский хан издал паспорт на греческом языке, приглашая генуезских послов в Крым. Хотя из планов по созданию коалиции ничего не получилось, сохранен паспорт является уникальным доказательством того, что в ханской канцелярии употреблялся также и греческий язык.

С XV столетия в ханской канцелярии и дипломатии работали многие Генуезцы, в том числе члены крупнейшей семей бывшей генуезской колонии Кафы. Так не странно, что в корреспонденции с латинскими державами, например с Польшей, ханская канцелярия употребляла итальянский язык, а точнее северно-итальянский диалект, на котором говорили Генуезцы. Самый старинный польско-крымский документ договора (шертная грамота), который сохранился до сих пор в подлиннике, издан на итальянском языке от имени хана Менгли Герая. Укреплен оттиском тамги Менгли Герая и двумя оттисками тамги его покойного отца, Хаджи Герая, документ датирован 29 ноября 1514 года. Его главным редактором является знаменитый член ханской канцелярии и участник многих миссий на дворы Европы, Августино де Гарибалдис, который власноручно написал последние три строки документа.

Возможно, что уже в XV веке крымская канцелярия издавала тоже документы на латине. На этом языке писали ведь в Крым Ягеллоны, когда они вступали как польские короля (письма в Крым от Ягеллонов, когда они выступали как великие князья литовские, писались на русском языке), так в ханском дворце должен был находиться кто то умеющий читать, а может и писать на латине. В такназываемым Загребском кодексе сохранилась например латинска копия письма Менгли Герая, датированного в Кыркьере 10 февраля 1500 (ex Chercher... millesimo quingentesimo die decima Februarii) и направленного польскому королю Яну Ольбрахту. Интересно, что копия тоже содержит формулу *Menlicherei verbum meum*, которая отвечает стандартной формуле ханских ярлыков: *Mengli Gerey sözüim* (т.е. «Менгли Герай, слово мое» или «слово мое Менгли Герая»). Возможно что это просто точный перевод не сохранившейся подлинной ханской грамоты, написанной на хорезмийско-тюркском языке, но не исключено, что этот не сохранившийся подлинник был уже издан на латинском языке. Даже если не можем убедительно доказать употребления латинского языка Крымской канцелярией в XV веке, можем это доказать для XVII века. Некоторые письма Крымских вельмож, направленные

ные лицам датского двора и ныне сожранившиеся в копенгагенском архиве, содержат на обороте адреса на латинском языке, например: *Serenissimo et Potentissimo Domino Friderico ex Gratia Dei Daniae Regi etc. etc. etc. Amico Nostro honorato.*

В XVII веке самым важным языком крымской канцелярии, кроме турецкого, был, оказывается... польский язык. Йозеф Матуз, знаменитый венгерский тюрколог, работающий в Германии, издал в 1976 году комплекс крымскотатарских документов, сохранившихся в копенгагенском архиве. Документы относятся к периоду, когда Дания, Польша, и Крымское ханство находились в союзе против Швеции во время Второй Северной Войны (1655-1660). Интересно, что кроме документов на османско-турецком языке (с заметными татарско-кыпчацкими элементами), писанных арабским шрифтом, Матуз обнаружил несколько писем на польском языке, которые он определил как польские переводы татарских подлинников, которые до сегодня не удалось обнаружить (*bisher unauffindbar*). Он также считал совершенно невозможным, чтобы татарский хан или другое высшее лицо крымского двора создали подлинный документ на любом другом языке, кроме турецкого. В отличие от татарских документов арабским письмом, которые Матуз издал в факсимиле, транскрипции и немецком переводе, писем на польском языке из копенгагенского архива он не издал. По этой причине, во время короткого визита в Копенгагене в марте 2009 году, я осмотрел эти письма и вскоре выяснил, что это подлинники, скрепленные печатями татарских вельмож (включая, например, письмо крымского везира Сефера Гази аги датскому канцлеру).

В Стокгольме также сохранилось письмо Мехмеда IV Герая от 1661 года, к которогму хан решил добавить польский перевод, объясняя вельможам шведского двора: «Написав это наше письмо на татарском, Вам посылаем; а на тот случай, если у Вас не будет людей, которые бы смогли это прочитать, посылаем Вам [также] польский перевод». Конечно, письма на польском языке направлялись из Крыма прежде всего не в Данию, и не в Швецию, а в Польшу, и многие из этих писемь до сих пор хранятся в польских архивах. На польском языке написан, например, татарский документ Подгаецкого договора 1667 года, скрепленный печатями калги Кырым Герая и других татарских вельмож, а также документ Селим Герая 1672 года, в котором хан подтвердил от имени Кырма условия Буджацкого договора между Польшей и Османской империей. Широкое употребление польского языка в крымской корреспонденции с Польшей и, даже, с дворами Скан-

динавии, не будет выглядеть столь странным, если мы будем вспомним, что в XVII веке польский был языком коммуникации шляхетских элит Речи Посполитой, не только польского, но также литовского, русского, и немецкого происхождения; на польском говорили и писали, в том числе, многие бояре Молдавии и, даже, некоторые члены московского двора. Частые войны между Польшей и Крымом, с институтом плена и выкупа, а тоже так называемого побратимства между членами польской и татарской шляхты, способствовали взаимным контактам: например будущий хан Ислям III Герай в 1629-1634 годах находился в польском плену, но условия этого плена в замке в Рава были довольно мягкие, а крымского принца там посещали польские магнаты. В 1654-1666 годах крымский хан и польский король находились в антимосковском союзе, а воины обеих сторон принимали участие во многих битвах. Символом этого союза до сих пор является портрет крымского посла Дедеша аги, который постоянно ездил между Бахчисараем и Варшавой в 1650-х и 1660-х годах, написанный придворным художником польского короля Даниэлом Шульцом. Портрет в настоящее время сегодня находится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Нужно помнить, что в ханском дворе также находились поляки, одни взятые в плен, другие прибывшие в поиске карьеры. Например, в 1660-х годах в ханской канцелярии работал некий Ислям бей, который сохранил польскую фамилию, свидетельствующую о шляхетском происхождении и подписывал свои письма направленные польским вельможам: Ислям бей Цегельский (Islan Bey Cegielski).

Как мы увидели, в канцелярии Крымских ханов употреблялись не только тюркские, но также русский, греческий, итальянский, латинский и польский языки, а кроме арабского письма еще и кириллический, греческий и латинский шрифты. В своем ответном письме трансильванскому воеводе Михаилу Апафи, направленному из Бахчисарая в 1686 году, хан Селим Герай с гордостью отмечал, что «в этой стороне ест люди, которые знают каждый язык и читают каждый шрифт», хотя и признал, что в данном случае его переводчики не смогли прочитать письма, присланного воеводой (можем легко догадаться что письмо Апафи написано было на венгерском языке).

В конклюдзии можно сказать, что крымская канцелярская практика представляет богатую и захватывающую амальгаму разных евроазиатических традиций, которые отражают креативность крымских татар, сумевших адаптировать иностранные модели и, в это же время, сохранить собственную культурную идентичность.

**КАРАСУВБАЗАР
В РЯДУ КУЛЬТУРНЫХ ПРИОРИТЕТОВ
БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ**

**Для 1-ой Крымской тюркологической научно-практической
конференции «Мир Бекира Чобан-заде»**

В статье рассматриваются проблемы влияния карасувбазарского социо-культурного пространства первой трети XX века на поэтическое творчество Бекира Чобан-заде, а также вопросы национально-этнической картины мира и преемственности поколений.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, образная система, лирика, человек и социум.

Бекір Чобан-заде займає особливе місце в кримськотатарській літературі. Ставлення до м. Карасувбазара до цих пір є тією стороною його творчості, яке ще не вивчене в повній мірі. У статті ведеться спроба вивчити цю сторону творчості поета.

Ключові слова: кримськотатарська література, образна система, лірика, людина і соціум.

Bekir Choban-zade innovator poet has lived when in the time of regime of bloody soviet. But one of the basic craftman's which fed his poetry Qarasyvbazar. Author wrote that Qarasyvbazar the influence of the heritable to the creative works.

Keywords: Qarasyvbazar, poet, lyrics, poetry.

Постановка проблемы. Творчество Бекира Чобан-заде принято рассматривать как феномен крымскотатарской культуры первой трети XX века, отразивший противоречия послереволюционного периода и 1930-х годов, и история изучения вопроса о влиянии карасувбазарского социо-культурного пространства первой трети XX века на Чобан-заде небогата. Большинство материалов по вопросу о карасувбазарских влияниях на творчество поэта рассредоточено в работах, преследующих другие научные задачи. В последние годы в на-

учных кругах всего мира придают большое значение изучению локальной истории – городов и удельных систем. В этой связи представляют значительный интерес работы Дортелли Д'Асколи [1], Х.Г. Манштейна [2], Эвлия Челеби [3], У. Боданинского [4], Б.Н. Засыпкина [5], О. Акъчокъракълы [6], в которых немало внимания уделено географическому обзору Карасувбазарской провинции, природным условиям, хозяйственным ресурсам, административному делению, занятиям городского населения, в которых на основе путевых заметок, археологических раскопок, научных исследований освещается культурная и хозяйственная жизнь одного из древнейших городов Крыма.

В1634 году доминиканец Дортелли Д'Асколи в своем «Описании» сообщает, что: «город Карасу находится в середине Татарию. Это большой город, но без стен. Он построен прежними ханами и вырос в наше время благодаря своему удобному расположению и торговому значению, сюда как бы на ярмарку прибывает с разных концов Татарию много народа, по средам и четвергам. Султан-калга живет доходами с этого города» [1, 26]. В У Х. Г. Манштейна узнаем, что «... в этом городе насчитывалось до 6000 домов наполовину выстроенных их камня, 38 мечетей и молелен турецких, 2 христианские церкви для армян и греков, 50 водяных мельниц и множество разных общественных зданий»... [2,126]. Хотелось бы, отметить сочинение турецкого путешественника Эвлия Челеби, который дает более подробные описания общественных и культовых зданий и других достопримечательностей города. Из двадцати семи мусульманских культовых зданий он выделяет пять соборных мечетей, покрытых черепицей с каменными минаретами. Из больших восьми гостиных зданий наибольший интерес вызывает описание огромного караван-сарая хана великого везира Сефер Гази, который украшал рыночную площадь средневекового Карасувбазара. Окружность этого караван-сарая он определяет в 400 широких шагов, находя в нем подобие могучего замка.

Эвлия Челеби насчитал в городе 5500 двухэтажных и одноэтажных домов и около ста водяных мельниц на речке Кара-су, протекающей через город, а также великолепные бани. В общем, он находил город процветающим [3,36-39].

Приведенные выше разновременные данные о Карасувбазаре ханской поры показывают, что этот город, будучи одним из крупных, играл значительную роль в культурной и хозяйственной жизни

государства. Другая достопримечательность города – Теккие Хан-Джами, которая, по мнению У. Боданинского, была построена в 1140 году хиджры (1727 г.) в эпоху хана Менгли-Гирея II, шейхами выходцами из г. Кони (в Турции), основавшими в Карасувбазаре этот монастырь. В 20-х годах сохранилось лишь главное здание, от многочисленных построек Теккие. [4,30]

Исследования двадцатых годов оставили нам некоторые представления о памятниках старого Карасувбазара. Архитектор Б.Н. Засыпкин сообщает, что в центре города мечеть Шор-Джами – базилично-го типа сохранила кроме минарета – древние части от первоначальной постройки. Она была построена в османском стиле, предположительно в начале XIII века. В 20-х годах XX столетия старая часть города ещё сохраняла восточный колорит: «кривые улицы, по которым с трудом проезжали извозчики, высокие стены, маленькие калиточки, окна с решётками, масса мечетей и минаретов» [5,135].

Автором статьи рассмотрен широчайший круг источников, опубликованных недавно, среди которых работы С. Нагаева [7], А. Меметова [8], Ш. Селима [9], Ш. Юнусова [10], Ю. Кандыма [11], Н. Сеитяхья [12], А. Рустамовой [13], Д. Урсу [14] и др. Собранные воедино, систематизированные и проанализированные отрывочные сведения о Бекире Чобан-заде и Карасувбазаре из столь обильного материала позволили автору статьи осветить наименее изученный вопрос о влиянии одного из древнейших городов Крыма Карасувбазара на творчество Чобан-заде.

Цель. Рассмотреть карасувбазарские контексты творчества Бекира Чобан-заде, проанализировать влияние культурного социума на формирование личности писателя, а также преломление карасувбазарских впечатлений в его произведениях.

Отношение Бекира Чобан-заде к Крыму, Карасувбазару, где он провёл лучшие годы своей жизни, определялось рядом факторов: воспитанием и традициями семьи, диффузным влиянием крымскотатарского культурного социума, политическими взглядами поэта и политической ситуацией в Крыму, а также личными контактами и впечатлениями. Поскольку сам Бекир Чобан-заде оставил не так уж много собственных свидетельств о своём прошлом, не вёл дневников, судить о его взглядах мы можем исходя из его произведений. В своём большинстве они, если не объективно, по существу, то субъективно, для Бекира Чобан-заде, несут на себе «карасувбазарскую печать». С детских лет живёт в сердце поэта любовь к карасувбазар-

ской земле, где высокие скалы и цветущие долины, к горам, осеняемым просторно плывущими облаками, к шумным источникам и таинственным пейзажам. Родители передали будущему поэту любовь не только к родной земле, а и любовь к отчужденному, к героическому прошлому.

В стихотворении «Келеджек» поэт вспоминает: *«Балалыкъта келинчекли къырларда, Джатар эдим къойчыкъларым джаяр да, Къулагъымны джерге салып тынънасам, Аньнар эдим – атлы джуре отарда. Бакъар эдим чокъракъларын акъышын, Тояр эдим бакъып чечек оськенин. Ава дургъун боса яйла-чёллерде, Джем алтында башкъа бир джелъ эскенин. Культеленген юген отлар ичинде Табар эдим башкъа дюнья, ...»* [15,13] Показательно, что стихотворения «Доғъдым бир эвде», «Яз акъшамы уй алдында», «Туман», «Узакъ тавлар», «Келелер», «Ах,табылсам!...», написаны им на материале карасувбазарской действительности.

«Узакъ тавлар» («Далёкие горы») – это одно из самых драматических стихотворений с отчетливо выраженным лирическим сюжетом. «Далёкий край лесов и гор», «пенящихся водопадов, бездонных родников и быстронесущихся рек» с детства приучил лирического героя Чобан-заде ценить и беречь землю, которая заставляет человека на чужбине вспомнить «конных джигитов» (*«джигитлер сенде яшар»*), могилы матерей (*«аналарым эп бағрыньда комольди»*), нежный взгляд любимой (*«назлы козьлер эп корьгенде джумулды»*), поклониться краю гор и лесов, земле, которая его родила и взрастила, которую он покинул в юности: *«Бавурынъдан къаранлыкъта айрылдым, Не кунь корьдим, не суюлдым, савулдым, Не къаралдым, не пыталдым, сарылдым, Узакъ тавлар, уджсыз тавлар!»* [15,11]. Заключительные строки стихотворения пронизаны глубоким лиризмом. Они наполнены философскими размышлениями о судьбе родной земли, заботой о сынах народа: *«Сен юксексинъ, танъры бере башта сағъа, Ич къызғанмай сен де акъыт сабанджығъа, Корьмесин ич балаларынъ ят босағъа, Узакъ тавлар, уджсыз тавлар!»* [16,10]. В стихотворениях «Боран», «Чал бир къайтарма», «Яз акъшамы...» Чобан-заде показывает также хозяйственную и культурную жизнь типичного карасувбазарского поместья. Сквозь воздух, прокалённый степным нестерпимым зноем, проступают, а затем становятся явью поля, деревья, дорога, каменные дома города, мечети... Музыка времени звучит в стихотворениях «Тынч татар чёлонде», «Танду», «Асрет», «Эзан сеси». Поэта манит зов предков, волнует чувство корня.

Исторические корни крымскотатарского вопроса поэт осознавал достаточно глубоко, и противоречия между свободолюбивыми устремлениями крымскотатарского народа и государственными интересами России им показаны довольно полно в стихотворениях «Яныкъ къавал», «Кечмиштеки сучларымыз» и др. Гордость за героическое прошлое и сочувствие народу и его сложной исторической судьбе ощущается в строках: *«Ташланъыз о факъыр халкъны, сучу джокъ, Сучу болса, джашавында одийджек, Менмен Дженгъыз, Темир ханнынъ торуны, Менмен онынъ джолун даим кутеджек»* [17,294]. И поэт, рисуя прошлое, думает о будущем. Ведь повороты судьбы, какими крутыми они ни были, не могут уйти далеко от той единственной дороги, по которой идёт человек от рождения до смерти. Идёт, чтобы исполнить «свое предназначенье» через испытания лестью и злом, искушениями, огнём любви и холодом разочарований: *«Эзилийим, юкленийим сучларын! Буюк ханнынъ, буюк халкънынъ мирасын, Юкленийим бабаларым гунясын, Шай джурыйим шу дюньянынъ уджларын!...»* [17, 294].

Оригинальное стихотворение «Юз алтмыш джыл ...», написанное Чобан-заде, с возможной полнотой воссоздаёт величие достопримечательностей былого Карасувбазы: *«Акъшам усту эзан сеси джангъырай, Дердлилерни Хакъ къатына чагъыра. Эзан сеси минареден джайыла, Кокке чыгъа, мунълу, ёргъун байыла. Чий къатында акъ сакъаллы къартбабай Титрек къолун салкъын сууда увалай, Деренлерден «Аллах» сеси хош келе, Акъ мангълайлар джерге тие юкселе...»*[17,302]. Карасувбазар для Чобан-заде – это всегда «Джурт», притягивающая и завораживающая поэта священная гора Ак-кая – «Дин къыры дурагъы», «тувгъан къыр»[15,13]. Карасувбазарский пейзаж в стихотворениях «Келеджек», «Яхшы олюм», «Яз акъшамы уй алдында», «Кузь» многоцветен, объёмен, динамичен. Здесь и точность наблюдений и описаний, в которых ритм, звук, строевые строки – всё это соответствует «предмету» изображения, служит созданию яркого поэтического образа древнего Карасувбазара: *«Акърын-акърын кунь бата, кок къарара, Къызыл, къара булутлар отип бара. Пенджеремден тавларны сейир этемен, Тавлар аша, юртыма етишемен. Анда, энди билемен, коптен акъшам, Ятсы къыла, седжде эте гъарип анам...»* [15,13]. Здесь и «мягкое смешенье красок» и оттенков: «Айгиди, тавлар, чаларгъан тавлар! Ешерген, сияргъан, сараргъан тавлар», «Яз акъшамы... Кок ачыкъ, йылдыз ёкътыр; Уй алдында сармашыкъ, акъшам сефа...» [16,3]. Для поэзии Чобан-заде характерно совмещение философичности с географической ло-

кализованностью поэтической среды («узакъ тавлар ,тынч татар чёлунде, Ешилъ Ада, Ак-кая»...) и реалистической точностью деталей («кбызыл шарап, эски шарап ичейим», «тояр эдим бакъып чечек оськенин»...)

Связь образов времени и красоты – важная грань историзма Бекира Чобан-заде, дающего нам ощутить, что только истинно человеческое, гуманистическое начало есть залог его развития и вечности: «умрет и капля утренней росы, и лепесток фиалки, и зеленый луг, и каждый из нас», но пребудет всегда Красота – исток духовной жизни на земле, передающийся в строке, в звуке, в неумирающем и сходном восприятии красоты народа. История никогда не мертва для поэта. Не случайно, начиная стихи о древнем Карасувбазаре, отчем доме с привычного зрительного ряда, поэт сменяет структуру традиционных образных метафор и уподоблений бессмертной образностью вечно живых имен, преодолевающих трагизм глаголов небытия самой сущностью заключенной в этих именах символики... Это – история древнего города, а памятники (здания, улицы, дома) – её свидетели, чьё рождение и жизнь связаны с его судьбой. Главное же достоинство стихотворений заключается в особом видении материала (города), преломлённого сквозь призму личного отношения автора к предмету, когда известные памятники высвечиваются в новом ракурсе, где каждый из них может быть разным, как живой организм в изменчивом состоянии и настроении – от величавой монументальности до тихой задумчивой интимности: *«Къарангыъ гедже. Йылдыз ёкъ, ер корюнмей; Байкъуш йырлай дамларда, сельбилерде. Гедже къушу фырылдай шай кимерде. Кене сюрем агымны ич сюрюнмей...»* [17,302].

Немало у Чобан-заде стихотворений о воде. «Герои» их – река Кара-су, родники и фонтаны, дождевые облака и весенние ливни. Вместе с вечной весной (метафорический образ из стихотворения «Ах, табылсам!...») в стихах поэта шумят весёлые, чаще грустные мелодии весеннего ливня: *«Бир ирмакъ болып да, сынджырсам кольге, Я бир коль болсам да, серильсем чельге!...Бир джуже болайым къаялар ичиде, Чевирсин кевдемни къарувлы селлер, Къаядан, къаягъа шыпырсын еллер, Йылдырым ишлесин яш фидан экенде...»* [17,300]. В этих романтических строках отразилась древняя земля, её горы и в туманной дымке долины, её воды... Поэтические строки стихотворений «Анам», «Догъдым бир эвде», «Булутлар, булутлар» воссоздают былую атмосферу, где здания живут своей жизнью вместе с узкими улочками, шумными базарами с людской толчейей, лавками ремесленни-

ков просто жителями старого города. Читатель становится свидетелем бурной истории города, его взлётов и падений. Он узнаёт о быте горожан, о ремёслах и древнейших постройках, о традициях и обрядах народа («Салгырьда кетенин агъарткъан дюльбер», «токъый эльбес» «Сейдали ура чапасын серт къаягъа», ««сабанджы» и т. д.)

Часто говорят о многокрасочности палитры того или иного поэта. По отношению к Бекиру Чобан-заде это не просто расхожая ассоциация, ибо подобное суждение касается не только масштабности проблематики или разносторонности поэтики, но и конкретного, цветового многообразия его лирики. Ее краски и оттенки воплощают целую радугу чувств – светлых и печальных, пронзительных и нежных, теплых и презрительных. Так, два цвета – красный и чёрный – представляют собой по сути два точно избранных опорных образа всего стихотворения «Анам» («Мама»). Явная, казалось бы, однозначность чувств (поклонения, уважения, благодарности матери) влюбленного в Карасувбазару героя, передана здесь как бы кистью живописца – красками и оттенками цветовой стихии, выражающей и национальный облик матери и глубину переживания, раскрытого в «закате солнца», в плывущих «красных, чёрных облаках», образах высоких гор и зелёного леса дня, далёкого «Юрта» – Карасувбазара...

«Акърын-акърын кунь бата, кок къарара, Къызыл,къара булутлар отип бара.Пенджеремден тавларны сейир этемен, Тавлар аша, юртымга этишемен» [15,9] или же в стихотворении «Къарт Дунай, къарт Дунай» *«Кунь бата, къарангъы Къыт-къызыл тав ягъы...»*

На том же приеме цветового письма, на эмблематической ассоциации неназванных, но ясных оттенков красного и чёрного построены стихотворения «Ой, сувукъ шу гъурбет!», где у Бекира Чобан-заде нет контраста цветовых образов, но ощутима близость героя – крымского татарина именно к краскам той родной национальной стихии, которая обретает уже по сути символический характер в национально-традиционном образе красного цветка: *«...Мелевие,сармашыкъ, къаранфиль эр ер, Гуллери ачылгъан, япрагъы къатмер. Гуллери бек къызыл,ах насыл къызыл!Къызылны ничюн шай суемен бу йыл?!»* [15,6].

Выводы и перспектива. На основе тщательного анализа указанных произведений мы приходим к выводу, что поэтическое творчество Бекира Чобан-заде, посвящённое Карасувбазару, сегодня оказывает большую помощь филологам, историкам, этнографам, востоковедам, всем, кто интересуется историей Карасувбазара и Крыма.

Литература

1. Дортелли Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии 1634 год. –Одесса. 1902. – 86 с.
2. Манштейн Х.Г. Записки исторические, политические и военные о России с 1727 по 1744 гг. – 4.2. – М., 1859. – 380 с.
3. Челеби Эвлия. Книга путешествия /пер. на польск. Зигмунда Абрагамовича – изд., 1969 // фрагменты пер. на рус. Руковского В.Ю.
4. Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. – Симферополь, 1930. – 31 с.
5. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. – №2.– 1927. – С.113-168.
6. Центральный Государственный архив Республики Крым. фонд. – р– 3076, опись, ед.хранения 25-3.01.1939-18.06.1941.– л.147.
7. Нагаев С. Девир ве такьдир. (Бекир Чобан-заденинь 100 йыллыгына) // Йылдыз.– 1993. №2. С. 95-122.
8. Меметов А. Бекир Чобан-заде ве кырымтатар тильшынаслыгы. 1993. №5–6. С.262-268.
9. Селим Ш. Шанлы ве фаджиалы омюр. (Бекир Чобан-заденинь 110 йыллыгына). 2003. №2. С. 5-7.
10. Юнусов Ш. Бекир Чобан-заденинь шириети. 1994. №6. С.156-166.
11. Къандым Ю. 43-нджи талебе. (Бекир Чобан-задеинь ильмий ве бедий иджадына даир базы кьайдлар) // Йылдыз. –1998. №4. С.71-82.
12. Сеитяхья Н. 20-нджи асыр шириетимизинь базы аз билинген левхалары. («Йылдыз»нынь конкурсына) // Йылдыз. – 2002. №6. С.34-36.
13. Афакь Рустамова. Бекир Чобан-заде эсерлерининь Азербайджанда нешири акькында. // Йылдыз.–2003. №2. С.49-54.
14. Урсу Д. Корюмли тюркшынас алим Бекир Чобан-заде: омюри ве фаалиети. 1999. №3. С. 127-147.
15. Чобан-заде Б. Шиирлер // Йылдыз. – 1995. №1. С.6-13.
16. Чобан-заде Б. Шиирлер // Йылдыз. – 1990. №3. С.3-10.
17. Кунештен бир парча Окрушина сонця: Антол. Кримськотатар. Поезії XII-XX ст. О-51 / Упоряд.: М. Мірошниченко, Ю. Кандим; Вступ. Ст.. М. Мірошниченка. – К.: Голов. Спеціалізм. Ред.. літ. Мовами нац.. меншин України, 2003. – 792 с. – (Джерела духовності). Кримськотатр., укр. ISBN 966-522-053-5

ЭМИРОВА А. М.
(Крым, Украина)

БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

*Geriyе bakmak hayattan kopmak deęildi.
Özellikte Kırimtatarların bugünkü durumlarında
geriyе bakmak, bir bakıma, ileriyi düşünmek
ve görmektі.*

Cengiz Daęcı

Работы Бекира Чобан-заде по тюркологии до сих пор не потеряли своей научной ценности, однако, к сожалению, бо́льшая часть из них всё ещё недоступна широкому читателю (рядовым преподавателям и студентам-филологам), так как написана на османском и азербайджанском языках латиницей и арабским письмом.

Особое место среди научных трудов учёного занимает научная грамматика крымскотатарского языка, первое издание которой вышло в свет в Симферополе в 1925 г. на османском языке (арабским шрифтом). Второе издание, «Къырымтатар ильмий сарфы», выполненное по проекту проф. Эмировой А.М. и изданное через 78 лет, наконец-то попало в руки широкого круга филологов и всех, кто интересуется проблемами крымскотатарского языка и языкознания. Эмировой А.М. выполнено общее научное редактирование, написаны предисловие, примечания и составлена библиография. Транслитерация с арабского письма на кириллицу и адаптированный перевод текста с османского на современный крымскотатарский язык квалифицированно выполнены Н. Сейтягъевым [7].

Читая сегодня научную грамматику крымскотатарского языка Б. Чобан-заде, нельзя не заметить обширных знаний ученого в области общего языкознания и тюркологии, его стремления применять достижения европейского и русского языкознания к анализу тюркских языков. Богатый фактический материал, использованный в работе, тонкий анализ языковых явлений, умение разграничивать факты синхронии и диахронии языка – несомненные достоинства труда ученого. Остается незабылемой оценка, данная в свое время Ф.Д. Ашниним: “Бекир Чобан-заде был одним из самых эрудиро-

ванных тюркологов своего времени, неизменно учитывавших достижения передового западного и русского языкознания” [1].

На сегодняшнем этапе развития крымскотатарского языка, особенно в связи с переходом крымскотатарского письма на латинскую графику, нуждаются в обсуждении и, возможно, в пересмотре некоторые теоретические и практические проблемы крымскотатарского языкознания, в частности – орфографии и орфоэпии (правильного литературного написания и произношения). В свете сказанного особенно ценными представляются размышления Бекира Чобан-заде о некоторых особенностях синтагматики фонем и фонетических законах крымскотатарского языка.

У каждого языка имеются свои законы, коррелирующие с его системой и артикуляционной базой. В современном крымскотатарском языке звуки [г], [х], [къ] квалифицируются в качестве глубокозаднеязычных звуков (см. учебные пособия по крымскотатарскому языку). При заимствовании арабских и персидских слов, в которых имеются специфические, не свойственные крымскотатарскому языку увулярные и фарингальные звуки, такие звуки или приспособлялись к артикуляционной базе крымскотатарского языка (*ahlâk, mihrap*), или полностью выкидывались (*baar, sana, aenk*). По мнению Самойловича А.Н., фарингальный звук [h] в исконно тюркских корнях встречается как исключение (*haydi* ‘прочь’) [5].

В связи с вышесказанным букву H h следует писать только в тех словах, в которых имеется заднеязычный [x]: *hasta, haber, anahtar, lohsa, baht, ahlap, şeyh*. В тех заимствованиях из арабского и персидского языков, в которых в оригинале имеются увулярные и фарингальные щелевые согласные звуки и которые не имелись и не имеются в артикуляционной базе крымскотатарского языка, букву H h вообще не писать: *meşur, baar, sana, aenk* (перс.), *aci, afta*. В тех заимствованиях, в которых указанные выше согласные звуки полностью ассимилированы крымскотатарским языком и произносятся как заднеязычные звуки, писать h: а. *ahlâk, mihrap*. Здесь уместно вспомнить правила орфографии, рекомендованные II-ой Крымской научно-орфографической конференцией (1929): заимствования из арабского и персидского языков писать так, как они произносятся.

Что касается написания крымскотатарских личных имён (антропонимов), основная масса которых является заимствованиями из арабского и персидского языков, здесь допустимы вариативные произношение и написание: *Asan – Hasan, Alime – Halime, Masude*

– *Mahsude, Zera – Zehra, Amet – Ahmet, Ahmed, Memet – Mehmet, Mehmed, Üsein – Hüsein, İbrahim – İbrahim* и др. Личные имена – это кумулятивные знаки этнической культуры, свидетельствующие о его истории, этногенезе, религии, морали и др. В то же время личное имя – это сакральный знак личности, определяющий его судьбу. И потому только сам человек (родители) имеет право решать, как писать и произносить его имя.

Проблема звукового значения буквы Н н может найти приемлемое решения в аспекте орфоэпии – правильного произношения слов и словоформ. Известно, что во многих развитых языках стандартная, общепринятая форма языка, т.н. литературный язык, представлена несколькими вариантами, называемыми функциональными стилями: высоким стилем (более рафинированный вариант) и разговорным стилем литературного языка. Например, в русском языке более высокий стиль требует произношения слова *вообще* как [ваан]ше, а разговорный вариант литературного языка допускает произношения [ван]ше. Учёные отмечали также территориальные варианты литературного языка. Так, в работе Панова М.В. [4] указаны различия между московской и ленинградской нормами, однако написание единообразно.

Интересны в свете сказанного свидетельства Бекира Чобан-заде: по его наблюдениям, в некоторых крымскотатарских говорах под влиянием произносительных норм, культивировавшихся в медресе, появились новые варианты произношения – с начальным [h] – не только в заимствованиях, но и в исконно тюркских словах. При этом новые и старые формы использовались в речи параллельно: *һэкбе – экбе, һанги – анги, һен – эн, һайды – айды* и др. По мнению турецкого языковеда Наджиша Асыма, это произошло под влиянием арабского и персидского языков. Бекир Чобан-заде считал, что звуки [‘] (хамза), [кь] и [h] очень близки по произношению [7, с. 96].

Здесь следует вспомнить, что арабские увулярные (язычковые), фарингальные и гортанные звуки, обозначаемые в арабском письме разными значками (хамза, айн, ха и др.), в крымскотатарском произношении начала 20 в. обнаруживали большое сходство между собой в связи с отсутствием в крымскотатарском языке таких звуков (следовательно, и навыков их артикуляции у носителей языка). В крымскотатарской латинице 1929 – 1938 гг. этим звукам арабского языка соответствовали две буквы – х и һ, которые при чтении текстов часто не различались: *ixtar, tarix, hem, hangi, harif* и др.

Сегодняшняя практика крымскотатарской речи показывает, что образцовая часть крымскотатарского общества пользуется вариативным произношением заимствованных слов, в составе которых имеются названные выше звуки: *em—hem, sana—sahna, ediye—hediyе*.

Отдельную проблему представляют написание и произношение фонем переднего ряда [ö], [ü]. Серебренников Б. и Гаджиева Н. считают, что в крымскотатарском языке [ö] превратилось в «сильно депалатализованное О, похожее на О [коf], а пратюркское [ü] – также в результате депалатализации превратилось «в верхнее слегка палатализованное [у] [6] *juz*]. Здесь следует иметь в виду, что указанное учебное пособие было издано в конце 70-х годов, когда крымскотатарский язык, носители которого находились в ссылке, был вычеркнут из номенклатуры языков народов СССР и потому учёными специально не изучался. Следовательно, авторы названного учебного пособия оперировали материалом довоенных территориальных говоров и наречий. Как известно, к этому времени нормы крымскотатарского литературного языка не были достаточно кодифицированы.

Как решается этот вопрос в современном крымскотатарском языкознании? По мнению проф. А. Меметова, в словах *корьмек, орюмчек, оксюрмек, огренмек* в первом слоге прежде (когда ? – А.Э.) произносили [ö], однако в современном языке произносится [о] заднего ряда [2]. Однако в переизданном в том же 2006 году орфографическом словаре крымскотатарского языка, в основу которого положен словарь А.И. Баккбал, А. Ислямова, Э.А. Къуртмоллаева и Р.М. Муллиной, изданный в Симферополе в 1939 г. и переизданный в 1941 г., проф. А. Меметов пишет, что в словах *отьмек, корьмек, орьнек, больмек, кочьмек, кузь, дюнья, учь, кучь* и подобных мягкий знак после слогов указывает на переднерядность звуков [о] и [у], т.е. на их произношение соответственно как [ö] и [ü] [3]. Как видно из сказанного, проблема написания и произношения достается нерешённой.

Думается, и в данном случае приемлемое решение вопроса может быть найдено в рамках орфоэпии: в более высоком, т.н. книжном, стиле следует произносить переднерядные [ö] и [ü], в разговорном варианте литературного языка можно допустить их произношение как звуков заднего ряда, однако писать во всех случаях следует [ö] и [ü]. Разумеется, сказанное не касается диалектного произношения и написания.

В сегодняшних условиях, который следует квалифицировать как

переходный, такой подход к решению рассмотренных проблем позволил бы избежать лишних замечаний и упреков в искажении и «отуречивании» крымскотатарского языка со стороны как не очень образованных людей, так и учёных, причисляющих себя к традиционалистам.

Как видим, монография Б. Чобан-заде и сегодня, спустя почти 90 лет после ее написания, не потеряла своей теоретической ценности. Новая крымскотатарская научная грамматика должна быть создана на базе достижений языкознания последних лет, с применением новейшего концептуально-терминологического аппарата. «Крымскотатарская научная грамматика» Бекира Чобан-заде, без сомнения, станет одним из краеугольных камней научного каркаса такой грамматики.

Использованная литература

1. Ашнин Ф.Д. Бекир Вагапович Чобан-заде / Ф.Д. Ашнин // Народы Азии и Африки. – Москва, 1967. – №1. – С. 210.
2. Меметов А. М. Земаневий кырымтатар тили / А. М. Меметов. – Симферополь, 2006. – С. 45.
3. Меметов А. М. Кырымтатар тилининъ имля лугъаты / А. М. Меметов. – Симферополь, 2006. – С. 5.
4. Панов М.В. Русская фонетика / М.В. Панов. – Москва: Просвещение, 1967 – С.294.
5. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымско-татарской грамматики. – Петроградъ, 1916. – 104 с.
6. Серебренников Б., Гаджиева Н. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б. Серебренников, Н. Гаджиева. – Баку: Маариф, 1979. – С. 19, 22.
7. Чобан-заде Бекир. Кырымтатар ильмий сарфы / Бекир Чобан-заде. – Симферополь: Доля, 2003. – 240 с.
8. Эмирова А.М. Бекир Чобан-заденинъ лисаният къаврайышы / А.М. Эмирова // Чобан-заде Бекир. Кырымтатар ильмий сарфы – Симферополь: Доля, 2003 – С. 5 – 17.

ИСТОРИЯ

АБДИРАШИДОВ Зайнабидин
(Узбекистан)

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕТЮРКСКОГО ЯЗЫКА «ТАРЖУМАН» В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ ТУРКЕСТАНА

Вопрос создания общелитературного тюркского языка или хотя бы осуществить сравнительный анализ тюркских наречий на научной основе для унификации некоторых отраслей языка была, можно сказать, целью Первого Тюркологического съезда, который проходил в Баку в 1926 году. Как известно, выдающийся ученый-тюрколог Бекир Чобан-заде был одним из инициаторов и организаторов этого съезда.

Рассматриваемый в докладе вопрос отражает тенденцию создания общелитературного тюркского языка до революции 1917 года, которым Чобан-заде занимался в 20-е годы XX века. В своих выступлениях на съезде Бекир Чобан-заде затрагивал вопросы «О близком родстве тюркских наречий» и «О системе научной терминологии». [30:96-102; 190-193] Бекир Чобан-заде говоря о родстве тюркских наречий предлагал создать общую научную терминологию, основываясь на три общие базы: 1) общетюркская словарная база; 2) общие заимствования с арабского и персидского языков; и 3) общая ориентация на Европу. Для осуществления намеченной цели Чобан-заде считал необходимым создать общетюркское научно-переводческое бюро, которое занимался бы разработкой научного языка. Кроме того, он предложил организовать научно-тюркологический комитет, который согласовывал бы работу научно-переводческих бюро на местах. [30:190-193]

Если говорит словами Вадуда Махмуда, одного из первых литературных критиков современного Узбекистана, в 20-ых годах XX века во всех регионах, где проживали тюркские народы вопрос языка был поставлен на повестку дня в новом формате, т.е. создать единый язык. При этом Вадуд Махмуд указывает на то, что вопрос о создании единого языка был поставлен еще в конце XIX века Исмаилом Гаспринским. Но, как отмечал В. Махмуд, Гаспринский не смог

поставить создание единого языка на научную основу и в итоге его инициатива была обречена на провал. Как было сказано выше, именно научная основа создаваемого единого языка в середине 20-ых годов вышла на первый план. Одним из первых людей, которые начали свою деятельность в этом деле был Бекир Чобан-заде. По словам В. Махмуда, Бекир Чобан-заде создал «Научную морфологию тюрко-татарского языка», «Введения в тюрко-татарский язык» положил первые научные основы создания единого языка для тюркских народов.[13:135-137]

Идейным основоположником единого языка вправду считается Исмаил Гаспринский. Недаром участники Первого Тюркологического съезда проголосовали проведение съезда в честь Исмаила Гаспринского.[29:6] Главной трибуной И. Гаспринского в распространении идеи о едином языке была его газета «Таржуман». Влияние этой газеты для развития мусульманских народов Российской империи была огромна.

Влияние газеты «Таржуман» в Туркестане, по определению Бехбуди, можно увидеть «в распространении тюркского языка в Туркестане с помощью вновь открытых реформированных школ под названием «усули жадид» (новый метод), в которых преподавание велось только на тюркском». [20] Кроме того, вся новая и молодая интеллигенция Туркестана опять-таки, по утверждению Бехбуди, как и он сам, изучили тюркский язык с помощью «Таржуман» и посредством этой газеты в течение четверти века полностью удовлетворяют свои «духовные потребности» и знакомятся с «современной новой литературой».[21] Бехбуди под тюркским языком подразумевал именно среднетюркский язык Гаспринского.

Гаспринский был талантливым мастером слова. Им был выработан особый стиль, отличающийся своей простотой, краткостью и ясностью. Это был тот самый язык, при помощи которого Гаспринский мечтал объединить весь тюркский мир.[1:385-408; 6:327-338] Его вера в осуществление этой мечты была непоколебима. Газета свободно читалась в Крыму, Константинополе, Ташкенте, Баку и Казани.

Гаспринский широко пропагандировал созданный им язык, если говорить словами Бальдауф «диалект примирения»[8:38], который он считал единым литературным языком для всех тюркских народностей. Это усердие Гаспринского можно характеризовать одним из главных основ его понимания «нации – миллата». По его определению, нацию составляет единство языка и религии. Если одна из этих

основ теряется, писал Гаспринский, то нация потеряет саму себя и с этого начнется ее вымирание.[19] По убеждению Гаспринского, прошлое и будущее каждой нации зависело и будет зависеть от языка и религии. Каким важным является единство религии, такую важность представляет собой и единство языка. С точки зрения литературы, единство языка неосценимо и оно является одним из основ развития. [14] Общий литературный язык имел для Гаспринского такое важное значение, что он поставил его в начале всех единств и обозначил его корнем остальных.[15]

Бехбуди одним из первых в Туркестане и вообще в Российской империи поддержал своего «духовного наставника» в пропаганде единого литературного языка. На этом поприще он даже проводил анкетирование в туркестанских городах. Для этого он сам или его помощники читали для неграмотных различные газеты и получили ответы на вопросник о языке газет из различных уголков Туркестана. В конце проведенного опроса Бехбуди пришел к выводу, что язык «Таржуман», «Мир'āt» и «Улфат» (редактором последних двух был Абдурашид Ибрагимов) более ясен и приемлем для туркестанцев. Он считал нужным всем «мусульманским редакторам в России следовать в пропаганде языка главе и отцу новой мусульманской прессы почтеннейшему Исмаил Беку, который в течение четверти века служил нации языком, письмом и сердцем». Бехбуди тоже смотрел на общий язык как на основу единства во всем российских мусульман.[41] Как видно, Бехбуди полностью поддерживал Гаспринского в определении общетюркского языка и в его пропаганде, и в популяризации.

Бехбуди, продолжая свои мысли о языке, пришел к практическому выводу и обосновал свои мысли тем, что «единство языка есть основа дружбы, любви, взаимопомощи и сплочения» и привел примеры о языке из «Маснавийи Ма'навий» Мавлана Руми. По его мнению, мысли Руми прославляют действия Гаспринского в этом деле.[28]

Оппонентами единого языка Гаспринского были просветители Поволжья. Они оценили этот язык как «язык османцев». Один из видных просветителей Поволжья Гаяз Исхаки, высказывая свои мысли о языке, писал: «Литературным языком считаю наш [татарский] язык. Говорю, нужно писать на языке, на котором говорим, и буду писать на нем».[18:17] Такое мнение о языке преобладало среди мусульман Поволжья и внутренней России.

Бехбуди наравне с тюркским языком также выдвигал «средний диалект» персидского языка. Практическим доказательством этому

служит журнал «Айна», который Бехбуди издавал в 1913 – 1915 годах. Бальдауф оценивает эту инициативу Бехбуди показать себя читателям как их единомышленника и единове́рца.[7:40] Бехбуди поставил на повестку дня проблему двуязычия в Туркестане еще задолго до издания «Айна». В 1909 году в двух номерах «Таржуман» была опубликована статья Бехбуди на эту тему. В ней он старался подчеркнуть важность тюркского и персидского языков для населения Туркестана и выступил за включение персидского языка в школьное обучение наряду с тюркским. Бехбуди аргументировал свой довод тем, что городское население Туркестана в совершенстве владеет двумя языками; в некоторых местах используется смесь тюркского с персидским; заявления в местных учреждениях принимаются на тюркском; шариатские фетва¹ издаются на персидском и регистрируются на тюркском, и такой порядок действует по всему Туркестану. В конце своей статьи Бехбуди строго рекомендует обучение в туркестанских школах как на тюркском, так и на персидском языках.[20; 21]

Соратник Бехбуди Хаджи Муин был совершенно иного мнения в вопросе использования единого языка. Он выступает за чистку туркестанского диалекта от непонятных общей массе людей слов и употребление его в качестве литературного языка.[40] Хаджи Муин к тому же в отличие от Бехбуди выдвигает идею единого чистого языка вместо двух. Бальдауф видит эту идею Муина на практике, когда он был временным редактором «Айна» вместо уехавшего в путешествие Бехбуди. Хаджи Муин за короткий промежуток времени превратил двуязычную «Айна» в чисто тюркский журнал.[7:44]

Джадиды Туркестана, почти не знавшие Гаспринского самолично, питались его идеями через его труды и полностью осознали суть и смысл этих идей.[5] Они извлекли из этих мыслей, как утверждает Мирмухсин Шермухаммадов, идеи патриотизма, любовь к нации, достижение развития и прогресса нации.[44] Другой представитель джадидов Туркестана Ашурали Захири глубоко проанализировал «Русское мусульманство» Гаспринского и подробно объяснил его суть читателям своей газеты «Садāйи Фаргāна». Как он писал, основным выводом «Русского мусульманства» является овладение наукой и прогрессивными мыслями Европы посредством национальных школ и родного языка; основание новой литературы Рос-

---

¹ Фетва – решение по какому-либо юридическому вопросу, вынесенное духовным лицом на основании догматов религии и шариата, или постановление, устанавливавшее допустимость того или иного действия с точки зрения шариата.

сийских мусульман.[5] Вышеприведенные факты показывают, насколько глубоко проникли идеи Гаспринского в Туркестан и нашли полную поддержку в лице джадидов края.

Еще одним доказательством вышеизложенного является формирование и становление одного из столпов новой узбекской литературы – Чулпана. Он в раннем возрасте хорошо освоил «общий язык» Гаспринского. Гаспринский высоко оценил эту черту Чулпана и ставил его даже выше себя в изложении мысли в «общем языке».[4] Это говорит о том, насколько широкой и сильной была склонность к освоению общего литературного языка Гаспринского в Туркестане. Ответ Гаспринского письму Чулпана стал краеугольным камнем дальнейшего его творчества. Его мысли о том, что «пока литература жива, нация будет жить; нация, у которой нет литературы или не стремящейся развивать ее и воспитывать литераторов, в конце концов будет лишена чувства, размышления, мысли и постепенно прекратит свое существование»[42:35-37], можно считать плодами полученного «урока» от Гаспринского. Чулпан, развивая мысли Гаспринского о литературе, приходит к выводу, что литература – движущая сила прогресса нации и обеспечивает ее духовность. Появление в туркестанской прессе начала XX века общих мнений о важности литературы и языка для нации[42:6-7] можно рассматривать как одно из явлений интеграции туркестанцев к процессам времени.

Влияние и значение «Таржуман» на Чулпана можно увидеть и услышать из уст его литературного героя в романе «Кеча ва кундуз» (День и ночь): «Таржуман» – газета отца всех джадидских газет деда Исмаила. Самая старая газета. Говорит: «Единство в языке, деле, мыслях», т.е. говорит, что мы, мусульмане, тюркские народы должны быть едины в мыслях, делать одно дело. Что есть лучше этого?». Как писал Чулпан, человек, присоединившийся к этим делам, становился джадидом.[43:183]

Интересен ответ Гаспринского на статью неизвестного автора в «Туркестанских Ведомостях» о литературе местного народа. Анонимный автор, рассуждая о литературе и языке сартов, дает следующее негативное заключение: «Переводить различную литературу, издавать научные брошюры на сартском языке не нужно, тем более, оно вредно. Сартовский язык очень прост, не располагает различными терминами и поэтому не пригоден для переводов научной и художественной литературы».[34] Гаспринский для информации анонимному автору сообщает, что сартовский язык, о котором он рассу-

ждал, является местным диалектом чагатайского тюркского языка. Гаспринский опровергает теорию непригодности сартского языка, приводит в примеры наследие Алишера Навои, Бабура и других туркестанских литераторов. По его мнению, «сартровский язык, несмотря на нераспространенность в отличие от других языков передовых народов, предостаточно пригоден для литературы разного рода, предназначенной для местного населения. Ярким примером для этого служит издаваемая в Ташкенте уже 30 лет официальная туземная газета».[3] Газета Остроумова также не осталась вне поля зрения «Таржуман». Газета перепечатала статью из Казанского «Йилдиз»а, в которой говорилось: «Цель «Туркистан Вилайатининг Газети» не допустить сближения туркестанских и российских мусульман мыслями и литературой. Она старается разрушить всякие связи и даже защищает консерватизм. Листок Остроумова не может препятствовать единению наших языков».[10] Как известно, Остроумов критиковал предлагаемый Гаспринским единый литературный язык. Он не скрывал своей возмущенности по поводу применения местными авторами языка «Таржуман» и неоднократно подчеркивал, что это только вредит местным языкам.[11]

Государственная Дума в начале 1911 года принимает постановление о языках преподавания в русско-туземных школах. Согласно этому постановлению, «в туркестанских русско-туземных школах из-за отсутствия местного литературного языка уроки должны преподаваться полностью на русском языке». Такому положению школьного дела выделялись первые полосы многих мусульманских газет, в том числе «Таржуман». Гаспринский, критикуя данное постановление, старался доказать, что чагатайский язык, распространенный и используемый в Туркестане, является самым древним литературным языком тюркских народов. Он писал, что «как может не иметь языка и литературы народ, давший миру десятки ученых в самых разных направлениях». Гаспринский, привел в пример труд Алишера Навои «Муҳакамату л-луғатайн»², в котором доказано, что тюркский язык как литературный ни чем не уступает персидскому. Гаспринский обвиняет также самих туркестанцев в том, что такой исход дела возник из-за их бездействия, что они не торопятся защищать свои интересы.[41]

Один из первенцов туркестанской прессы была газета «Хуршид» (Солнце), основанная Мунавваркары Абдурашидхановым.

---

2 Гаспринский издал это произведение Навои в 1902 году под названием «Мукаламаи луғатайн». Мир 'Алишер Навоӣ. Мукаламаи луғатайн. Нашри Исм'ил Гаспринский. – Бағчасарӣ: Матба'аи Таржуман, 1902.

Гаспринский считал «Хуршид» «чисто национальной» газетой и гордился её «языком», который отличался от языка «Туркистан Вилайатининг Газети». По утверждению Заки Валиди, Остроумов в своей газете («Туркистан Вилайатининг Газети») создавал язык, которым хотел разделить «сартский язык» от татарского и казахского языков.[37:503]

Гаспринский жестко критиковал «язык» новых татарских газет, обвиняя их в распространении разговорного языка вместо литературного. Туркестанские последователи Гаспринского полностью поддерживали его в языковой политике.[8; 22; 28; 24; 12; 16] Для наглядности «языка» туркестанских газет Гаспринский перепечатал главную статью с первого номера «Хуршида»а.[35; 25]

Махмудходжа Бехбуди, по словам Зия Саида, с изданием «Айна» проявил себя истинным сторонником теории Гаспринского о «единстве языка» на деле.[31:53] Основатель «единого языка» для тюркоязычных народов Гаспринский считал язык «Самарқанд»а и «Айна» легко понимаемым местным диалектом.[33; 26]

Еще две газеты-близнецы, которые очаровали Гаспринского своим языком, появились на свет в апреле 1914 года.[32; 17; 15] Это «Садāи Туркистан» и «Садāи Фарғана». «Садāи Туркистан», изданная в Ташкенте, стала оплотом ташкентских прогрессистов. Газета объявила себя переводчиком «голоса матери – Туркестана», которая была созвучна и очень схожая с основной целью «Таржумāн». «Садāи Туркистан» с самого начала известила своих читателей о том, что «слова Родины будем передавать детям тюрков на тюркском языке» и этим подтвердила своё следование по пути Гаспринского. [38] Программа и язык «Садāи Туркистан» полностью совпадали с идейными соображениями Гаспринского.

Четыре газеты, изданные в промежутке 1906 – 1908 годов, за короткое время успели показать джадидов Туркестана как силу, идущую по пути национального и религиозного самосознания. При этом они питались идеями «Таржумāн» о единстве языка, реформы образовательных учреждений и другими её инициативами. [36; 31:36-37] «Таржумāн» в свою очередь поддерживал туркестанские газеты, которые служили, по его мнению, прогрессу и защищал молодых редакторов, особенно от Остроумова, который притеснял и обвинял их в искажении «сартского языка», употребляемого туркестанцами. И. Гаспринский обвиняет самого Н. Остроумова в некомпетентности и в неуважении личности.[23; 35; 2; 9]

Для туркестанских джадидов Гаспринский был ярким символом нового мусульманского лидера. Большинство его идейных концепций реформирования мусульманского общества, культурного и политического объединения тюркских народов, связанных общим языком и родственными историческими судьбами, сильно повлияли на мировоззрение туркестанских джадидов.

Литература

1. Akpınar Yavuz. Gaspıralı'nın Türk Diline Bakışı // Türk Dünyası Dil ve Edebiyat Dergisi, Sayı:12/1, 2001.
2. Āсийā газетаси // Таржумāн. 1908. №30
3. Адабийāти сартия // Таржумāн. 1900. №48.
4. Андижандан блан савāла жавāб // Таржумāн. 1913. №261.
5. А.З. Мархум Исма'илбек қандай ишлар қилган эди? // Садāйи Фарғāна. 1914. 17 сентябрь.
6. Bozkurt Giray Saynur. İsmail Gaspıralı ve Dil Reformu. Kıımlı Hakan (ed.). İsmail Bey Gaspıralı İçin. – Ankara. 2004.
7. Балдауф Ингеборг. XX аср ўзбек адабиётига чизгилар. – Тошкент: Маънавият, 2001.
8. Бизим матбу'ати туркийя // Таржумāн. 1906. №1
9. Бизим матбу'ат // Таржумāн. 1908. №72.
10. Бизим матбу'ат. Йилдиз // Таржумāн. 1909. №34.
11. Бизим матбу'ат. Туркистан газети // Таржумāн. 1908. №72.
12. Вақт газетасиндан // Таржумāн. 1907. №32
13. Вадуд Махмуд. Танланган асарлар. – Тошкент: Маънавият, 2007.
14. Дил, дил, дил // Таржумāн. 1905. №103.
15. Исма'ил. 'Умумий лисāни адаб // Таржумāн. 1906. №37.
16. Исма'ил. Муҳтарам қариларимиза // Таржумāн. 1907. №86.
17. Исма'ил. Хушбахт эгизлар // Таржумāн. 1914. №88.
18. Исхакый Гаяз. Әсәрләр. Ун биш томда. 6. Публицистика һәм әдби тәнқийть мәкалэләрә (1902 – 1914). – Казан: Таратристан китап нәшрияты, 2005.
19. Лисāн мас'аласи // Таржумāн. 1905. №90.
20. Махмудхөжа бин Бөхбүдхөжа. Туркистанда мактаб лисāни // Таржумāн. 1909. №14.
21. Махмудхөжа бин Бөхбүдхөжа. Туркистанда мактаб лисāни // Таржумāн. 1909. №21.
22. Махмудхөжа. Ҳақиқат ҳар тарафдан зухур эдар // Таржумāн. 1906. №47

23. Мизан (адабий, маиший ва танкидий баҳслар) // Таржуман. 1906. №117
24. Мизан (адабий, маиший ва танкидий баҳслар) // Таржуман. 1907. №14
25. Миллий матбу‘ат ҳали // Таржуман. 1907. №48.
26. Миллий матбу‘ат. Айина журнали // Таржуман. 1913. №190
27. Миллий матбу‘ат. Лисан намунаси // Таржуман. 1914. №99
28. Муҳаммадбақҳўжа Саййидхўдихўжа муфти ёғли. Ваҳдати лисан – дил бирлиги // Таржуман. 1906. №61
29. Nərimanoğlu, Kamil Vəli; Ağakışiyev, Ə; Abdullayeva, S. Latin əsaslı yeni türk əlifbası və I Bakı türkojü qurultayı. Bibliografiya. – Bakı, 2006.
30. 1-й Всесоюзный Тюркологический Съезд. Стенографический отчет. – Баку, 1926.
31. Са‘ид Зийа. Ўзбек вақтли матбу‘ати тарихига материаллар. 1870 – 1917. – Ташкент-Самарқанд: Ўзбекистон Давлат нашрийати, 1927.
32. Садан Туркистан // Таржуман. 1914. №81.
33. Самарқанд ғазетаси // Таржуман. 1913. №212
34. Туркестанския Ведомости. 1900. №98.
35. [Ташканда...] // Таржуман. 1906. №107
36. [Ташканда...] // Таржуман. 1908. №15
37. Togan A. Zeki Velidi. Bugünkü türkilî (Türkistan) ve yakın tarihi. Cilt I. – Istanbul, 1942 – 1947.
38. ‘Убайдуллаҳ. Мақсад ва маслак // Садан Туркистан. 1914. №1.
39. Ҳажжи Му‘ин ибн Шукруллаҳ. Тил бирлашдурмақ ҳаққинда // Айина. 1914. №11.
40. Ҳақиқат ҳар тарафдан зухур эдар // Таржуман. 1906. №48. Эта статья Бехбуди была перепечатана из газеты «Улфат» (Петербург) от №20 1906 года.
41. Чиғатай дили // Таржуман. 1911. №10.
42. Чўлпон. Адабиёт надир? // Садан Фарғана. 1914. 4 июнь. Современное издание: Чўлпон. Адабиёт надир? (Адабий-танкидий мақолалар, Чўлпон ҳақида хотиралар.) / Тўпловчи ва изоҳ муаллифлари Д. Қуронов, З. Эшонова, У. Султонов. – Тошкент: Чўлпон, 1994.
43. Чўлпон. Кеча ва кундуз. Биринчи китоб. Кеча. – Тошкент: Шарк, 2000.
44. Шермухаммадов Мирмуҳсин. Инна лиллаҳи ва инна илайҳи ражи‘ун // Туркистан Вилайатининг Газети. 1914. №75.

КАРАСУБАЗАРСКИЙ КАРАВАН-САРАЙ «ТАШ-ХАН»

Крым испокон веков являлся настолько уникальным местом, что масштабы этой уникальности сейчас очень трудно представить, оценить и осознать. Тут сохранилось историческое, культурное и археологическое наследие различных культур. В то же время многое в Крыму с течением времени изменилось кардинальным образом. Читая описания Крыма путешественниками и историками, изучая исследования ученых (этнографов, краеведов, историков, археологов и т. д.), каждый человек открывает для себя что-то новое, во что он раньше с трудом мог поверить.

Открытия в архитектуре редки, как и в любой области. Удачная находка заимствуется при сооружении других построек, подтверждает рационализм в использовании и эстетическое совершенство в художественной культуре. Автор книги «Памятники крымскотатарской архитектуры» Ефим Крикун пишет следующее [10, с. 5]: “Сооружения почтенного возраста, становясь памятником архитектуры, привлекают особое внимание прошлым, и чем оно глубже, тем выше «рейтинг старцев», тем сложнее, драматичнее их судьбы, притягательнее их детали, где каждый камень, изъятый жестоким временем (с людской помощью), глядит сквозь дымку столетий, как больной «меньший брат» или инопланетянин, посылая сигналы, коих мы не понимаем.”

Впечатляет своим колоритом Карасубазар с его наследием крымскотатарской культуры. В Крымском ханстве Карасубазар стал экономическим центром полуострова. Сюда стекались многие торговые караваны, свозившие товар со всего света. Через Карасубазар проходила дорога Великого Шелкового Пути. Центром торговли в городе были «ханы» – караван-сарай. Это были постоянные дворы для того, чтобы купцам было где останавливаться и хранить свой товар. До нашего времени в центре Карасубазара сохранились развалины караван-сарая Таш-Хан (ворота и часть прилегающей к ним стены) – на ул. Луначарского. В древности мощные стены с бойницами окружали просторный двор, внутри которого останавливались путники, торговцы, находились красивейшие сооружения.

Слово «караван-сарай», неразрывно связанное с нашими представлениями и литературой о Востоке, является одной из наиболее

лее сложных архитектурных и географических реальностей [14]. Караван-сарай (перс. کاروانسرا [kārwānsarā], а также «хан» (от перс. خان хān, откуда и осман. خان [han], араб. فندق [funduq] и «fundaco» в Венеции) — большое общественное строение на Ближнем и Среднем Востоке и в Средней Азии, в городах, на дорогах и в населенных местах, служащее кровом и стоянкой для путешественников, как правило — для торговых караванов [15].

Караван-сарай бывает двух видов: открытый и закрытый. Закрытый вид в основном строился вдоль караванных путей, хотя часто такой вид строился и в городах. Стены давали возможность отбить нападение и выдержать недолгую осаду. Караван-сарай имеет квадратное или прямоугольное построение в основном с открытым двором и колодцем посередине двора. Внутри находились комнаты для проживания и складские помещения для товара. В обязательном порядке присутствовал загон для вьючных животных. Встречались одно- и двухэтажные караван-сарайи. В двухэтажных караван-сараях на втором этаже располагались жилые помещения, а на первом склады и загоны для животных.

Принимая во внимание разнообразность функционального назначения караван-сарая (в городе — место хранения и распределения товаров, а также пристанище для торговцев и путешественников; вне городов — постоянный двор для короткого привала караванов, людей, товаров и животных), его многочисленные лексикографические варианты (кхан, хан, касария, фундук, викаля, рабат), его заимствование и использование различными цивилизациями, представляется абсолютно необходимым проведение многодисциплинарного исследования общего наследия, широко распространенного от Европы до Китая, от Магриба до индийского субконтинента и представленного как в городах, так и в пустынных и горных районах. В наше время караван-сарай, как и в прошлом, могли бы вновь играть важную роль в развитии торговли в качестве поливалентной структуры общения людей и средства передачи знаний. Эти места обмена интеллектуальными и материальными ценностями являются символами и свидетельствами истории и культурного разнообразия Шелкового Пути. Их архитектура свидетельствует о сферах влияния цивилизаций, при которых они были созданы и распространились на огромные территории [14].

Необходимость создания таких сооружений вдоль древних путей обменов между Востоком и Западом (а также между Севером

и Югом) объясняет их большое количество и качество архитектурных решений. Именно поэтому они составляют сегодня весьма важную часть наследия, общего для большинства стран, через которые проходили торговые пути, разделяющие пейзаж на расстоянии однодневного перехода каравана. Их внутренняя структура наглядно отражает традиционную социально-экономическую систему исторических центров поселений, развитию которых способствовала караванная торговля вдоль Шелковых Путей.

Исторические источники сообщают о перевозках товаров на верблюдах или мулах, для которых было достаточно самых простых дорог. Наземная перевозка грузов в исламском мире осуществлялась в основном вьючными караванами, а не колесным транспортом [14]. Применение верблюдов вытеснило использование колеса еще в доисламскую эпоху и само по себе это не являлось признаком регресса, поскольку давало экономические преимущества от использования этого вьючного животного как вида транспорта. Вместе с тем колесные повозки исчезли не везде – они продолжали применяться там, где позволяли природные условия и климат.

На наиболее оживленных торговых путях, особенно рядом с большими городами, для защиты купцов и их товаров были построены караван-сарай, известные в Сирии как ханы, в Египте как викалы и в Магрибе как фундуки. В городах Магриба для хранения особо ценных товаров служили кайсарии. Много подобных зданий было выстроено правителями и знатными гражданами, и доходы, которые они приносили, откладывались как вакф, или благочестивые пожертвования для поддержания религиозных учреждений (мечетей, медресе или завийя).

Окруженный деревьями почтенный «каменный гость» из далекого прошлого Карасубаза «Таш-Хан» представляет собой трапециевидные фрагменты стены, прочно сложенной из груботесаного камня и внизу прорезанной циркульной, глубоко просевшей в грунт аркой ворот [10, с. 16]. Утопленный архивольт арки сложен из мелкоштучных клинчатых камней гладкой тески. В уровне второго этажа над воротами чернеет небольшое зарешеченное окно, вероятно, освещавшее помещение охраны, правее – уступчатая седловина разрушенной кладки, а у правого края «трапеции» зияет узкая амбразура крепостного вида. С тыльной стороны к древней стене примыкают заложенные современной консервационной кладкой три каменных сводчатых помещения под слоем грунта с травянистым покровом.

вом; видны также остатки помещения (тоже заложенного) на втором ярусе [10, с. 17]. Это всё, что осталось ныне от караван-сарая для осмотра.

Начало строительства «Таш-Хана» относится к XV веку. Достроенный в 1655 г. по велению и, возможно, на средства, великого визиря Сефер Гази-ага из рода Ширинов «Большой Таш-Хан» размерами и видом походил на крепость. Периметр его каменных стен, по свидетельству турецкого путешественника Эвлии Челеби, не раз посещавшего Крым в середине XVII в., составлял около 400 больших шагов. Стало быть, площадь хана достигала 10000 квадратных метров (т. е. в 4 раза больше караван-сарая Эски Кырыма). Внутри этого красивого и мощного укрепления с бойницами, двумя железными воротами и четырьмя угловыми сторожевыми вышками, которые в опасные моменты могли быть в оборонительные башни, имелись расположенные на двух этажах 120 комнат для приезжих, колодезь с питьевой водой, склады и красивая мечеть без минарета. Рва всё же вокруг хана не было, возможно, потому что мешала плотная городская застройка.

Недалеко от Большого хана, где ютились крымчаки, стоял «Малый Таш-Хан» Ширин-бея, построенный по плану визирского рынка, но значительно меньших размеров.

В ханах сосредотачивалась вся торговая жизнь. Здесь торговали хлебом, вином, оружием, богатой одеждой, коврами, тканями, посудой, но больше всего продуктами животноводства. Товары привозились и развозились многочисленными караванами [10, с. 17]. Город разросся благодаря торговле так, что к концу XVI в. по количеству населения превосходил все города полуострова. В административном подчинении он находился под управлением калги-султана, второго после хана лица – его старшего брата или другого ближайшего родственника. В Карасубазаре частично разгружались также транзитные товары, прибывшие по «Великому Шёлковому Пути».

Во времена ханства в Карасубазаре существовало одиннадцать постоянных дворов-ханов. Вот что пишет **Эвлия Челеби**, посетивший Карасубазар в середине XVII в.: «Всего имеется восемь больших постоянных дворов для купцов. Лучший из них — постоянный двор великого *везира* Сефер Гази-аки, расположенный на рынке, в центре города. Он — как будто крепость города Карасу. Потому что в этом городе крепости нет. По окружности это огромное представление составляет четыреста шагов [18, с. 148]. Это красивая

крепость, сложенная из камня, по-шахдадовски мощная и крепкая. Здесь есть двое железных ворот. Внутри имеется источник живой воды. Комнат внешних и внутренних в двух этажах насчитывается сто двадцать. Со всех четырёх сторон имеются бойницы, а на четырёх углах — большие башни, подобные караульным башням. В случае осады этот большой постоянный двор может оказаться прочнее крепости. Однако вокруг него нет рва, потому что он был построен в узком месте города, посреди рынка. Если бы у этого постоянного двора, подобного крепости, был ров, то это была бы мощная твердыня и крепкая преграда, подобная валу Искандера.

В этом постоялом дворе есть благоустроенная двухэтажная обитель без минарета [18, с. 148]. У дверей стражники ведут наблюдение за проходящими и уходящими, простого человека они в этот постоянный двор не допускают. Под сводом ворот они спрашивают о его положении, и если это купец, или если выясняется, что у него мирные и добрые намерения в этом постоялом дворе, тогда пропускают. Вот так там несут стражу и охраняют часовые. Потому что в этом постоялом дворе проживают сказочно богатые купцы из всех семи климатов. А над новыми железными воротами написан следующий *тарих*:

Мудрый, как Асаф, Сефер Гази-ага

Построил этот постоянный двор по законам геометрии.

Увидев завершение постройки этого постоянного двора.

Сказал Фетхи: пусть будет *тарихом* “Построил *ага*”.

Год 1065 (1655 г.)

Недалеко от этого постоянного двора, в рядах сапожников, есть по-стоялый двор Ширин-бея, построенный как будто по чертежу постоянного двора Сефер Гази-аги, но маленький. Кроме этих двух, здесь больше нет постоянных дворов с железными воротами, подобных крепостям. Но и прочие постоянные дворы благоустроены» [18, с. 149].

Турецкий исследователь **Зейнеп Озьдем** в своей статье “Крымский город Карасубазар с жителями, местами и учреждениями” (кон. 17в. – сер. 18 в.) отмечает, что в Карасубазаре наряду с маленькими лавками имелись ханы (постоялые дворы), караван-сарай: Чорум, Шор и Хаджи Буньяд, Ширин Бей Хан, Ахмед Ага Хан, Чакмак Аталык Хан, Тимас Мырза Хан и Хаджи Осман Хан [19, с.87]. Эти ханы (постоялые дворы) украшали центральную часть города. В те времена (XVII-XVIII вв.) здесь находились рынки-безестаны. Возле рынка

“Шор Базары” располагался Бошнак хан, построенный в 1697-98 гг. Босналы Хаджи Мехмед Агой [19, с. 73]. Еще один постоянный двор на маалле Шор – хан Накиб Эмир Али Эфенди. Кучюк хан относился к маалле Чорум, а Фейзуллах хан – к маалле Хаджи Буньяд. Хан Сефер Гази Ага («Таш-Хан»), построенный на ровном месте в центре чаршы (рынка) в 17 в., имевший вид городской крепости и символизировавший силуэт Карасубазара, являлся местом торговли армян и иранцев (аджам).

На сегодняшний день в Карасубазаре сохранились лишь развалины караван-сарая «Верхний Таш-Хан», вот как его описывает русский (советский) археолог **Засыпкин Борис Николаевич**, занимавшийся архитектурой Среднего Востока в 20-30-х гг. XX в.: «В искусстве Востока, в древнейших его традициях, мы находим ряд специфических зданий, возникших от условий кочевнической жизни, местных природных условий и от бытовой обстановки. К таким произведениям нужно отнести караван-сарай, сооружения, обслуживавшие великие исторические торговые пути, соединявшие в свое время Индию, Среднюю Азию, Дальний Восток с культурными центрами Европы [11, с. 227].

Через Крым в татарскую эпоху проходили караванные пути в Золотую Орду и в Среднюю Азию. «Караваны из Ховарезмы и Хивы» ходили в Крым (г. Солхат) без малейшей опасности, употребляя три месяца на совершение этого пути. Одним из промежуточных центров и большим торговым пунктом является Карасубазар, где мы и находим значительные остатки двух караван-сараяев. Один из них, именуемый «Верхний Таш-Хан», построен в 1654 г., как гласит о том надпись над входными воротами. В настоящее время от здания сохранилась западная его часть, по которой караван-сарай реконструируется в следующем виде [11, с. 227]. План его представлял прямоугольник, окруженный со всех сторон улицами; вообще же караван-сарай ставились на площадях городов или в открытых местностях. По-видимому, с одной стороны — западной — был въезд, представляющий массивную арку, обработанную большими блоками. Над аркой, на высоте второго этажа, прямоугольное окно с железной решеткой. Два боковых камня и перемычечный украшены розетками с лепестковым орнаментом. Мотив круга-розетки был представлен в виде пышной «столепестковой» розы, символизирующей «из единства – множество»: Единый Бог, творящий множество, природу; или выражаясь более внятным современнику языком науки, «мир из точ-

ки путем взрыва» [16, с. 32]. Над входом следы поздней штукатурки с живописью, которая в настоящее время почти смыта и по следам которой можно еще разобрать рисунок борьбы льва с собаками, служивший, очевидно, эмблемой борьбы татар с врагами. В остальном внешний вид представлял гладкую стену хорошей кладки из неправильных камней, высотой в два этажа. Нижняя часть стены была глухая, верхняя имела бойницы, обработанные тесаным камнем. Толщина стены во втором этаже достигает 1,50 м. Внутри караван-сарай имел обширный двор, кругом которого располагались в два этажа сводчатые помещения; нижние из них предназначались для животных, верхние — для жилья. Стены и своды выложены из массивного камня с деревянными связями. Общий вид сооружения представлялся монументальным, а наружный вид гладкого массива с небольшими бойницами и единственными воротами производил впечатление крепости. В настоящее время уцелело очень мало, но по аналогии с другим караван-сараем в Карасубазаре, по углам, вероятно, имелись сторожевые башни, так как везде и всегда караван-сарай были убежищем, где искали защиты мирные торговые караваны от нападения разбойников и врагов» [11, с. 228].

В середине 20-х годов XX века проявился интерес к изучению исторического наследия Карасубазара. Согласно машинописной работе У.А. Боданинского «Карасубазарская старина», до 1925 года памятники города и района находились вне всякой охраны [17].

С 12 по 16 августа в рамках командировки Б.Н. Засыпкина в Крым состоялась инспекция памятников Карасубазара комиссией в составе Б.Н. Засыпкина, У.А. Боданинского и уполномоченного КрымОХРИСа (Комитет по делам музеев и охраны памятников искусств, старины, народного быта и природы) по Карасубазару и району А.Г. Шейх-Заде. В составленном 12 августа акте об осмотре памятников были зафиксированы 18 памятников города, подлежащих учету и охране [17]. В последующие дни проводился детальный их осмотр, по результатам которого составлен специальный акт. Особое внимание в документе уделено караван-сараям – «Верхний Таш-Хан» и «Нижний Таш-Хан». Для сохранения облика здания «Верхнего Таш-Хана» предполагалось: снаружи перед воротами разобрать развалины; ликвидировать конюшню под въездной аркой и разобрать старое заграждение; в ворота предлагалось вставить железные решетчатые двери; верх всех стен необходимо было выровнять каменной кладкой и покрыть слоем известки с примесью толченого кирпича; кры-

ши должны были быть очищены от зарослей и покрыты раствором, скаты на них выровнены.

Нижний караван-сарай эксплуатировался по договору аренды, поэтому находился в более удовлетворительном состоянии. Комиссия в связи с этим советовала лишь капитально отремонтировать черепичные крыши и охранять деревянные террасы и ограждения от расхищения[17].

Организатор работы по изучению и охране памятников истории и культуры крымских татар **Усеин Боданинский** (1877-1938) занимал видное место в центре организационной работы по спасению от разрушения, изучению и реставрации крымских памятников. Благодаря деятельности энтузиаста-краеведа многие тюркские памятники и музейные коллекции Крыма дожили до наших дней. Усеин Боданинский описывает состояние памятников Карасубазара и перечень необходимых реставрационных работ по их восстановлению следующим образом:

I. Караван-сарай «Верхний Таш-Хан» (1654 г.)

От древнего сооружения сохранилась часть западной стороны с въездными воротами-аркой, украшенной орнаментацией и надписями на камнях. Здесь же сохранились куски штукатурки с остатками живописи. Свод, перекрывающий ворота, цел; под ним в настоящее время устроена конюшня. К югу от ворот сохранилась стена на высоту двух саженей и каменные своды, перекрывающие помещения первого этажа. На наружной стене со стороны двора сохранились следы сводов, перекрывающие помещения 2-го этажа. В настоящее время остатки Караван-Сарая находятся в полуразрушенном состоянии и используются под конюшни, кузницу и проч. [12].

Так как здание находится в аренде, то полагаем необходимым предложить местному хозяйству под наблюдением КрымОХРИСа (Комитет по делам музеев и охраны памятников искусств, старины, народного быта и природы) произвести нижеследующие меры по поддержанию памятника в целостности:

1. Снаружи перед воротами сломать развалины лавок, служащих в настоящее время местом загрязнения, и спланировать землю около западной стены «Таш-Хана».

2. Уничтожить конюшню под въездной аркой и разобрать безобразное заграждение из старого железа и другого хлама. В ворота сделать железные решетчатые двери.

3. Верх всех стен выровнять каменной кладкой и покрыть слоем в 3 сантиметра известкой с примесью толченого кирпича.

4. Крыши очистить от зарослей, выровнять скаты и покрыть тем же раствором.

5. Расшить известковым раствором все швы каменной кладки со двора.

II. Караван-сарай «Нижний Таш-Хан»

Сооружение сохранило каменные стены с трех сторон, помещения сводчатые в 2 этажа и 2-этажную галерею деревянную кругом всего двора. С северной стороны сохранились капитальной каменной кладки заложённые ворота [12]. Около углов имеются в двух этажах прямоугольные окна, обработанные крупными камнями с железными решетками. Здание имеет по своей целости и композиции плана, а также по приемам каменной кладки и обработки несомненный научный интерес и подлежит охране.

Здание сдаётся местным хозяйством в аренду гр. Мимишеву, поэтому считаем необходимым обратить внимание местного хозяйства на неотложность следующих мер:

- 1) капитальный ремонт черепичных крыш;
- 2) охрану деревянных террас и ограждений от расхищения.

Помимо этих двух ханов У. Боданинский также даёт сведения о других постоянных дворах города:

Самси-хан. Торговые ряды с каменной аркатурой на столбах [12].

Постоялый двор и кофейня «Секекчи» по ул. Арабаджилар-Ичи (ныне Фонтанная ул.) [12].

Постоялый двор, кофейня и лавочки б. Карасу-Баши-Джаны-Бек по Фонтанной ул. [12].

Постоялый двор и кофейня Ахмед Эфенди и «Арабаджилар-Ичи» (ныне Фонтанная улица) [12].

Кофейня и постоялый двор на углу Феодосийской, Фонтанной и Луначарской улиц [12].

Кофейня и постоялый двор «Сырлы-Каве» по Речной ул., принадлежал вакфу крымчаков, построено в 1776-х годах [12].

Джеял-хан. Торговые ряды с колоннадой на ул. Луначарского фотография которого дошла до наших дней [3, с.5].

Как видим, в Карасубазаре остался единственный памятник историко-архитектурного значения крымских татар (охраняемый законом). Время и войны изменили первоначальный облик «Таш-Хана». Он не раз подвергался разорению Запорожскими казаками (1624, 1628, 1630, 1675). В 1736 году после сожжения тогдашней столицы Крыма Бахчисарая российскими войсками во главе с Минихом

Карасубазар стал резиденцией хана Фетиха II Герая, однако уже через год город был сожжён армией генерала Дугласа. Значительные разрушения «Таш-Хана» также были причинены армией А. В. Суворова. Во время Великой Отечественной Войны сохранившаяся западная часть стены после бомбежек превратилась в развалины, которые сейчас можно увидеть в центре Карасубазара. Сохранившийся «Таш-Хан» пережил целенаправленное разрушение советской властью крымскотатарской культуры. За эти 70 лет Карасубазар изменился настолько, что трудно представить было величие города. Комплексные археологические раскопки на территории «Таш-Хана» не проводились. О реальных масштабах некогда бывшего каравансарая мы можем судить по фрагменту развалин западной стены. Фундамент, первый этаж и подвальные помещения каравансарая очевидно сохранились на глубине 1,5 – 2 м. Необходимо провести археологические раскопки на территории парка, привлечь специалистов, исследовать. Конечным результатом данных работ должна стать полная реконструкция «Таш-Хана».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аблемитова Э., Билялов Ш. Чал сельбилер талдасында эски ве яньы Къарасувбазар. – [Электронный ресурс]: <http://www.yapidunya.org>.
2. Аджиредин П. «Къарасувнынъ дёрт кошеси»ни доланайыкъ! // Къырым. – 2005. – № 49. – С. 4.
3. Аджиредин П. Улу-Ханий, Аджи-Осман, Аджи-Бейлер къайсы ерде экен? Къарасувнынъ дёрт кошесини доланайыкъ // Къырым. – 2007. – № 25. – С. 5.
4. Акчурина-Муфтиева Н. Терминологический словарь крымскотатарского декоративно-прикладного искусства. – Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз». – 2007. – 120 с.
5. Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. – Симферополь. – 1930.
6. Боданинский У. А. Карасубазарская старина // Красный Крым. – 1926. – № 202. – 3 сентября.
7. Засыпкин Б. Н. Обследование памятников архитектуры Крыма // Новый Восток. – М. – 1927. – № 18.
8. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. – 1927. – № 2 (4).
9. Засыпкин Б. Н. Состояние татарских памятников в Крыму // Бюллетень конференции археологов СССР в Керчи. – 1926. – № 3.

10. Крикун Е. В. Памятники крымскотатарской архитектуры. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство. – 1998. – 112 с.

11. Кримські татари: Хрестоматія з етнічної історії та традиційної культури. / Авт. – упор. М. А. Араджионі, А. Г. Герцен. – Симферополь: видавництво «ДОЛЯ». – 2005. – 576 с.

12. Мусаева У. К. У. А. Боданинский – организатор работы по изучению и охране памятников истории и культуры крымских татар // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 20. – [Электронный ресурс]: <http://old.commonuments.crimea-portal.gov.ua>.

13. Палас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг. // РАН; Отв. Ред. Б. В. Левшин, сост. А. К. Ткачева. – Москва: «Наука». – 1999. – С. 111.

14. Перечень караван-сараяв в Центральной Азии. ЮНЕСКО. Архитектурная школа Париж Валь-де-Сен. Исследовательская группа ЕВ-КАУ. – [Электронный ресурс]: <http://portal.unesco.org>.

15. Плужников В. И. Термины российского архитектурного наследия. – 1995.

16. Фадеева Т. М., Соколова М. В. Бахчисарай и окрестности: Путеводитель. – Симферополь: Бизнес-Информ. – 2000. – 208 с.

17. Хливнюк А. В. Неизвестные страницы памятникоохранительной работы в Крыму в 20-е – начале 30-х годов XX в.: По материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга. – [Электронный ресурс]: <http://old.commonuments.crimea-portal.gov.ua/>.

18. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Изд. 2-е, исправленное и дополненное. – Симферополь: издательство «ДОЛЯ». – 2008. – 272 с.

19. Zeynep Özdem. İnsanları, mekânları ve kurumlarıyla bir Kırım Şehri Karasubazar (17 Yüzyıl Sonlarından 18 Yüzyıl Ortalarına Kadar). – Karadeniz Araştırmaları. – Güz 2006. – Sayı 11. – S. 71-89.

МЕЧЕТИ КАРАСУБАЗАРА (1783 – 1939 гг.)

В период существования Крымского ханства город Карасубазар занимал очень удобное географическое положение у отрогов крымских гор, где сходились пути из Ора, Чонгара, Арабата, Керчи, Кефе, Судакского региона и потому являлся не только крупным политическим, торговым, экономическим, но и культурным и духовным центром.

Еще в 1666 году известный турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Крым и с восторгом описавший Карасубазар, указал в своих путевых заметках на наличие в городе 28 мечетей (пять из них соборные), пять медресе и четыре текие дервишей [1].

Спустя менее столетия, в 1737 году российские войска, вторгшись в Крым, разграбят, разорят Карасубазар и в том числе находившиеся в городе 38 мечетей [2]. В том же году российские войска покинут Крым, жители вернутся на пепелища и приступят к восстановлению родного города. Крымские ханы – Менгли II Гирай, Крым Гирай, Шахин Гирай, не жалея средств, вновь отстраивали и заселяли город, численность населения которого достигла сорока тысяч жителей. Однако в последующие четыре десятилетия Карасубазар так и не оправится от разрушений, не достигнет прежнего благополучия и великолепия [3].

В период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. город вновь подвергнется разорению. В 1777-78 гг. Карасубазар являлся одним из очагов восстания против крымского хана Шахин Гирая и российского военного корпуса, расквартированного на полуострове. В 1783 году Крымское ханство в результате аннексии Российской империей прекратит свое существование. Знаменитый и прославленный Карасубазар – центр крупнейшего на полуострове каймаканства-наместничества, насчитывавшего несколько кадылыков (судебно-административных округов), свыше 320 селений крымских татар – превратится в заштатный городок необъятной Российской империи. До 1786 года большая часть жителей покинет город и эмигрирует на Кавказ и в Малую Азию [4].

Как свидетельствуют архивные источники, в последние годы существования Крымского ханства и установления российского господства Карасубазар располагал 21 мечетью, 1 текие.

Приведем перечень наименований мечетей, составленный в 1785 году и доносящих до нас имена строителей, названия кварталов, где они были возведены:

Великая соборная мечеть Хаджи Музаффер эфенди
Соборная мечеть Менгли II Гирай хана
Мечеть квартала Хаджи Мурад
Соборная мечеть Крым Гирай хана
Мечеть квартала Шах Мурад
Мечеть квартала Чурум
Соборная мечеть Шахин Гирай хана
Мечеть квартала Хаджи Арслан
Соборная мечеть квартала Садык эфенди
Соборная мечеть и текие Реджеба Шейх эфенди
Мечеть квартала Тахта Джами
Мечеть квартала Кара Халил
Мечеть квартала Багче Ичи
Мечеть квартала Хаджи Кара Чора
Соборная мечеть квартала Курман Али эфенди
Соборная мечеть квартала Хаджи Исмаил
Соборная мечеть квартала Хаджи Бек
Мечеть квартала Хаджи Осман
Соборная мечеть квартала Шор Джами
Мечеть квартала Улу Хани Султан
Соборная мечеть квартала Аджем [5].

В 1805 году согласно сведениям, представленным муфтием Сеит-Меметом эфенди, в Карасубазаре насчитывалось 22 мечети: 8 соборных и 14 пятивременных [6].

В середине XIX столетия, во время Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. Карасубазар располагал 23 мечетями [7].

В 1865 г. в списках, изданных Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел Российской империи, в Карасубазаре также значатся 23 мечети [8]. Спустя пять десятилетий бурные события Первой мировой и гражданской войн, учреждение Крымской АССР трагически отразятся на жизни города; крымский голодомор 1921-1923 гг. унесет жизни тысяч жителей Карасубазара, не имевших средств к существованию.

С принятием Декрета об отделении церкви от государства мусульманские культовые сооружения передаются в пользование соз-

даваемым религиозным общинам. Контроль за деятельностью религиозных организаций и обществ осуществляла Комиссия по вопросам культа при КрымЦИКе и НКВД.

В марте 1925 года Карасубазарский райисполком уведомит Центральное административное управление, что «здание ликвидированной мечети “Узун Чарши” в г. Карасубазаре, будучи уже ветхим, еще во время бывшего голода <...> разрушена населением и растащена» [9]. Из акта, составленного 15 марта 1925 года сотрудниками райисполкома, явствует, что «числящаяся на учете <...> мечеть “Узун Чарши” по Торговой ул., еще в прошлом, 1924 году, вследствие ее ветхости <...> снесена и разрушенный материал употреблен на ремонт других полезных зданий. <...> Означенная мечеть была построена в 1875 году» [9].

1 апреля 1925 года президиум Карасубазарского райисполкома примет решение ходатайствовать перед КрымЦИКом: «Мечеть “Узун Чарши” ликвидировать, ввиду того, что от нее <...> сохранился один остов здания, минарет разрушен <...> и, наконец, приход этой мечети в настоящее время не существует» [9].

25 мая 1925 года сотрудники Карасубазарского райисполкома, проведя осмотр культовых зданий города, отметят, что «числящаяся на учете <...> мечеть, находящаяся по Чильтерликской ул. гор. Карасубазара <...> находится в состоянии полного разрушения: окна, двери, пол и потолок – выломаны и унесены, половина крыши свалилась. <...> Означенная мечеть “Чильтерли” построена в 1874 году. <...> В районе названной мечети имеется всего пять семей татар, которые взять в аренду за ненадобностью не желают, так как вблизи имеется мечеть, взятая в аренду и в которой они и отправляют богослужение. Исходя из данных, указанных выше <...>, оставшуюся половину крыши разобрать, лес употребить на дрова, черепицу выбрать, а стены разобрать. <...> Мечеть эту исключить из списка учета» [10].

2 июня 1925 года президиум Карасубазарского райисполкома примет решение: «Ввиду полного разрушения здания мечети “Чильтерли” и отсутствия групп желающих получить ее для производства ремонта и затем пользоваться ею, просить КрымЦИК о ликвидации этой мечети» [10].

В апреле-мае 1927 года в пользование и ведение мусульманских религиозных общин г. Карасубазара переданы мечети «Кара-Чора» и «Улу Ханый» [11].

В 1927 году разрушительное землетрясение в Крыму нанесло большой урон экономике края, жилому фонду, учреждениям, культовым сооружениям. В самый канун землетрясения, 21 июня 1927 года, комиссия Карасубазарского райисполкома, проведя технический осмотр культовых зданий города и установив, что мечети «Курман Али», «Шамрат», «Кара Халиль» находятся в полуразрушенном состоянии и требуют капитального ремонта, направит в КрымЦИК заключение о ликвидации вышеуказанных мечетей.

18 ноября 1927 года президиумом КрымЦИК вынесено постановление: «Мечети “Шамрат”, “Кара Халиль”, “Курман Али” г. Карасубазара <...> ликвидировать, вследствие отсутствия желающих пользоваться ими для культовых целей. Предложить Карасубазарскому РИКу использовать ликвидированные культовые здания в его районе для общепользовательных целей и при отсутствии возможности использования ставить вопрос о передаче их Крымгосфондовой комиссии – для реализации» [12].

21 ноября 1927 года в КрымЦИК поступит сообщение из Карасубазара о том, что «всего по городу пострадало от землетрясения три молитвенных здания <...> признаны опасными для посещения и вследствие этого временно, до совершения ремонта, закрыты два здания: мечеть “Буюк Джами”, мечеть “Текие Хан Джами” <...> подлежащих разбору молитвенных зданий нет» [13].

С целью устранения последствий землетрясения 1927 года к памятникам архитектуры г. Карасубазара, охраняемых законом и государством, были причислены здания двух караван-сараев XVII в. – «Орта Таш Хан» и «Ашагы Таш Хан», двух бань – «Буюк Хаммам» и «Эрмени Хаммам», а также трех мечетей – «Хан Джами», «Шор Джами», «Буюк Джами» [14].

Как свидетельствуют докладные записки Комиссии по вопросам культа при КрымЦИКе и НКВД, «в 1927 г. Крымнаркомпросом было выделено 1500 руб. для ремонта мечетей “Хан Джами” и “Шор Джами” в г. Карасубазаре. За ремонтом наблюдала комиссия в составе проф. Голландского, директора Бахчисарайского музея Боданинского и проф. из Москвы. Были наняты рабочие и средства истрачены по назначению. НКВД Крыма по этому случаю предложило провести следствие на предмет привлечения к уголовной ответственности должностных лиц, виновных в израсходовании государственных средств на поддержание религиозных организаций <...> в мар-

те 1928 г. музейные органы Крымнаркомпроса сочли необходимым названные две мечети имеющие значение памятников старины получить в свое исключительное ведение» [15].

В результате состоявшихся затем судебных разбирательств было вынесено постановление о возмещении расходов Народного Комиссариата Просвещения в полном объеме, о взыскании средств с мусульманских религиозных общин, в ведении которых находились реставрируемые памятники архитектуры.

Суд постановил возместить расходы Наркомпроса в полном объеме и взыскать средства с мусульманских религиозных общин, в ведении которых находились реставрируемые памятники архитектуры и старины. Члены общин оказались не в состоянии собрать сумму в 1300 руб. и были вынуждены официально отказаться от «дальнейшего пользования ими для культовых целей».

25 октября 1929 года президиум КрымЦИК постановит: «“Хан Джами” и “Шор Джами” в г. Карасубазаре ликвидировать, вследствие письменного отказа верующих. <...> Здания названных мечетей передать Наркомпросу Кр.АССР, как памятники старины» [15].

Как покажет время, решение КрымЦИКа о передаче архитектурных памятников в ведение Народного Комиссариата Просвещения Крымской АССР уберезет мечеть «Шор Джами» в 30-е годы XX столетия от полного уничтожения.

Ранее, 13 июля 1928 года сотрудниками Карасубазарского райисполкома проведен технический осмотр мечети «Аджи Осман»: «Мечеть полуразрушена <...> минарет из штучного и плиточного камня, половина разрушена. Высота минарета – 7 м, ширина – 2 м» [16].

По предложению Карасубазарского райисполкома Комиссия по делам культов при КрымЦИКе 6 августа 1928 года вынесет постановление: «Мечеть “Аджи Осман” в г. Карасубазаре ликвидировать, вследствие отсутствия желающих пользоваться ею для культовых целей и разрушенного состояния» [16].

21 ноября 1928 года в Центральное административное управление КрымЦИК поступит секретное сообщение: «Настоящим сообщается, что мечеть “Аджи Осман” г. Карасубазара ликвидирована и снесена» [16].

В последующие годы с завершением политики насильственной коллективизации сталинский режим, попирая основополагающее право граждан на свободу вероисповедания, в 30-х годах XX столе-

тия разворачивает и осуществляет возведенную в ранг государственной политики оголтелую атеистическую, антирелигиозную пропаганду.

Каратели подвергли массовым репрессиям (принуждениям к отказу от сана, расстрелам, ссылкам, заключениям в тюрьмы и лагеря) тысячи мусульманских священнослужителей. Культовые сооружения под предлогом их неудовлетворительного санитарно-технического состояния разрушилась, а оставшиеся переоборудовались в клубы, школы, склады, жильё, избы-читальни и т.д.

В Государственном архиве АР Крым сохранен перечень уничтоженных мечетей г. Карасубазара с указанием адреса и даты разрушения:

- «Шамрат», ул. Ключевская (1930 г.)
- «Аджи Арслан», ул. Инкляб (1934 г.)
- «Курман Али», ул. Перекопская (1930 г.)
- «Аджи Осман» (?), ул. Садовая (1930 г.)
- «Хан Джами», ул. Хан Джами (1934 г.)
- «Ени Джами», ул. Хан Джами (1934 г.)
- «Токал Чурум», ул. Хан Джами (1934 г.)
- «Буюк Джами», ул. Крымчакская (1932 г.)
- «Улу Ханий», ул. Интернациональная (1934 г.)
- «Чильтерли», ул. Ананьевская (1928 г.)
- «Кельташ», ул. Садовая (1928 г.)
- «Кара Чора», ул. Карачора (1932 г.)
- «Тахта Джами», ул. Айдынлык (1933 г.)
- «Бахчи Ичи», ул. Бахчи Ичи (1932 г.)
- «Шан Гирей», ул. Шан Гирей (1932 г.)
- «Аджи Малле», ул. Аджи Малле (1934 г.)
- «Чардак Джами», ул. Аптекарская (1925 г.) [17].

Строительный камень, материалы нескольких разрушенных мечетей, двух караван-сараяв – «таш ханов», тысячи надгробных памятников-плит с восемью древних городских мусульманских кладбищ были использованы строительной организацией «Тайганстрой» в 1934-1938 гг. при сооружении самого крупного в Крыму (на тот период) Тайганского водохранилища [18].

В 1935 году в г. Карасубазаре функционировало лишь одно мусульманское культовое здание – мечеть «Йылдырым Джами», находившаяся на ул. Ворошилова [19].

Три года спустя, в период апогея сталинских репрессий, 27 мая 1938 года Карасубазарский горсовет на основании отказа «двадцатки» (религиозной общины) от дальнейшей аренды здания обратился в президиум Крым ЦИК с предложением ликвидировать мечеть «Йылдырым Джами» и разрешить использовать здание «под культурные учреждения» [20].

Ныне единственное сохранившееся здание бывшей мечети «Йылдырым Джами» используется в качестве жилого фонда.

Таким образом, после аннексии Крыма Российской империей в г. Карасубазаре насчитывалась 21 мечеть и 1 текие. В середине XIX столетия количество мусульманских культовых сооружений возрастет до 23-х. В 1921 году с учреждением Крымской АССР г. Карасубазар располагал 19-ю мечетями, из которых в 20-30-х годах XX века были снесены семнадцать. Мечеть «Шор Джами» разрушена после депортации крымских татар. Ныне сохранилось лишь здание бывшей мечети «Йылдырым Джами».

Литература:

Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.) / Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. – Симферополь: ДАР, 1999. – С. 72-75.

Манштейн К.Г. Записки о России. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – С. 162-163.

Никольский П.А. Крым. От Крымского ханства до наших дней. – Симферополь: Крымгосиздат, 1929. – С. 11.

Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. – СПб.: Типография В. Велинга, 1875. – С. 47.

ГААРК, ф. 315, оп. 1, д. 1525, лл. 178-180.

Александров И.К. К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления // ИТУАК – Т. 54. – Симферополь, 1918. – С. 354-355.

ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 15652, лл. 3, 33, 50.

Списки населенных мест Российской империи. Таврическая губерния. – Т. XLI. – СПб., 1865. – С. 1-4.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1253, лл. 5, 6, 10.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1256, лл. 2, 3.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, дд. 1494, 1495.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1484, лл. 2, 6.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1486, лл. 2, 5.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1487, лл. 2, 5.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1493.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1729, лл. 118-123.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1576, лл. 33, 37.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1577, лл. 4, 8, 11.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 18, д. 46, л. 65.

Н.Ш. Къарасув асар атикасы // AZAT KIRIM, № 67 (163), 20 avgustos
1943 s. – 3 s.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 18, д. 46, л. 66.

ГААРК, ф. Р-663, оп. 18, д. 78, л. 21.

Примечание:

ГААРК – Государственный архив Автономной Республики Крым

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

ЗУЛЕЙХА ЧОБАН-ЗАДЕНИНЪ ХАТЫРАЛАРЫНДА АГЪАСЫ БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕГЕ ДАИР БИЛЬГИЛЕР

Макъалеледе мешур алим ве шаир Б. Чобан-заденинъ догъмуш къардашы Зулейханынъ беш дефтер хатыралары ве, айрыджа, бу хатыралардаки Б. Чобан-задеге даир бильгилер танытыла.

Анахтар келимелер: хатыралар, Б. Чобан-заде, Къарасувбазар.

Б. Чобан-заде буюк ве чокъ махсулдар бир алим ве шаир олмасына бакъмадан, аяты ве фаалиети узерине япылгъан араштырмалар онынъ шахсиети иле асабалыгъыны там оларакъ къаврап алмакътан чокъ узакътырлар. Бу саадаки проблемли меселелерден бири де онынъ омюр ёлунынъ егерли дереджеде огренильмегенидир. Б. Чобан-заденинъ терджимеиалы бутюн тафсилатлары иле даа язылмагъан, бу мевзуда атта буюк бошлукълар бардыр. Бойледже, аятына даир эр бир янъы бильги олдукъча дикъкъат чекмектедир.

Бутюн булар козь огюне алынса, макъалемизде танытыладжакъ хатыралар сонъ дередже эмиетли сайыла билир. Чюнки, ильк эвеля, догъмуш къардашы тарафындан язылгъан, экинджи ден, олдукъча мундериджелидирлер.

Сёз Зулейха Чобан-заденинъ хатыра дефтерлери акъкъындадыр. «Чобан-къызы Зулейханынъ омрю» деп адландырылгъан бу хатыралар, ильк эвеля, табий, муэллифининъ аятыны тасвир этмекте. Лякин ичинде агъасы Б. Чобан-задеге де даир олдукъча къыйметли бильгилер бар ки, буюк алякъа кореджеклер шубесиздир.

Зулейха Чобан-заде (Зулейха Халилева) – Б. Чобан-заденинъ екяне догъмуш къардашыдыр, даа догърусы, аятта къалып олгъан екяне къардашыдыр. 1904 с. Къарасунунъ Шахмурад мааллесинде догъды, чокъ маджералы бир аят кечирип (учь баласы да яшлай оле, бири си П Джиан дженки вакътында нацистлер тарафындан якъыла), 1985 сенеси Узбекистаннынъ Андижан шеэринде вефат этти. Хатыраларны 1970 сенеси язса керек (экинджи дефтернинъ устунде бу сене къайд этильгендир), олюмден эвель якъын аркъадашы Гульшен Ибадуллаевагъа эманет оларакъ къалдырды. Гульшен ханым эки йыл эвель бу беш дефтер языларыны бизге косътерип, транслитерация ишини яп-

мамзыны риджа этти. Бу иш аман-аман сонъуна кельди ве бу макъаледэ биз онынъ ильк нетиджелер иле пайлашмакъ истедик.

Зылха оджанынъ (бутюн омюр оджалыкъ япкъанындан себеп, бойле анъылды) хатыралары белли эди. Оларнынъ бир къысмыны озь вакътында о, белли къырымтатар яздыжысы С. Нагаевге ёллагъан эди, о да олардан кенди «Йылнамелердеки излер» китабындаки «Медений инкъиляб аскери» очеркинде файдаланды [2, с. 76]. Хатыраларнынъ даа бир парчасы атта дюнья юзю корьген олды: «Бакъсан фаджиасы» адлы парча 1968 с. «Ленин байрагы» газетасында [3] ве 1994 с. «Йылдыз» меджмуасында басылды [4].

Гульшен ханым Ибадуллаеванынъ элинде оригиналлары ве бизде копиялары булунгъан хатыраларны алсакъ, булар беш дефтердир. Къалын талебе дефтерлери, ири ве пек анълайышлы бир язы иле, саифеде 12 сатыр оларакъ язылгъандырлар. Дефтерлер боюнджа саифелернинъ сайысы 186, 186, 190, 200, 136 олып, топлам 898 саифедир. Заман джеэтинден, хатыралар XIX асырнынъ экинджи ярысындан 1934 сенесине къадарки деврини къаплап ала. Метин, эр бири серлевалы айры болюклерге болюнген, бу болюклернинъ сайысы 41-дир (дефтерлер боюнджа: 12–7–10–5–7).

Хатыралар къуру бир тильде дегиль, белли дереджеде эдебий бир услюп ве сонъ дередже зенгин къырымтатарджасы иле язылгъандырлар. Зылха оджа бутюн омюр талебелер иле мешгъуль олып, оларнен чешитли ресмий ве эглендже мерасимлери, эдебий акъшамларыны кечирип, белли бир сценарист ве атта режиссер теджрибесини эльде эткени корюле. Хатыралар бир роман ве атта бир роман эсасында язылгъан сценарий хусусиетлерни ташый. Нетиджеде, о заманнынъ кениш ве сонъ дередже ренкли бедий тасвири оларакъ эльге алынмалыдырлар.

Хатыралар пек чокъ контекстлерде диккъят чеке. Олсун муэллифнинъ шахсий аяты, олсун деврининъ чешитли сиясий, ичтимаий ве медений вакъиалары, я да пек чокъ белли инсанларынынъ (ильк эвеля, къырымтатар зиялылары, айрыджа Б. Чобан-заденинъ) шахсиетлери джеэтинден – хатыраларда эр шейге ве эр исимге даир олдукъча индже ве тафсилятлы бильгилер мевджуттыр.

Шуны да къайд этмек керек ки, базы парчалар муэллифнинъ не дередже объектив олгъаныны тюшондире. Мисаль, пек чокъ алларда айры шахысларнынъ (мисаль, базы къырымтатар асылзаделери я да дин эрбабынынъ) характеристикасында муэллифнинъ олдукъча кескин тиль къуллагъаныны коремиз. Биз, чалышмаларымызнынъ нетиджесинде, Зылха оджанынъ бильгиси олдукъча сагълам, кенди-

си февкзульаде диккъятлы ве хафызасы сонъ дередже кучлю бир ханым олгъаны къарарына кельдик. Базы тенкъитлери бираз кескин корюнсе биле, оларнынъ себеplerини о заманнынъ идеоложик авасы иле анылатмакъ мумкюндир.

Хатыраларда диккъят чеккен базы левхаларны кыйд этеджек олсакъ, буларнынъ башында кырымтатарларнынъ аныаневий аяты ве, ильк эвеля, кой аятынынъ тасвирлери кельмектедир. Айрыджа, Къарасувбазар шеэри ве больгедеки койлернинъ сонъ дередже ренкли ве тафсилятлы манзараларына расткелине ки, муэллифининъ буюк бир Къарасувпервер олгъанында бир шубе къалмай.

Дигер левхаларгъа кельгенде, кырымтатарларда чешит табакъа векиллери арасындаки мунасебетлер, кырымтатарлар ве рус окъув юртлары (Зылханынъ Къарасувда рус гимназиясында окъушы мисалинде), 1921-22 сс. Къырымдаки ачлыкъ фаджиасы, ниает, Сталиннинъ репрессияларына даир сонъ дередже тесирли левхаларны да кыйд этер эдик.

Хусусий диккъят чеккен парчалардан даа бир кысмы о заманнынъ кырымтатар маариф системасы, миллий окъув юртлары иле алякъалыдыр. Мисаль, Акъмесджитте Айше Исхакъова тарафындан 1917 с. ачылгъан татар къызлары гимназиясына даир мадделер: мындаки талебелернинъ джедвели диккъят чеке, къызларнынъ арасында Айше Тархан, Шефикъа Джанкъылыч, Земине Дагъджы, Айше Эмир-заде, Пенбе Къогуш, Сюндюс Пармакъсыз, Шефикъа Шемьи-заде, Анифе Абдульхай ве дигерлерни коремиз. Я да айны шу сенеси Акъмесджитте ачылгъан дарульмуаллиматкъа (оджапчелер азырлагъан окъув юрту) даир парчалар: мында да бутюн ильк мезунларнынъ джедвели ве эр бир талебе-къызгъа даир (Амиде Аджи Асанова, Рефикъа Къутбединова, Ребия Бекирова, Теслиме Чинакова, Ава Дагъджы, Леман Омер Сами, Сафие Канеева ве дигерлери) къыска характеристика мевджуттыр. Бу парчаларгъа Зылханынъ дерс берген бир сыра кой мектеплери иле алякъалы хатырлавларны къошар эдик, бир де Акъмесджиттеки балалар эвине даир бир парчань: 1922 сенеси Зылханынъ да чалышкъан бу балалар эвинде Айше Исхакъова (мудире), Асан Шумин, Асан Аметов, Айше Тайгъанская, Ава Дагъджы, Сафвет Абдураим ве башкъалар чалыша эдилер.

Шуны да айтмакъ керек ки, хатыраларда о заманнынъ пек чокъ мешур кырымтатар зиялыларынынъ адлары кече, базылары акъкъында меракълы бильгилерге расткелине. И. Гаспринский, А. С. Айвазов, А. Озенбашлы, С.-Дж. Хатгатов, Х. Чапчакъчы, У. Баданинский, А. Исхакъова, А. Черги (Чергеев), М. Рефатов, Абибул-

ла ве Бекир Одабашлар, В. Ибраимов, Х. Эмир-заде, У. Бакъкъал, А. Тайгъанская, М. Недим, А. Къадри-заде – бу зиялылардан энъ белли олгъанларыдыр. Булардан базыларыны шахсий шараитте де коремиз, мисалы, Зылханынъ тою иле чагыртувында, я да Бекир Чобан-заденинъ эвиндеки Якъуп Керчи иле Анифе Ширинскаянынъ тоюнда ве илх.

Б. Чобан-заде иле алякъалы малюмат пек чокъ къысымларда ер ала, атта алты болюк толусынен онъа багъышлангъандыр. Эльбетте, хатыраларда Бекир ве Зулейха Чобан-заделернинъ баба-деделери акъкъында да пек меракълы билъгилер бардыр, оларны да, табий, Б. Чобан-заденинъ терджимеиалына алмакъ лязим. Ашагъыда хатыраларнынъ бу киби парчалары акъкъында къыска малюмат бериледжектир.

Бекир ве Зылха Чобан-заделернинъ баба тарафындан къартбалалары Менакъай огълу Къуртумер тахминен 1820 сс. Къырымда, Къарасубазар районы Аргъын коюнде догъгъандыр. Дикъкъат вакъиджи бир хусус, кедай эди. *«Той тойдан къалмай юре экен»*. Вакъты иле, Аргъындан 5-6 км. олгъан Чардакълы коюнден Сабе деген къызны (келинчек) ала. Къуртумер *«эсмери, къаракъашлы, къара козьлю олгъан, чобанлыкънен берабер усталыкъ да япкъан, шемшер къашыкълар, тостогъайлар, мойсалар ясагъан, озюне эв къургъан, бала-чагъа сауби олгъан.»* [Дефтер I, с. 4].

Къуртумернинъ Къуртваап, Къуртвели, Халиль ве Рамазан адлы дёрт огълу иле Зейнеп ве Мензе адлы къызлары бар. Буюги Къуртваап 1852 с. Аргъында догъа. *«Бабам Къуртваап, огъланлардан къорантада энъ буюги олгъанындан, эвге ярдым этмек, бабасына къол ярдымджы олмакъ, эв башы олмакъ вазифеси онынъ бойнуна юклене. Алты яшыны толдурыр-толдурмаз, аягъына чарыкъларны чекип, ыргъакъ таягъыны къолуна алып, чобанлыкъкъа башлай.»* [Дефтер I, с. 7–8]. Къуртаваап даа эвленмей бир маджерагъа огърай, онынъ нетиджесинде бутюн аиле Аргъындан Къарасувгъа кочъмеге меджбур ола. Бу вакъиа С. Нагаевнинъ очеркинде мевджут, Сафтер агъа оны Зылха оджанынъ мектюбине эссланып язгъандыр. Биз де оны, Б. Чобан-заденинъ догъгъан ерине ишарет эткени ичюн, бу макъалде хатырлатмакъны файдалы коръдик.

Къуртваапнынъ эмджеси Менарифнинъ огълу Менбору, Бор-Батыр адлы ерли мирза иле араларында юзъ берген бир къавгъанынъ нетиджесинде оле. Къуртваап, мирзадан очъ аларакъ, Бор-Батырны атып ольдюре. Бу вакъиадан сонъ, о, Аргъындан къачмакъ меджбур ола. Белли бир вакъыт Джанкой бетте Тюп-Кенегез коюнде гизленип яшай. Меселени ятыштырмакъ ичюн бабасы (Къуртумер) элин-

ден келеджек эр шейини япа, пара кьуллана, хорантаны «кьан дава-сындан» кьуртара, лякин койде кьалмакь артыкь имкянсыздыр. Нетиждеде, бутюн айле Кьарасувгъа кочьмеге меджбур ола. *«Кьартба-бам, кьойларыны сатып, борджларгъа далып такъан-тукъан акъча тапып, Кьарасувбазардан Шамрат мааллесинден эв алып, эвини-багъчасыны-кьорасыны кьардашы Кьуртнезирге ташилап, шезрге кочьмеге меджбур ола»*, – деп яза Зылха Чобан-заде [Дефтер I, с. 14].

Кьуртваап 1886 сенеси я да бираз сонъра Кьарасувда эвлене – 1865 сенеси эснаф (аяккъьапчы) Гьафар огьлу Аблялимниъ (Абдульхалим) кьорантасында дюньягъа кельген Ваиде-Шерифе адлы кьызыны ала. Бу эвлиликтен секиз бала ола. Ильки Зейнеп, еди айлыкь догъып, бир-эки саат яшап оле. Экинджи Сейид-Салих учь-дёрт яшында вефат эте. Учюнджиси Сейид-Бекир ола: *«Анам учюнджи баласыны догъура, о да огълан ола, адыны Сейид-Бекир кьоялар.»* [Дефтер I, с. 33] (Корьгени-миз киби, Бекир Чобан-заде Кьарасув шеэринде догъа! Бу, илеридеки базы парчаларда да тасдикъланаджакътыр. Бойледже, догъум еринден бир шубе кьалмамалдыр, деп саямыз.)

Дёртюнджиси Хатидже беш яшында вефат эте. Даа Эдие ве Кьурттотай адлы кьызлары ола, лякин олар да, бири 4-5, экинджиси 3-4 яшларында апансыздан оелелер. Единджиси Зылха догъа. *«Меним адымы бахтсыз агъам профессор Бекир Чобан-заде, молла акъай-нынъ алдына чыкъып: «Кядемниъ адыны Зулейха-Шерфе деп кьой-ынъыз! Эгер кьоймазсанъыз, не бакъарым, не кядем дермен, бешик-ни йыкъар къачарман!» деген. Молла акъай ве анам, бабам да, мунасип корип, адымны Зулейха кьойгъанлар. Дегени киби, агъам мени аркъасына котерип осьтюрген.»* [Дефтер I, с. 147–148].

Бекир Чобан-заде иле алякбалы ильк мустакиль болюклер – биринджи дефтердеки «Йылан» ве «Тирменге кьойсанъ, тири чыкъя!» адлы болюклердир. Буларда Бекиринъ балалыкь йылларына даир меракълы билгилер ер алмакъята. Яш Бекирге даир невбеттеки даа бир парчада анасынынъ не дередже илимге эмиет бергенини корь-мек мумкюндир:

«Анам бизим илимли олгъанымызны джан-юректен истер эди, «илим къазаны ач кьалмаз, илим къазаны отсыз, оджакъсыз къай-нар» деп, бизни алим япмагъа нек ынтылыр эди.

О заманлар Туркидеде окъугъан агъам, даима меним къайдым-ны чекип: «Зулейхачыкъны яшы бакъынъыз, иттидай мектебини битирген сонъ, оны мутлакъя гимназиягъа киргизмеге тырышынъ-ыз!» – деп яза эди.

Бабамнынъ илимнен иши ёкъ, о даима агъамнынъ тез-тез къайтып келип, бабамнен бирликте чобанлыкъ этмесини ойлар эди. Агъамнынъ къайтмасыны пек арзу эткенинден, анама:

– Яздыр Сейид-Бекирге мектюп! Къайтсын да, магъа ярдым этсин! Окъугъанда не оладжакъ, эпси бир стол башына биздай къарасюекни поселянны отуртмазлар, оладжагъы – мендай чобан-чолукъ, биз джарлыгъа моллалыкъкъа, илимге ёл ёкъ.» – дер эди. Анам исе:

– Зенаат, илим-унер – къолда алтын билезликтир, Сейид-Бекирни дегиль, Зулеханы окъутаджакъман», – дер эди.» [Дефтер I, с. 151–153].

Б. Чобан-задеге багъышлангъан муим болюклерден даа бири – экинджи дефтердеки «Агъамнынъ Маджаристандан кельмеси» болюгидир. Бу болюкте Бекирнинъ догъгъанына, тувгъан шеэринде окъугъанына, Тюркиеге кеткени-къайткъанына, ниает Будапештке де кетип-къайткъанына даир олдукъча къыйметли билъгилерге расткелемиз. Мисаль, догъгъанына даир шу сатырларны окъумакъ мумкюн: «*Сейид-Бекир агъам, анамнынъ учюнджи баласы, 1893 йылы, майыснынъ 15 куню Къырымда Къарасувда къартбабамларнынъ Шамурат мааллесиндеки эвлеринде догъгъан, онъа не чичек, не къызамыкъ, не де ал кольмек – бир хасталыкъ тиймеген, пек сагълам, тендюрюст бала экен.» [Дефтер II, с. 25–26].*

Бекирнинъ Будапешттен къайткъанына даир бир парчада о заманнынъ пек чокъ мешур къырымтатар муневверлерининъ адларыны окъуймыз: «*Агъамнен берабер кельген фйтонларда Сейид-Омер Таракъчы, Абдураим Джемалединов, Керим Джемалединов, Къаялы Абдулхамид агъа, Джемиль Наджи Челебиев, Асан Сабри Айвазов, Сейид-Джелиль Хаттатов, Абибулла Тимурджан Одабаиш, Бекир Одабаиш, Халиль Чапчакъчы, Ахмед Озенбашлы, Усеин Баданинский, Абдульэхад Амди Герайбай, Абдусемиг Герайбай, Мустафа Февзи, Мехмед Тевфикъ, Риза эфенди, Шефикъа Гаспринская, Ильхамие Исмаилова, Айше ханым Исхакъова, Айше ханым Тайгъанская, [...?] ве-ль-хасъл Къырымнынъ зиялылары агъамнен берабер Къарасувгъа кельмекте эдилер.» [Дефтер II, с. 40–41].*

Бекир Къарасувда чокъ къалмай, бир-эки куньден сонъ Акъмесджитке кетип, ишке кире. Бир-эки айдан сонъ, ана-бабасыны да янына ала. Акъмесджиттеки адреслери: «*Нижняя Гоститальнаяда 37 номеролы, «Манкъа Сейид-Мехмеднинъ» эви»* ола. Бекир Халкъ Маариф Шубесининъ татар къысмында, Дарульфунунда, Дарульмуаллимагта, Тотайкой техникумында чалыша.

Хатыраларнынъ неветтеки бир болюгинде Б. Чобан-заденинъ Бакуда, театреде, эки яшнынъ лафлары ве аркетлеринден Къырымлы ве Къарасувлы олгъанларыны анылап, янындаки достларындан къавиле къазангъаныны огренемиз. Бу меракълы парчада айрыджа дикъкъат чеккен – Къарасувлылар иле Багъчасарайлылар арасындаки устюнлик давасыдыр. Бу мунасебет иле Зылха оджа да тувгъан шеэринде даир бир къач сёз къошмакътан озюни аламай:

«Багъчасарайлылар ичюн халкъ агъзында бир икяе, яки бир тюркю биле ёкъ. Амма Къарасувлылар ичюн айтылгъан йырлар аля яшай.

Къарасувнынъ дёрт кошеси,

Вай, чардагъы домпулдай,

Ози киши бегенмей,

Май бардагъы домпулдай...

<...> Къарасувнынъ озю пек шырныкълы, авадар, этрафы багъбагъча, дагълыкъ-сувлукъ бир ердир... Сувнынъ энъ бол ери... Къара-Агъач суву... Тыназ... Буюк-Къарасув... Кучюк-Къарасув... Сары-Сув... Бурульча сувлары... Ве-ль-хасыл, Къырым дедилерми, козюмнинъ алдына Къарасув келе. Даа гузель Алукалар, Ялталар олса да, догъгъан ерим олгъаны ичюнми?.. Не ичюн?!..» [Дефтер II, с. 86–87]

Хатыраларнынъ илерисинде Б. Чобан-заденинъ Наркомпроста чалышкъаны, эвленгени, Зылханы да эвлендиргени акъкъында окъумакъ мумкюндир. Сонъкиси айрыджа тафсиллятлы язылып, пек чокъ белли инсанларнынъ бир арада булунмасы иле дикъкъат чеке.

Бундан сонъраки «Агъамнынъ Бакугъа кочъмеси» болюги Б. Чобан-заденинъ 1924 с. Бакугъа кеткенине даирдир. Къырымнынъ пек чокъ кой ве шеэрлеринден кельген инсанлар иштираги иле Акъмесджит вокзалында ведалашув мерасими кечириле. *«Акъмесджитнинъ вокзалы рыкъма-рыкъ толды, адам дерьясы кесильмеди. Агъам минеджек вагоныны чечеклернен донаткъанлар. Университет профессорлары, студентлери, Къырымнынъ зиялылары чыкъып минберде нуткъ сёйледилер, агъам бирер-бирер эсинен савлыкълашты.»* [Дефтер III, с. 144].

Дертюнджи дефтернинъ башында озь драматизминен дикъкъат чеккен «Агъамнынъ апаийндан айрылувы» болюми ер ала. Онынъ мундериджеси – Бекир Чобан-заде ве къадыны Диляра Булгакова арасындаки мунасебетлер, ве, айрыджа, оларнынъ айрылувлары (1928 сенеси олса керек). Меселе пек тафсиллятлы тасвир этиле, онъа 40 саифе айырылгъандыр.

Б. Чобан-заде иле алякъалы неветтеки парча онынъ белли ака-

демик А. Самойловичнен берабер Къарасувгъа кельгенлери акъкъын-дадыр. 1929 сенеси, Зылха хорантасы иле Къарасувгъа бакъкъан Учъ-Козь коюнде яшай, оджалыкъ япа. Мусафирлер келеджегинден хабер ала. Эвини джыйыштыра, азырлыкъ коре. Чокъкъа бармай, Бекир, аналары, Бекирнинъ кятиби Веис Танабайлы, къадыны Зехра, Сейид-Омер Турупчы, академик А. Самойлович ве онынъ къадыны, къыскасы, бир машина къадар адам келе. Азбарда терек тюбюнде, миндер устюнде, багъдаш къурунып, къаймакълы къавелер ичили, къурбанлыкъ барашкый, чибереkler, язмалар, даа сонъра пичили тешеклер ве иляхре... Бир къач кунлюк программадан сонъ эр кес Къарасувгъа кете. Шеэрдеки кезинтилер акъкъында бир къач сатыр айрыджа дикъкъат чеке:

«<...> агъам Къарасувда бир сой-соп къалдырмагъан сонъ, **озюнинъ догъгъан эвини** (къою ирифт бизимки – Н. А.), окъугъан рушдие мектебини, къой бакъып юрьген Къара-Агъач, Батыр-бей дегирменлерини эпсини Самойловичке косьтерип тойгъан сонъ, Аьмесджитке къайткъанлар <...>» [Дефтер IV, с. 71–72].

1931 сенеси, аналарынынъ олюминден сонъ, Зылха агъасына Бакугъа мусафирликке бара. Чобан-заделернинъ яшагъан квартиралары Бакунынъ меркезинде, «Баку 1-де, Кооперативная 5-де, губернатор Тагиевнинъ эвиндедир». Зылханы пек яхшы къаршылайлар. Бакунынъ энъ итибарлы алим ве оджаларындан Бекир Чобан-заде артыкъ эвли, онынъ къадыны – азербайджанлы опера йырджысы Рукъие ханым Абдулина. Зылха янъы енгеси ве акърабасы иле таныш ола, мусафирчен агъасынынъ эвинде бир-бучукъ ай къала.

Агъа-къардашнынъ небеттеки корюшюви бам-башкъа олып кече. 1930-ларнынъ башы. Такъиплер башлай. «Миллетчи» агъасы юзюнден Зылха бутюн ишлерден къувула. Ходжасы Шинаси биле даянамай, акърабасы баскъысы нетиджесинде айрылалар. Зылха Бакугъа бараджакъ ола. Огълу Субутайны алып, ёлгъа чыкъа. Бекирнен корюше, дердини анълата. Б. Чобан-заде пек севген джиени Субутай ичюн бир шень байрам яптыра. Лякин озю де дертли.

«Агъам гъарипчикте де тюшондже агъыр! Акъай киши, сыр бермей амма, алындан-арекетинден онынъ ишлеринде де бир тюрлю хошнутсызлыкъ, анълашамамазлыкъ олгъаны корюлип тура. Кескинден кескин къара къаве иче, сигарнынъ бирисини якъа, бирисини сёндюре... Базы вакъыт къайгъылы-къайгъылы шойле деп де йырлап та ташлай:

Айгиди ялан дюньялар, ай дай,
Къувнакъсыз куньлер, айды дав.
Алевленип джангъан от, ай дай,

Кулленип сёнер, айды дав. <...>
Айгиди меним озь коюм, ай дай,
Сувбашы Найман, айды дав,
Кядемнинъ кози торланса, ай дай,
Мен джылайман, айды дав. <...>
*Ах дей, ах дей джурермиз, ай дай,
Биз де олермиз, айды дав,
Ер бавуры сувукъдыр, ай дай,
Тёнъюлурмиз, айды дав.*» [Дефтер V, с. 57–59].

Бекир Чобан-заде къардашы ичюн Москвадан ярдым кыдыра. О заманнынъ Совет Бирлиги Юкъары Кенъешининъ Реиси М. Калининге, озь мухруни бастырып, кучюк бир риджанаме яза. Къардашыны Москвагъа бармасы ичюн тенбийлей. (Илериде Зылха ойле де япып, М. Калининден ярдым коре.) Айрыджа, онъа салмакылы бир маддий ярдымда да булуна. Сонъундан, Зылха иле Субутайны Бакудан Тифлиске къадар озгъара. Поездде, вагонлары фаркылы олгъанына бакъмадан, янларындан айрылмай. Ёлджулыкынынъ сонъки дакъыкыалары акъкъындаки парчаны исе эеджансыз окъумакъ мумкюн дегильдир:

«Мен, кядем, бир койге барып, иттидаий бир мектенке оджа олып, тынч къанаат омюр корьсем, бу сарайлардан, бу дебдебе бу шаматадан вазгечсем, деймен. Билесинъми, кядечигим! Мен не бир той, не бир джыйын, не бир кино, не бир театро корьмеймен. Гедже-куньдюз ишим китап, китап...».

Агъам, гъарип, гедже биле юкъламады, бизим вагонгъа кельди кетти, кельди кетти.. Сабасына Тифлиске кельдик, агъам бизнен савлыкълашты. Козьлери толу яш, лякин бизге дуйдурмакъ истемегени ап-ачыкъ белли эди. Аджеба, къальбинден нелер кече, не ойлар, башыны, о къудсыз, бахтсыз башыны не джефалар, не агъыр къайгъылар, не тюрлю гъамлар-къасеветлер беклей эди!..

Агъам юксек бир таш устоне чыкып, бизим поезд козьден гъайып олгъандже, кях явлугъыны, кях ишляпасыны саллап турды, плащынынъ этеги ельпиреди-ельпиреди... Биз де поезднинъ пендджересинден явлукъ саладыкъ. Субутай шапкечигини саллай, эм де санки эшитеджесек киби: «Дайы!.. Дайычыгъым!» деп, олгъан сесимен багъыра эди.

«Апакъай масалы, хурафат» деймиз амма! Инсанда севки-и таби (инстинкт – А.Н.) узьре бир дуйгъулар ола, агъам бизни кыймай эди, биз де агъамны кыймай ёлгъа джёнедик, не агъыр дакъыкыалар эди. 1933 август айларынынъ башлары эди, бу бизим сонъки корюшювимиз олды.» [Дефтер V, с. 76–78].

Иште, Зылха Чобан-заденинь хатыравларындан бир кьач саифе. Нетидже оларакъ, шуларны айта билемиз:

Зылха Чобан-заденинь хатырлавлары кьырымтатар эдебиятында хатыралар (мемуары) тюрюнде бир язылар оларакъ эльге алына билир ки, булар саесинде кьырымтатар эдебияты даа бир олдукъча истидатлы бир муэллифке саип чыкъмакътадыр;

Хатыралар олдукъча бедий услюп иле язылып, бир тарихий-биографик роман хусусиетлерине саиптирлер;

Хатыраларда XIX асырнынъ сонъу – XX асырнынъ 30-джи сенелери девриндеки Кьырым ве кьырымтатарларнынъ сиясий-ичтимаий ве медений аятынынъ сонъ дередже ренкли, этрафлы ве тафсилатлы манзарасы чизильмектедир;

Муэллифиниь базы бир шахсий ве кескин дегерлендирмелерине рагъмен, хатыралар сонъ дередже муим, олдукъча объектив, айрыджа да, башкъа менбаларда булунмагъан бильгилерге саип олгъан салмакълы бир эсер оларакъ сайыла билир;

Хатыраларда Б. Чобан-заденинь омюр ёлу, шахсий аяты ве кишилигине даир олдукъча дикъкъат чекиджи бильгилер булунмакътадыр ки, булар онынъ этрафлы ве тафсилатлы биографик тедкъикъатларында мутлакъа файдалы оладжакътырлар;

Хатыралардаки бир сыра бильгилер Б. Чобан-заденинь аятындаки базы тартышмалы меселелернинъ чезильмесинде де ярдымджи ола биледжектирлер.

Хатыралар, эльбетте, нешир олунмалы. Эминмиз, кьырымтатар эдебияты тарихында олар да кендилерине ляйыкъ бир ер алырлар. Айрыджа, о девирнинъ сиясий-ичтимаий ве медений тарихы иле огърашкъанлар ичюн де олдукъча кьыйметли бир менба олурлар.

Эдебият:

1. [Халилева Зулейха]. Чобан-къызы Зулейханынъ омрю. [Хатыралар.] Дефтер I–V. Элязма.

2. Нагаев Сафтер. Медений инкъиляб аскери / Ёылнамелердеки излер : Кьырымтатар эдебияты акъкъында этюдлар. – Ташкент, 1991. – С. 75–216.

3. Чобан-заде Зулейха. Бакъсан фаджиасы // Ленин байрагъы. – 1968. – Сентябрь 17, 21, 24.

4. Чобан-заде Зулейха. Бакъсан фаджиасы // Ёылдыз. – 1994. – № 1. – С. 101–117.

Иляве
Чобан-кызы Зулейханынъ омрю

Мундеридже

Дефтер I

Меним къартбабам ве къартанам	1
Меним бабам ве анам	17
Къартбабамнынъ олюми	36
Къартанамнынъ Къаплан адлы мышыгъы	43
Ыргъатлыкъ	49
Йылан	60
Тирменге кьойсанъ, тири чыкъа!	64
Пич бала	71
Анамнынъ къартанасы	91
Анамнынъ анасы ве къардашлары	100
Меним балалыгъым	139
Меним кызылыгъым	175

Дефтер II

Меним оджалыгъым	1
Агъамнынъ Маджаристандан кельмеси	23
Ачлыкъ	48
Меним джесаретлигим	66
Меним шокълукъларым, меним ярамазлыкъларым	89
Меним севгиге тутулмам	108
Меним хасталанмам, дарульмуаллиматны битирмем	172

Дефтер III

<i>Меним хасталанмам, дарульмуаллиматны битирмем (девам) .....</i>	<i>1</i>
Меним тоюм	33
Келин-киев чагъыртмасы	76
Меним къайгырувларым	97
Агъамнынъ эвиндеки той	107
Аргъынгъа кочьмемиз	111
Аргъын мектеби	125
Агъамнынъ Бакугъа кочьмеси	135
Улу-Озенли Аким дайымнынъ ольдюрильмеси	147

Эгизлернинъ догъмасы	164
Аргъындан Учъ-Козьге кочемиз	189

Дефтер IV

<i>Аргъындан Учъ-Козьге кочемиз (девам)</i>	1
Агъамнынъ апайындан айрылувы	18
Агъамнынъ Академик Самойловичнен Къырымгъа кельмеси	58
Къызчыгъым Леманнынъ дюнъягъа кельмеси.....	73
Аначыгъымнынъ апансыздан олюми.....	83
Мен, агъама Бакугъа мусафирликке бардым	31

Дефтер V

Кене кочемиз	1
Акъяр-Севастополь.....	3
Субутайны акъсыз ерде джезаладым.....	51
Эвдекилер айынгъанлар.....	80
Москвагъа джѐнедим.....	91
Хырсыз ким экен?!	104
Кене кочемиз!	133

СВЕДЕНИЯ О БЕКИРЕ ЧОБАН-ЗАДЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ РОДНОЙ СЕСТРЫ – ЗУЛЕЙХИ

Статья знакомит с содержанием пяти тетрадей воспоминаний родной сестры выдающегося крымскотатарского тюрколога и поэта Б. Чобан-заде – Зулейхи Чобан-заде (1904-1985). Автор всю свою жизнь посвятила школе, воспитанию молодого поколения. Написанные в 1970-х гг. воспоминания содержат ценнейшие сведения, касающиеся частной жизни семьи Чобан-заде, а также общественной и культурной жизни, особо, проблем образования среди крымских татар в довоенные годы. Стиль повествования отличается обилием фактов, предельным вниманием к деталям, художественностью языка и яркостью образов. Особый интерес представляют многочисленные сведения о родном городе автора – Карасубазаре (Белогорске), а также личности Б. Чобан-заде.

ИЗУЧЕНИЕ КРЫМА В РОССИЙСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ 1991-2011 гг.

Задачей данного обзора является обозначить некоторые основные направления изучения Крыма, а также остановиться на некоторых из них.

Прежде всего, следует отметить, что в российской исторической науке в целом в последние годы Крым рассматривается с точки зрения развития российско-турецких отношений в различные периоды времени¹ и в геополитическом аспекте. В этом смысле для нас крайне интересными представляются и публикации документов российских архивов. В связи с этим необходимо упомянуть не только уже опубликованные работы, но и защищенные по этой теме диссертации и, соответственно, авторефераты (и, как мы надеемся, монографии), например, диссертацию О.М. Курниковой «Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI-XVIII вв.» (ИВ РАН, М., 2009), предметом исследования которой являются документальные источники по истории османских владений на территории Крымского полуострова в XVI-XVIII вв. Это свидетельствует о том, что интерес к проблеме в российском востоковедении возрастает.

В современной российской тюркологии довольно много работ посвящено социальной, политической и культурной истории османских владений на территории Крыма XVI-XVIII вв., истории Крымского ханства и его историографии. Среди них — работы А.В. Вино-

---

¹ Саламова Н.А. Кавказ и Крым в русско-турецких отношениях от Решетского договора до Гянджинского тракта (1732-1735) // Восточный архив. М., 2007, №16, с. 11-15; Виноградов В.Б., Приймак Ю.В. Крымско-османские противоречия в период крушения государства Гиреев (1720-1780-е гг.) // Сборник Русского исторического общества. М., 2006, № 10 (158). С. 158-166; Шепарнева А.И. Крымская война в освещении западников // Вопросы истории. М., 2005, №9, с. 27-39; Иванов И.Г., Абакумов А.В. Крымская война: («Позорное поражение»? Нет! Всего лишь относительный неуспех) // Наследие предков. М., 2005, №1, с. 7-11; Казарин В. Победоносное поражение. Россия ли проиграла Крымскую войну 1853-1856 годов? // Евразия сегодня. М., 2005, №7, с. 74-79.

градова², И.В. Зайцева, Р.Ю. Почекаева³, Р.Т. Дейникова⁴, В.Т. Тепкеева⁵ и др., опубликовавшие как в виде отдельных монографий, так и статей в журналах («Восточный архив», «Эпиграфика Востока», «Восток»), и сборника (например, таких, как «Тюркологический сборник») под грифом академических институтов России (ИРИ РАН, ИВ РАН, ИВР РАН). В то же время, как подчеркивается неоднократно самими исследователями, «необходимо дальнейшее и целенаправленное изучение источниковой базы по этой тематике» [Зайцев, 2009].

В исследовании В.И. Зайцева «Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники», вышедшем в 2009 г.⁶ рассматривается крымско-османская историческая традиция указанного периода, анализируются крымские рукописные тексты (исторические сочинения различных жанров) из различных собраний рукописей (в России, Египте, Иране, Турции и европейских странах). Автор рассматривает как письменную культуру Крымского ханства, так и сохранившиеся труды (такие, как «История Крыма» Мехмеда Неджати, «Истории» ханов Гиреев и другие); книга снабжена указателями (названий сочинений, географических названий, династий и кланов, этнонимов, медресе и мечетей), что особенно важно в подобного рода классических историографических трудах. Конечно, исследование крымских исторических хроник и правления Гиреев многократно затронуто и в других работах И.В. Зайцева⁷.

---

2 Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в 50-х – вторая половина 70-х гг. XVI в. М.: ИРИ РАН, 2007

3 Почекаев Р.Ю. «Судебная реформа» крымского хана Мурад-Гирея // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост. лит. РАН, 2009. С. 320–326.

4 Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство в 40–60-х гг. XVIII в. // Российская история. М., 2009, № 6. С. 147–157.

5 Тепкеев В.Т. Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке: 1700–1771 гг. : диссертация. М., 2005. 163 с.

6 Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Вост. лит., 2009. 304 с.

7 См., например: Зайцев И.В. Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье / Ин-т востоковедения. Санкт-Петербургский филиал. М., 2005, с. 48–85; он же. Записи генеалогий и правлений крымских ханов и крымские средневековые исторические хроники // Восток (Oriens). М., 2008. № 4, с. 28–36; он же. Три заметки к эпиграфике крымских Гиреев // Эпиграфика Востока. XXVII. М., 2008, с. 147–155; он же. Крымские

Нельзя не упомянуть особо академическое издание «Тюркские народы Крыма»⁸, посвященное, как явствует из названия, крымским татарам, караимам и крымчакам. Книга создана коллективом авторов. Первая часть исследования посвящена караимам (автор-составитель Л.В. Чижова), вторая – крымским татарам (Ш.Ф. Мухаммедьяров, Л.И. Рославцева, В.А. Сидоренко) и третья — крымчакам (И.В. Ачкинази); также имеется приложение «К антропологии народов Крыма» (о физической антропологии, С.В. Васильев, Т.К. Ходжайов). Книга снабжена иллюстрациями — черно-белыми и цветными фотографиями из архивов.

В первой части рассматривается происхождение караимов, проблема их этногенеза, весьма подробно рассматривается лингвистическая сторона вопроса, диалекты караимов, организация религиозной жизни, обряды жизненного цикла. В отдельной главе рассматривается фольклор и литература караимов, в т.ч. караимская периодика и типографское дело (журналы «Давул», «Караимская жизнь», «Караимское слово», «Сабах», которые представляли на своих страницах главным образом беллетристику и привлекали к сотрудничеству ученых и литераторов).

В той части исследования, что посвящена крымчакам, содержится подробный очерк языка и письменности крымчаков (особо сказано о крымчаковском собрании рукописей из ИВР РАН), источников по истории и этнографии этого народа, о котором «до настоящего времени в научной и в популярной литературе нет четкого понимания, ...являются ли они отдельным этносом или этнографической группой-частью какого-либо этноса, живущего за пределами Крыма».

Вторая часть, также состоящая из нескольких глав и посвященная крымским татарам, весьма детально рассматривает историю крымских татар — содержит подробный обзор источников и литературы, очерки истории Крымского ханства, описание системы государственного устройства и общественного быта, хозяйственной деятельности и традиционных промыслов (виноградарство, солеварение, садоводство и пр.), материальной культуры. В данной главе рассматривают-

---

ханы в ссылке на Родосе // Восточная коллекция. Лето 2009. № 2 (37). С. 96-101; он же. Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910-1973). М., 2010. С. 288-298.

8 Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова. М., 2003. 459 с. (Народы и культуры)

ся города (сс. 224-231), такие как древний Солхат, «самый большой внутрикрымский татарский город» Карасубазар и порт Гёзлев, в меньшей степени Бахчисарай, Салачик, Перекоп и Ак месджит (Симферополь). Относительно Карасубазара приводятся свидетельства знаменитого турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби («Книга путешествий») — город «отстроенный и украшенный», в котором 1140 лавок, 28 мечетей и 10 кофеен, невольничий рынок и 8 мостов через р. Карасу. Авторы исследования приходят к выводу, что к началу XX в. традиционная татарская культура, за исключением двух старых татарских центров — Бахчисарая и Карасубазара — а также части деревень,... начинает растворяться под российским влиянием. В главе «Духовная культура» рассматриваются календарные обычаи и обряды, мусульманские праздники, народная медицина. В то же время часть, посвященная литературе, фольклору и очерку крымскотатарского языка включая топонимию Крымского п-ва, не столь подробна.

Также весьма большой интерес представляет 7 глава этой части «Крым и крымские татары: историческая демография и современная этнополитическая ситуация», рассматривающая этапы этнодемографической истории Крыма после присоединения к России, в течение XIX– начала XX вв., до депортации, вопросы миграции и урбанизации в ссылке (расселение в Средней Азии), расселение крымских татар на полуострове в прошлом и после репатриации.

Острые проблемы современности и недавнего времени затрагивает также известный сборник «Крымские татары: (Проблемы репатриации)»⁹, созданный по итогам пилотажной экспедиции ИВ РАН 1992 г. В книге рассматриваются проблемы возвращения на родину крымских татар и анализируются социальные, идеологические и, что также немаловажно, экологические проблемы репатриации. Авторы-составители отмечают: «Если мы имеем дело не только с возрождением, сколько с рождением этноса, то появляется редкий шанс в современных условиях проследить процесс этногенеза буквально от его начала и выявить присущие ему закономерности».

Сугубо статистическую сторону процесса формирования многонационального населения Крыма освещает издание «Население Крыма»¹⁰. Работа основана на статистических данных изменения

⁹ Крымские татары: (Проблемы репатриации). Сост., отв. ред.: А.Р. Вяткин, Э.С. Кульпин-Губайдуллин. М.: ИВ РАН, 1997. 171 с.

¹⁰ Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII–конце XX века (Численность, размещение, этнический состав). М.: ИРИ РАН, 2003. 160 с.

численности населения и этнического состава за весь период истории полуострова после присоединения к России. Издание снабжено указателем имен собственных и географических названий.

Необходимо упомянуть также и другие популярные работы по истории Крыма, например «История Крыма: Князь Долгоруков-Крымский» А.Р. Андреева и его же «История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова»¹¹. Последняя работа, по словам автора, «является опытом обобщения и анализа обширного научного и археологического материала, касающегося истории Крыма».

Крайне интересными являются исследования, посвященные мусульманскому просветительству, деятелям крымскотатарской культуры и, прежде всего, Исмаилу Гаспринскому.

Среди них — монография А.Т. Сибгатуллиной (ИБ РАН) «Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX-XX вв.», вышедшая при поддержке Фонда исследований исламской культуры в 2010 г. в Москве¹². Это исследование посвящено отношениям и взаимосвязям тюрок-мусульман Российской и Османской империй в указанный период времени; в первой части монографии рассматриваются вопросы осуществления хаджа, его маршруты, проблемы, возникавшие перед паломниками на пути в Мекку. Вторая часть исследования — «Россия мусульманская глазами османцев» — повествует о приезде в Российскую империю представителей османской интеллигенции (Махмуд Эсад-эфенди и пр.); их впечатления от путешествий по Российской империи, в том числе и по Крыму и знакомству с местной мусульманской интеллигенцией вызывают большой интерес у историков. В определенной степени в книге рассматриваются также вопросы присутствия российских тюрок-мусульман в Османской империи, среди них такие ученые и публицисты, как Исмаил Гаспринский, Юсуф Акчура, Мехмед Эмин Ресулзаде и многие другие.

Кроме того, относительно недавно в Казани вышел ряд изданий, посвященных Исмаилу Гаспринскому на русском и татарском языках. Среди них — сборник статей «Исмәгыйль бәк Гаспринский»¹³.

---

11 Андреев А.Р. История Крыма: Князь Долгоруков-Крымский. М., 2001. 430 с.; он же История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 2002. 274 с.

12 А.Т. Сибгатуллина. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX-XX вв. М.: Исток, 2010. 264 с.

13 Исмәгыйль бәк Гаспринский. Казан: Алма-Лит, 2004.

В этой связи также необходимо упомянуть небольшую статью А.А. Ахунова «И. Гаспринский — объект исследования ученых России и СНГ: обзор книжных изданий последних 10 лет» [Ахунов, 2011], посвященную обзору литературы, освещающей жизнь, научную работу и деятельность И. Гаспринского (из обзора, во многом охватывающего значительное количество и украинских публикаций, очевидно, что в России изданий подобной тематики пока немного).

Книга «Исмәгыйль бәк Гаспринский», выпуск которой посвящен 90-летию со дня кончины И. Гаспринского, включает в себя статьи из татарской прессы, опубликованные в 1914 г., а также несколько материалов, вышедших чуть позже. Как отмечает А. Ахунов, «новизна и важность этого сборника заключалась прежде всего в том, что малоизвестные или малодоступные ранее статьи корифеев татарской общественной мысли впервые вышли на доступной кириллице, что, по сути, дало им вторую жизнь» [Ахунов, 2011]. Два года спустя, в 2006 г., вышла книга «Гаспринский Исмәгыйль: тарихи-документаль жыентык»¹⁴: «Эта книга — наиболее полное на постсоветском пространстве издание, охватившее самые различные сферы деятельности крымско-татарского просветителя...составителями помещены самые разные документы. Это его произведения и публицистика, различные выступления..., его переписка с коллегами, друзьями и близкими, множество новых материалов, извлеченных из российских и крымских архивов, татарской прессы начала XX в., что дает в целом представление о малоизвестных страницах биографии Гаспринского» [Там же].

В 2001 г. был опубликован труд Э. Байрамова «Великий просветитель российских мусульман Исмаил Гаспринский»¹⁵, который, будучи основанный на архивных материалах, все же является более популярным, чем научным [Там же].

Продолжают переиздаваться ставшие уже классическими труды: В.Д. Смирнова — «Крымское ханство под верховенством Османской Порты»¹⁶.

---

14 Гаспринский Исмәгыйль: тарихи-документаль жыентык. Казан: Жыен, 2006.

15 Байрамов Э. Великий просветитель российских мусульман И. Гаспринский. М.: Экслибрис-Пресс, 2001.

16 Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты: В 2-х т. М.: Рубежи XXI, 2005. (Ист. б-ка: История России). Т. 1: Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. 541 с.: ил. Т.2: Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России.

Традиционно много за указанное время издано работ, посвященных археологии Крыма и в основном освещающих работу российских экспедиций в Крыму, например, Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, которая под руководством М.Г. Крамаровского и В.Д. Гукина начала исследования сельской округи средневекового Солхата (современный город Старый Крым) в 1994 г., а также античному и эллинистическому периоду истории полуострова¹⁷. Среди них, в основном материалы Старокрымской экспедиции¹⁸, а также экспедиций Института археологии РАН¹⁹.

В современной российской научной литературе мало работ, посвященных целиком истории, культуре того или иного региона/города Крыма (если речь не идет об археологии); как правило, они рассматриваются в контексте исследования более общих проблем, а особое внимание привлекают немногочисленные исследования, посвященные отдельным областям или городам Крыма. Например, Карасубазар рассматривается в контексте истории еврейской книжности (см., например, работы С.М. Якерсона²⁰). Необходимо упомянуть и о переиздании классического труда П.С. Паласа «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах» (М.: Наука, 1999), содержащего в числе прочих городов Крыма довольно подробное описание Карасубазара, а также докторскую диссертацию историка А.Г. Еманова «Образование городской коммуны Кафы (до сер. XV в.)» (Екатеринбург, 1997), целиком посвященную формированию этого средневекового города, его этнического состава.

Во то же время следует отметить сравнительное небольшое количество трудов, связанных с историей литературы народов, традиционно проживающих в Крыму (например, вопросы, связанные с фи-

---

17 Лызлов А. Скифская история. М. 1990.

18 См. например: Крамаровский М. Г. Гукин В. Д. Поселение Бокаташ II: (Результаты полевых исследований Золотордынской археологической экспедиции ГЭ в 2001-2003 гг.). СПб., 2004; они же. Работы золотоордынской археологической экспедиции в 1998 г. // ОАС ГЭ. СПб., 1999. С. 24-28

19 См. например: Масленников А.А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье) / РАН, Ин-т археологии. М.: Триумф-принт, 2010; он же. Античное святилище на Меотиде. Ин-т археологии РАН. М., 2006. 152 с.

20 Якерсон С.М. Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические, и книговедческие аспекты. М., 2003. 256 с.

логией крымскотатарского языка, как правило, освещаются в составе общих работ по филологии и языкознанию тюркских языков или же в составе общих работ по истории народов Крыма, см. выше).

В 2010 г. в Москве в издательстве «Восточная литература» РАН был издан первый том «Свода тюркских слов» (или «Диван лугат ат-турк») знаменитого филолога XI в. Махмуда Кашгарского в переводе А.Р. Рахимова под редакцией И.В. Кормушина²¹. По словам А.Н. Кононова, по богатству содержания «Словарь» Махмуда Кашгарского представляет собою единственный в своем роде труд, в котором представлены: 1. Лексика с указанием племенной принадлежности; 2. Сведения о расселении тюркских племен; 3. Классификация тюркских языков; 4. Сведения по тюркской исторической фонетике и грамматике; 5. Сведения по истории, географии, этнографии, поэзии и фольклору тюрков; 6. Самая старая тюркская карта мира «и в целом Словарь в настоящее время является часто единственным источником о жизни тюрков XI в.: о предметах материальной культуры..., об этнонимах и топонимах, родоплеменных делениях, о реалиях быта, о домашних и диких животных и птицах, о терминах животноводства, о растениях и злаках, о терминах родства и свойства... и т.п.».

В заключение хотелось бы отметить, что и работы соответствующей тематики, издающиеся в Крыму, не остаются без внимания российских исследователей. Примером тому и уже упомянутый обзор А.Ахунова, куда включены не столько труды, посвященные И. Гаспринскому, вышедшие в России, сколько литература, изданная в Крыму и Киеве, и другие рецензии в российских журналах. Так, в журнале «Письменные памятники Востока» выходит рецензия книгу А.А. Непомнящего «Подвижники крымоведения»²²: «Книга, как персонифицированная история изучения Крыма, как фундаментальное исследование справочно-аналитического характера, как определенный итог и обобщение результатов изучения вопросов данной тематики представляет интерес для широкого круга читателей, как

---

21 Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3-х томах. Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И.В. Кормушина, предисл. и введ. И.В. Кормушина. Прим. И.В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. Т. 1. М.: Вост. лит., 2010. На русском языке в 2005 г. в Алма-Ате в переводе З.-А. М. Ауэзовой был издан полный текст словаря, снабженный указателями.

22 Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. т. 2: TAURICA ORIENTALIA (Библиография крымоведения; Вып. 12), 595 с.

специалистов — историков и востоковедов, так и тех, кто еще только открывает для себя богатый мир крымоведческих исследований» [Орел, 2012].

Литература

Якерсон С.М. Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические, и книговедческие аспекты. М., 2003. 256 с.

Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3-х томах. Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И.В. Кормушина, предисл. и введ. И.В. Кормушина. Прим. И.В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. Т. 1. М.: Вост. лит., 2010. На русском языке в 2005 г. в Алма-Ате в переводе З.-А. М. Ауэзовой был издан полный текст словаря, снабженный указателями.

Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2008. т. 2: TAURICA ORIENTALIA (Библиография крымоведения; Вып. 12), 595 с.

Ахунов, 2011 — Ахунов А.М. И. Гаспринский – объект исследования ученых России и СНГ: обзор книжных изданий последних 10 лет // Исмаил Гаспринский и рождение единства российских мусульман: материалы научно-практической конференции. М.-Н.Новгород: ИД «Медина», 2011. С.61-64.

Зайцев, 2009 — Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Вост. лит., 2009.

Орел, 2012 — Орел Л.В. Рецензия на кн. Непомнящий А.А. Подвижники крымоведения // Письменные памятники Востока. М., 2012, № 1(16) (в печати).

У. К. АСАНОВА
(Крым, Украина)

*Научный руководитель
д.и.н., проф. В. М. Хмарский*

КАРАСУБАЗАР В ЭТНОГРАФО-ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ У. А. БОДАНИНСКОГО (1921-1926 гг.)

Основным вдохновителем и организатором планового экспедиционного обследования полуострова, изучения этнографии был директор Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры (ГДМТТК) Усеин Абдурефиевич Боданинский (1877-1938). Жизненный путь краеведа был воссоздан проф. Д. П. Урсу благодаря его скрупулезным архивным штудиям в Государственном архиве литературы и искусства Российской Федерации, а также в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) [1]. Крымовед родился в деревне Бадана, Симферопольского уезда в семье преподавателя Симферопольского народного татарского училища. После окончания народной школы (1888 г.), а затем Симферопольской татарской учительской школы (1895 г.) Усеин обучался в Строгановском художественно-промышленном училище (1895-1905 гг.) по мастерской К. А. Коровина и получил звание художника по прикладному искусству. В 1905-1907 гг. У. А. Боданинский преподавал графику в Симферопольском коммерческом училище, а в 1907 г. вновь вернулся в Москву, где руководил художественно-промышленной школой филиала Строгановского училища. В 1911 г. его пригласили в Санкт-Петербург, где он в течение шести лет работал художником-декоратором, выполняя эскизы интерьеров. С началом революционного лихолетья вернулся в Крым, где стал одним из организаторов открытия и первым директором музея в Ханском дворце [2; 3].

Архивные документы свидетельствуют, что в течение 1921-1923 гг. основное внимание немногочисленного коллектива сотрудников музея во главе с У. А. Боданинским уделялось реставрационным работам, подготовке залов (ремонт помещения) и витрин, которые они изготавливали сами. Небольшая экспозиция, включавшая предметы национальной крымскотатарской одежды, утварь, мебель и ювелирные изделия пополнялась только путем добровольных пожертвований [4].

В «Дневнике» У. А. Боданинского выявлены наброски «Плана работы на 1923-24 годы» (запись за 21 декабря 1923 г.), где под номером 6 значилось: «Поднять значение Бахчисарайского музея, сделать его Центральным музеем татарского искусства и истории в Крыму. Настоять на передаче татарской исторической коллекции из Центрального музея Тавриды в Бахчисарай.

Предпринять исследовательские работы в Старом Крыму, Карасу-Базаре и Кырк-Чолпане, Эски-Серае и этнографические в Евпаторийском и Судакском районах» [5]. Из «Годового отчета с 1-го октября 1924 г. по 1-е октября 1925 г.» ГДМТТК в Бахчисарае перед Главнаукой становится ясным, что к началу 1925 г. в музее оформились девять отделов из которых четыре освещали крымскотатарскую этнографию: 1) ткани, вышивки, ковры, платья; 2) утварь, мебель; 3) глина, стекло, фаянс; 4) ювелирные изделия [6]. Более систематическими стали пополнения коллекций, производимые путем сбора у местного населения, среди которого проводилась разъяснительная работа о необходимости безвозмездной передачи в музей ненужных вещей, инвентаря, книг. Кроме того, У. А. Боданинский действительно много делал для того, чтобы этнографическое собрание в Бахчисарае стало ведущей коллекцией, освещающей культуру и быт крымских татар среди аналогичных собраний (Центральный музей Тавриды (ЦМТ), Восточный музей в Ялте). 11 апреля 1924 г. вместе с А. И. Полкановым У. А. Боданинский ездил в Ялту, где добился передачи в Бахчисарайское собрание ряда коллекций Восточного музея [7]. 22 января 1925 г. из ЦМТ в ГДМТТК были переданы 58 предметов коллекции крымскотатарского быта: оружие, утварь, платья, обувь [8].

С 1924 г. начали проводится этнографические экспедиции по обследованию, прежде всего, Бахчисарайского района, а также выезды в более отдаленные части Крыма для разъяснения необходимости добровольной сдачи вещей в музей. В «Дневнике» 22 февраля 1924 г. У. А. Боданинский отметил: «Вдвоем с Шейх Мемет Вехби предприняли обследование частных домов в разных частях города, имеющих историко-художественное значение» [9]. Этнографы выделили 10 домов, в которых «представляет интерес общая архитектура окна, балкон, двери, колонны, капители». В дневнике помещено 43 рисунка [10] крыш, окон, фонтанов, лепки потолков, плафонов, выступов крыши, дымовых труб, дверей, колонн, общих видов жилых зданий, флигелей. Помещены пояснения к рисункам и общие описания по-

строек, которые не несут элементов анализа и сравнения. Из дневниковых записей становится ясным, что обмерами наружных фасадов зданий Бахчисарая и ближайших окрестностей У. А. Боданинский занимался до 28 февраля. Ему помогли Мамут Курти и А. Таков.

Изучение крымскотатарских построек проводилось и в дальнейшем. 8 июля 1924 г. был обследован и «взят на учет и в ведение Охриса дом Мурадасыл Муслим в дер. Коккоз». В «Дневнике» У. А. Боданинский не только поместил его рисунок с пояснениями, но и привел историческую справку о построении здания [11].

Предметом отдельного интереса бахчисарайских этнографов было изучение цехового производства у крымских татар. Так, 10 июля 1924 г. сотрудники ГДМТТК посетили цех кожевников. В «Дневнике» музея У. А. Боданинский по этому поводу помещена подробная запись об организации цехов, обычае посвящения в мастера, переводе из подмастерьев в мастера и другие цеховые обычаи крымских татар [12].

В «Дневнике» Бахчисарайского музея содержится информация об экспедиции ГДМТТК 1924 года. У. А. Боданинский записал: «С 13 августа по 6 сентября 1924 г. объездили и обходили вместе с Османом Акчокраклы часть Крыма по следующему маршруту: Бахчисарай – Коккоз – Ай-Петри – Кореиз – Ялта – Алупка – Ливадия – Алушта – Куру-Узень – Кучук-Узень – Туак – Ускут – Капсихор – Кутлак – Судак – Таракташ – Феодосия – Старый Крым» [13].

Наиболее яркое впечатление на этнографов произвели с этнографической стороны деревни Ускут и Каспихор, где сохранились нетронутые женские одежды, дома-дамлы с плоской крышей и многообразная бытовая обстановка. По согласованию с местными работниками было учреждено представительство ГДМТТК в деревне Кучук-Узень в лице местного культработника Арефий Усеин-Заде.

Отметив, что «в Феодосии очень много интересных памятников Турко-татарского периода», У. А. Боданинский поместил в «Дневнике» (запись за 6 сентября 1924 г.) рисунки наиболее интересных из них – тех, что подчеркивают неповторимый колорит крымскотатарской культуры. Рисунки снабжены емкими авторскими комментариями [14]. Они свидетельствуют о хороших познаниях автора в вопросах архитектурных и художественных стилей. Этнограф, очевидно, пытался проследить влияние, которые оказывали на крымскотатарские постройки и их оформление соседние этносы: греки, армяне (район Феодосии), турки (Южный берег Крыма), караимы (Евпа-

тория). Однако теоретических выкладок автора по данному вопросу не выявлено.

С 16 по 21 сентября 1924 года в Симферополе проходила III Всекрымская конференция музейных работников. Это, по сути, был съезд крымских краеведов. Наравне с музейными работниками, археологами, этнографами, там присутствовали А. И. Маркевич, приглашенные из столиц известные этнографы-крымоведы Г. А. Бонч-Осмоловский, Б. А. Куфтин, а также руководитель Государственной академией материальной культуры Б. В. Фармаковский. У. А. Боданинский сумел провести на конференции решение, в котором говорилось: «Обратить всемерное внимание на развитие Бахчисарайского музея как центра истории татарской культуры и этнографии путем передачи ему памятников и коллекций, имеющих отношение к татарской культуре и этнографии» [15]. Среди резолюций III Всекрымской конференции по музейному строительству, предполагалось создать при ГДМТТК отдельный Научно-исследовательский институт крымскотатарской культуры, который должен был наладить совместные исследования с (Всесоюзная научная ассоциация востоковедения) ВНАВ.

Весной 1925 г. предполагалось созвать съезд ориенталистов-крымоведов в Бахчисарае, на котором обсудить вопросы развития краеведческих и этнографических исследований на полуострове в области крымскотатарской культуры [16].

Свидетельством ежедневной методичной работы сотрудников ГДМТТК в области изучения этнографии является постоянно помещаемый в годовых отчетах перечень сделанных ими докладов. Здесь, прежде всего, выделялись по научному уровню публичные выступления директора музея. Так, 22 ноября 1924 г. У. А. Боданинский представил в организационном бюро Крымского кустарного союза доклад о состоянии кустарных промыслов в Бахчисарае до войны 1914 г. и о мерах по поднятию их. При подготовке доклада сотрудникам ГДМТТК были обследованы следующие кустарные промыслы: кожевенный, торбочники, войлочники и др. У. А. Боданинский констатировал, что наблюдается угасание промыслов, а некоторые из них исчезли совсем: «казас», «пичакчи», ткацкое дело, «каваф» и др. [17].

Авторитет ГДМТТК уже в 1924 г. был достаточно высоким среди советских этнографов-крымоведов и ориенталистов вообще. Об этом свидетельствуют дневниковые записи У. А. Боданинского, где он приводил данные о посещении дворца-музея различными учены-

ми. Так, 17 мая 1924 г. в Бахчисарай приехали академик И. Ю. Крачковский с супругой. Игнатий Юлианович прочел в ГДМТТК лекцию «Арабская культура и ее влияние на европейскую культуру» для будущих экскурсоводов [18]. 25 мая 1924 г. Вера Александровна Крачковская прочла для сотрудников музея лекцию «История мусульманской архитектуры» [19]. Очевидно, будущим экскурсоводам язык И. Ю. Крачковского показался сложным, так как 10 июня 1924 г. на назначенную по инициативе музея публичную лекцию академика-арабиста «Задача арабистики в Крыму» не пришли слушатели. Она была прочтена на следующий день для учителей [20]. 8 июля 1924 г. приехавший из Ленинграда сотрудник Этнографического отдела Русского музея Г. А. Бонч-Осмоловский выступил перед руководителями учебными экскурсиями с докладом «Изучение быта караимов, крымчаков и цыган» и рассказал о планах кино съемки по татарской этнографии: «Свадьбы чабана». В сентябре 1924 г. в ГДМТТК приехал Б. А. Куфтин с целью изучения цехового устройства крымскотатарских ремесленников. Этому вопросу он посвятил публичную лекцию [21].

В канун Нового 1925 г. У. А. Боданинский сделал запись в «Дневнике», которую можно рассматривать как отдельную научную работу этнографа: «Экспедиция по Крыму летом 1925 г.» [22]. Очерчивая проект будущим исследовательских работ этнограф отметил, что «В Крыму до сих пор очень мало сделано в отношении изучения материальной культуры татар. Во времена старого буржуазного режима из Центров, время от времени, посылались экспедиции и отдельные ученые, которые собирали и увозили из пределов Крыма предметы народного творчества и быта» [23]. Выделив факт образования после Октябрьской революции Бахчисарайского музея, У. А. Боданинский объективно указал, что здесь «этнографические коллекции не представлены еще в исчерпывающем виде. Необходимо этот пробел пополнить, собрав на всей территории КрССР историко-этнографический материал, который на наших глазах очень быстро исчезает. Если мы пропустим еще несколько лет, то весь этот богатейший материал погибнет для истории» [24]. В связи с этим ученый выделил как первоочередную задачу «собрать и записать памятники татарского народного эпоса и музыки» [25].

Для изучения и собирания памятников крымскотатарской культуры директор музея предлагал в течение 45 дней провести экспедицию по маршруту: Симферополь – Евпатория – Шейхлар-тат – Кыр-

Актачи – Кырк-Чалпан – Кара-Найман – Унгар – Найман – Чегер-декчи – Мангыт – Бурлак-Тама – Ток-Булек – Черкез-Тобай – Эски-Крым – Шейх-Эли, Колечь-Акманай (Арабат) – Керчь – Феодосия – Ай-Серез – Шелен, Арпат, Ускут – Карасубазар – Аргын – Джафер – Берды – Эски-Серай – Карач-Улаклы – Эски-Юрт – Бахчисарай [26].

По замыслам У. А. Боданинского в экспедиции должны принимать участие различные специалисты: археологи, историки культуры, языковеды, этнографы, топографы.

Планы директора были воплощены в жизнь благодаря решению КрымЦИК и Совета Народных Комиссаров Крымской АССР. При участии ВНАВ было решено провести научную этнографо-археологическую экспедицию на базе ГДМТТК. Ее задачей определилось всестороннее изучение крымскотатарской культуры [27]. Экспедиция проходила с 25 июня по 16 сентября 1925 года. С целью выявления районов и населенных пунктов, в которых уцелел еще нетронутый бытовой и фольклорный материал, этнографы посетили 64 населенных пунктов степного и восточного Крыма. В «Дневнике Бахчисарайского музея У. Боданинский так подытожил ее работу»: «С 25 июля по 10 сентября 1925 года участвовал в Этнографической экспедиции по изучению татарской культуры. Был ответственным руководителем. В группе принимали участие: 1) Осман Акчокраклы (экономика, народная литература) 2) Асан Рефатов (народная музыка) 3) я (история культуры, этнография) 4) практикант Абдуль Рашид Челебиев (художник) 5) практикант Аббас Хильмх Кадыэскеров (фотография) 6) практикант Саффет Абдуль-Рагим (народная литература, эпиграфика). Объехали весь Крым за исключением Керченского полуострова и Южного берега Крыма от Туака до Ялты. Собрали 400 старинных тамг, сделали 130 фотоснимков. Собрали и записали 300 образцов татарской народной литературы и 200 татарских народных песен. Собрали до 150 этнографических предметов и 50 эпиграфических памятников в виде отдельных рукописей и рукописных книг» [28]. Участники экспедиции посетили 63 населенных пункта, где ими было сделано 32 доклада об экспедиции. Именно в данный период крымская этнография переживала критический момент: механизация вытесняла деревянные орудия, керамику, кустарные текстильные изделия. Этнографы смогли убедиться, что при слабой сохранности элементов быта, значительно лучше представлены в селениях старые костюмы, обычаи, предметы народной техники (осо-

бенно между Алуштой и Судакком). Был прослежен характер деревенского строительства, который менялся в зависимости от климатических условий. В степных деревнях – двускатная глинобитная кровля, а в горных – плоскокрышие дома, расположенные ступенчато так, что крыша нижнего служит двором для следующего верхнего. Внутреннее убранство, по заметкам участников, лучше сохранилось в Капсихоре [29].

Благодаря собранным материалам значительно выросла экспозиция музея. По данным «Сведений Бахчисарайского дворца-музея о пополнении коллекций за период с 1 октября 1924 г. по 1-ое октября 1925 г.» в музей поступило тканей, вышивок, платьев и ковров – 36 единиц; утвари – 68 единиц [30].

С 30 января 1925 г. ГДМТТК была начата подготовка эскиза Крымского павильона для Парижской выставки декоративного искусства, которая намечалась в мае-октябре этого года. Музей готовил к этому мероприятию крымскотатарские национальные костюмы (женский и мужской), изделия крымскотатарской культурной промышленности, вышивки, изделия из дерева, серебра и др.

У. А. Боданинский передал в Симферопольский оргкомитет выставки первую партию материалов уже 18 февраля 1925 г., вторую партию – 24-26 февраля. В начале марта была передана последняя часть экспозиции от ГДМТТК для Парижской выставки [31].

Дальнейшее приращение коллекции ГДМТТК было связано с решением ликвидировать из-за отсутствия средств содержания как музей Коккозский дворец (охотничий домик) князя Ф. Юсупова. Все его имущество 1-3 октября 1925 г. было перевезено в Бахчисарай [32]. К этому времени собрание ГДМТТК приобретает все большую известность. Его описание и характеристики отдельных собраний помещают ведущие научные издания СССР [33; 34]. Не случайно это научное заведение должно было стать базой для проведения всесоюзной конференции по изучению материальной культуры и искусства тюркских народов. Инициатором проведения такого научного форума выступил У. А. Боданинский. В «Дневнике Бахчисарайского музея» 31 декабря 1924 г. У. А. Боданинский отметил: «Сегодня составил программу съезда по изучению татарской культуры, созываемого в Бахчисарае в конце мая – начале июня 1925 г.» [35]. В набросках программы значились доклады: «Международное и внутреннее положение в СССР», «Советская власть и Восток», «Культура Востока и тюрко-татарские племена», «Доклады с мест о последних до-

стижениях в области изучения тюрко-татарской культуры», «Доклады представителей Центральных научных учреждений по вопросу изучения тюрко-татарской культуры», «Итоги изучения культуры тюрко-татар», «План дальнейших работ и ежегодные съезды по изучению тюрко-татарской культуры», «Знакомство членов съезда с памятниками татарской культуры в Бахчисарае и экскурсии» [36].

Весной 1925 г. программа съезда приняла уже более реальные очертания. Это явствует из подготовленного У. А. Боданинским «Плана созыва Съезда в Бахчисарае по изучению татарской культуры», где отмечалось, что

1. Съезд желательно созвать в конце мая или начале июня 1925 г.
2. Необходимо выхлопотать из Крымского Совета Народных Комиссаров на расходы по созыву ок. 1000 руб.

3. Подготовить помещение на 50 чел. во флигеле и отвести комнаты.

4 и 5 пункты оговаривали организацию питания и экскурсий.

6. Организовать доклады следующих участников съезда: акад. В. В. Бартольд, проф. А. Н. Самойлович, акад. С. Ф. Ольденбург, проф. И. Н. Бороздин, проф. А. С. Башкиров, У. А. Боданинский, акад. Н. Я. Марр, А. Кончевский [37].

Эту информацию дополняет еще одна запись из «Дневника» У. А. Боданинского: «12 марта 1925 г. в Симферополе состоялось заседание комиссии по созыву Татароведческого съезда в Бахчисарае в 1925 г. Рассматривалась программа съезда. Предполагалось, что с основным докладом «Политика СССР на Востоке» выступит председатель ВНАВ Павлович-Вельтман. Доклад «Итоги и очередные задачи работ по тюркологии в Союзе ССР» поделят А. Н. Самойлович (Ленинград) и Б. В. Чобан-заде (Баку). По вопросу об итогах и перспективах татароведческой работы в Крыму доложат по аспектам: археология (У. А. Боданинский, О. А. Акчокраклы); этнография (Б. А. Куфтин, В. И. Филоненко); экономика (А. Озенбашлы, затем его фамилия была вычеркнута); лингвистика (Б. Чобан-Заде); культурное строительство (У. Балич и А. Одабаш, обе фамилии вычеркнуты). Предполагалось заслушать отчеты о тюркологической работе в Азербайджане, татарской республике, Башкирии, Туркменистане, Узбекистане и других местах» [38]. Однако ни в 1925, ни в 1926 годах собрание ориенталистов и этнографов в Бахчисарае не состоялась. Главной причиной, очевидно, было отсутствие финансирования, а также организация в феврале-марте 1926 г. Первого Всесою-

ного тюркологического съезда в Баку. Основные организаторы научного форума (У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, Б. П. Денике, В. М. Зуммер) не оставляли и в дальнейшем идеи все-таки провести съезд в ГДМТТК. Единственным доступным нам источником по этому вопросу является обстоятельная публикация В. М. Зуммера «Московское совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов», опубликованная в «Известиях» Общества обследования и изучения Азербайджана [39]. 3-4 февраля 1927 г. в связи с назначенной на 5-10 мая 1927 г. конференцией в Бахчисарае, в Москве (в Центральный музей народоведения) собралось особое совещание по тюркской культуре и искусству. Выступившие (И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, В. М. Зуммер, Б. П. Денике, Б. Н. Засыпкин, Д. К. Тренев, Ф. В. Гогель) наметили основные направления изучения тюркских народов: археологического изучения и сохранения древних архитектурных памятников; аспектов исследования тюркского искусства, в частности в вышивках и миниатюре. Хотя в статье указывались конкретные сроки работы конференции, ее проведение вновь было перенесено на неопределенное время, а затем вообще забыто.

Экспедиционное обследование Крыма этнографами ГДМТТК было продолжено в 1926 г. 5 человек работали в Карасубазаре, а 3 человека на Керченском полуострове, где собирали крымскотатарский фольклор, народные музыкальные инструменты, проводили обследование построек [40].

Энергия и трудолюбие, увлеченность У. А. Боданинского поражают. Вот данные из «Отчета о деятельности ГДМТТК в г. Бахчисарае с 1 сентября 1926 г. по 1 октября 1927 г.». За один этот год этнограф подготовил и прочел следующие доклады: «Историко-этнографическая экспедиция 1925-1926 гг.», «Задачи Бахчисарайского музея», «Историко-этнографическое изучение Крыма», «Искусство крымских татар», «Бахчисарай в общественной и культурной жизни крымских татар», «Татарское народное искусство и промыслы в Крыму», «Художественная культура крымских татар», «Роль Восточного музея в изучении татарской культуры» и др. [41].

Таким образом, сформировавшееся в стенах Ханского дворца в Бахчисарае этнографическое собрание было посвящено только крымским татарам. Изучение материальной культуры и этнографии этого этноса стало основным направлением деятельности ГДМТТК. Этим научным учреждением были проведены наиболее масштаб-

ные экспедиционные исследования по всей территории полуострова (1925-1926 гг.). Их результаты легли в основу этнографических публикаций директора ГДМТТК У. А. Боданинского, где впервые были детально рассмотрены организационное устройство и производство в крымскотатарских цехах.

Примечания

1. Урсу Д. П. Новые архивные материалы по истории востоковедения в Крыму / Д. П. Урсу // Востоковедный сборник.– Симферополь, 2000.– Вып. 4.– С. 15-17.

2. Козлов В. Боданинский Усеин / В. Козлов // Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944 гг.): Библиографический словарь.– Симферополь, 1999.– С. 59-61.

3. Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917-1991) / Подг. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина.– СПб., 2003.– С. 69.

4. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 998, л. 5-10.

5. БГИКЗ, кп 9569, д. 386, с. 6-7.

6. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 998, л. 14-15.

7. БГИКЗ, кп 9522, д. 381, с. 42.

8. Там же, с. 172.

9. Там же, кп 9569, д. 386, с. 20.

10. Там же, с. 20-32.

11. Там же, с. 59.

12. Там же, с. 60-62.

13. Там же, с. 64.

14. Там же, с. 66.

15. ГАРК, ф. Р-460, оп. 1, д. 1328, л. 30.

16. Там же, л. 31.

17. БГИКЗ, архив, № 5, с. 150.

18. Там же, кп 9569, д. 386, с. 45.

19. Там же, с. 47.

20. Там же, с. 48-49.

21. Там же, с. 72-73.

22. Там же, кп 9522, д. 381, с. 165-168.

23. Там же, с. 165.

24. Там же, с. 166.

25. Там же.

26. Там же.

27. Нишаева Ф. Р. Этнографическая экспедиция по Крыму 1925 г. в документах из фонда библиотеки БГИКЗ / Ф. Р. Нишаева // Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования.– Симферополь, 2002.– С. 367-368.

28. БГИКЗ, архив, № 3, с. 234-235.

29. Зуммер В. М. Тюрко-татарская секция конференции археологов в Керчи / В. М. Зуммер // Известия Азербайджанского государственного ун-та им. В. И. Ленина. Общественные науки.– 1926.– Т. 6/7.– С. 247-262.

30. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 998, л. 35.

31. БГИКЗ, архив, № 2, с. 173-174, 177-178, 182.

32. Там же, архив, № 3, с. 236.

33. Д-н А. Этнографические музеи в Крыму / А. Д-н // Этнография.– 1926.– № 1/2.– С. 305.

34. Дворец и музей татарской культуры в г. Бахчисарае // Известия Центрального бюро краеведения.– 1929.– № 4.– С. 26-27.

35. БГИКЗ, архив, № 2, с. 164.

36. Там же, архив, № 2, с. 185-187.

37. БГИКЗ, кп 9569, д. 386, с. 126-127.

38. Там же, архив, № 2, с. 185-187.

39. Зуммер В. М. Московское совещание по изучению культуры и искусства тюркских народов / В. М. Зуммер // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана.– 1927.– № 4.– С. 126-134.

40. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 998, л. 46-48.

41. ГИМ РФ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 998, л. 92-93.

Аннотации

В статье на основе неизвестного ранее корпуса архивных документов из московских хранилищ в научный оборот вводится информация о деятельности крупного центра по изучению истории и этнографии крымских татар в 1920-е годы – Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Анализируется научное наследие У. А. Боданинского.

Ключевые слова: историография Крыма, Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, У. А. Боданинский, репрессии.

У статті на підставі нового корпусу архівних джерел із московських архівосховищ до наукового обігу введено інформацію про діяльність одного з центрів із вивчення історії та етнографії

кримських татар у 1920-ті роки – Державний палац-музей тюрко-татарської культури в Бахчисараї. Проаналізовано наукову спадщину У. А. Боданінського.

Ключові слова: історіографія Криму, Державний палац-музей тюрко-татарської культури в Бахчисараї, репресії.

The article introduces to the scientific usage information about the activity of a large research center in Crimean Tatar history and ethnography in the 1920s in States of palace-museum Turk Tatar culture in the Bahchisaray, from the previously unknown corps of archival documents from Moscow depositories. U. A. Bodaninskiy is scientific heritage is analyzed.

Keywords: historiography of Crimea, States of palace-museum Turk Tatar culture in the Bahchisaray, U. A. Bodaninskiy.

Асанова Улькера Кязимовна кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры история Украины Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

95024, г. Симферополь, ул. Ешил-Ада д. 16 кв. 5.

т. м. 050-256-78-07

E-mail: musaeva_ulker@mail.ru

КЪЫРЫМТАТАР ЭДЕБИЯТЫНЫ ДЖАНЛАНДЫРУВДА БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ ФОНДЫНЫНЪ РОЛЮ

Халкъымызнынъ Ватангъа кутълевий къайтып башлагъанына чек асыр олаята. Газета, меджмуа ве нешриятларымызнынъ Къырымгъа кочюрильгенине исе 20 йыл олды. Бу йылларда эдебиятымызнынъ тикленмеси насыл олды, деген суальни къояджакъ олсакъ, онъа эки тюрлю джевап бермек мумкюн. Эм мусбет, эм менфий.

Догъру, сайы джеэтинден аладжакъ олсакъ, осювимиз баягъы гурълешти. Лякин кейфиет джеэтинден бакъсакъ, мына санъа деген осюв олмады, демек мумкюн. Кечкен асырнынъ 90-нджы сенелеринде Къырымда Сорос фонды фаалиет косътерди ве оннынъ ярдымынен онларнен бедийи ве окъув китаплары дердж этильди. Рескомнац да эр йыл къарарнен 8 – 10 китап чыкъмасына маддий къолтутты. Озь эсабына ве чешит спонсорларнынъ къолтутувынен китап чыкъаргъанлар да аз олмады. Лякин кечкен 20 йыл ичерисинде эдебиятымызда пейда олгъан юксек севиiedeки бедийи эсерлер къолнен сайсакъ пармакъ артып къаладжакъ дереджеде. Эбет буннынъ озь себеpleri бар.

Месея бедийи эсерлерге гонорар берюв деген шей токътатылды. Шу себептен профессиональ языдыжылар озь эсерлерини дердж эттирювни кесен-кес эксильттилер. Эшреф Шемьи-заденинъ ибаресинен айткъанда, бейтуйдурыджылар язалар, нешир эттирелер. Оларгъа энъ муими, язгъан шейлерини чыкъармакъ. Кейфиет хусусында тюшюнильмей. Бу йыллар девамьнда муаррир, муреттип корьмеген ве атта анги нешриятта дердж этильгени белли олмагъан онларнен китаплар чыкътылар. Шу себептен эдебиятымызда кейфиет деген шейге эмиет берильмей. Олсун назмда, олсун драматургияда, олсун несирде халкъ агъызына тюшкен киби эсер пейда олмады. Эгер олса айтынъыз, анги бир роман, повесть, икъяе, дестан къызгъын музакерелерге огърады я да олар акъкъында матбуатта къызгъын мунакъашалар, сесленювлер олды?

Затен эдебиятымызгъа эмиет берген, дикъкъат айыргъан, оны къайгъыргъан тешкилят олмады. Нетиджеде кечкен 20 йылда ана тилимизде тек эки роман, учь поэма ве бир къач повесть басылып чыкъты.

Ниает, бундан еди сене эвельси, яни 2006 сенеси къарасувбазарлы

белли иш адамы ве меценат Ресуль Велиляев Бекир Чобан-заде фондыны тешкиль этти, озь эсабына Бекир Чобан-задеге эйкель кьойдырды, улу эдибимизнинь адыны ташыгъан мейданны абаданлаштырды ве бу фонд идареси адындан Бекир Чобан-заде адына йылыкь мукъяфат илян этти. Мына энди алты йылдан берли эр йыл, эдибимизнинь догъгъан куню бу мукъяфат тантаналы суретте такъдим этиле.

Мукъяфат еди номинациядан ибарет:

1. Назмиет саасында кырымтатар тилинде дердж олунгъан энъ яхшы китап я да шиирий сечим ичюн.

2. Кырымтатар тилинде басылып чыккъан энъ яхшы несир (шу джумледен публицистик) эсер ичюн.

3. Кырымтатар филологиясы ве фольклоры боюнджа энъ яхшы ильмий ве ильмий-методик ишлер ичюн (монография, дерслик, лугъат, кылавуз, библиографик косътериш, кырымтатар эдебиятшынаслыгъы ве эдебий тенкъид тедкъикъатлары боюнджа).

4. Кырымтатар муэллифлерининь эсерлери башкъа тиллерге ве дигер тиллерден кырымтатар тилине япылгъан энъ яхшы терджи-мелер ичюн.

5. Эдебият, илим ве санат саасында Б. Чобан-заденинъ иджадыны популярлаштырув саасындаки энъ яхшы эсерлер ичюн.

6. Кырасувбазарнынъ кечмиши, бугуни ве келеджегини айдынлаткъан энъ яхшы эсерлер ве тедкъикъатлар ичюн.

7. Кырымнынъ тарихи, этнографиясы ве санатына багъышлангъан энъ яхшы тедкъикъатлар ичюн.

Корюне ки, конкурснынъ къаврап алгъан саалары гъает кениш. Шуну да айтмалы ки, мукъяфатлар тек янъы язылгъан эсерлер ичюн ве муэллифке тек бир кере бериле.

Конкурс эр йыл бериледжеги илян этильген сонъ о, иджат адамларыны янъы иджадий ишлерге рухландырды. Чюнки эр бир гъалип пара мукъяфаты, диплом ве лауреат нишанынен такъдирленеджеги илян этильди. Кечкен алты йыл ичинде конкурскъа юзден зияде эсер кельди. Оларнынъ арасында янъы язылгъан роман да, повесть де, дестанлар да, янъы шиирий китаплар ве сечимлер де, эдебиятшынаслыкъ эсерлери, дерсликлер, лугъатлар, тарихий ве публицистик эсерлер, музыка эсерлери де барлар. Меселя Рустем Муединнинъ «Агъыр такъдирлер» романыны, Шакир Селимнинъ ве Шерьян Алининъ шиирлер китапларыны, Махмуд Аллахманлынынъ Ашыкъ Умер акъкъындаки монографиясыны, бестекяр Февзи Алиевнинъ

Б. Чобан-заде шиирлерине язгъан йырларыны, бестекяр Мерзие Халитованынъ Б. Чобан-заденинъ хатырасына багъышлап язгъан буюк колемли музыка эсерини, профессор Исмаил Керимовнынъ алим, этнограф ве яздыжымыз Осман Акъчокъракълынынъ эсерлер джыйынтыгъыны азырлап чыкъаргъаны, Нариман Сеитягъев Бекир Чобан-заденинъ эсерини азырлап чыкъаргъаны, америкалы терджиман Айше Азаде Рорлихнинъ Исмаил Гаспринскийнинъ «Френкистан мектюплери» эсерини англиз тилине терджиме этип чыкъаргъаны, тюркиели яш алим Зейнеп Озьдемнинъ мешур «Къадыаскер дефтерлери»ни огренюм эснасында яраткъан монографиясы буларнынъ тек бир къысымыдыр. Бунъа къошма оларакъ тарихчи Гульнара Бекированынъ къырымтатарлар акъкъындаки салмакълы эсерини, Олекса Гайворонскийнинъ Къырым ханлары акъкъындаки 2 томлы китабыны да айтмакъ мумкюн.

Алимлер, яздыжылар, шаирлер, эдебиятшынаслар, наширлер ве оджалардан ибарет махсус жюри азалары конкурскъа кельген бутюн эсерлернен тавсилятлы таныш олалар, сонъра бир ерге топланып музакере эте ве гизли рей берювнен гъалиплерни бельгилейлер.

Кечкен 5 йыл (2007 – 2011 сс.) ичинде 22 муэллиф конкур лауреаты олды. Шуны да айрыджа къайд этмек керек ки, конкурста иштирак эткенлернинъ джогъграфиясы да йыл-йылдан кенишлей. Биринджи сенелери тек къырымлы муэллифлер конкурста иштирак эткен олсалар, сонъки йылларда АкъШ, Полония, Тюркие, Русие, Азербайджан, Балтыкъбою, Озьбекистан джумхуриетлеринден де иштирак эттилер. Шу себептен 2011 сенесинден башлап бу, халкъара конкурс, деп илян этильди. Бутюн бу мемлекетлерден кельген иджадий ишлер Къырым тарихи эм де къырымтатар тили ве эдебиятынен багълыдыр. Нетиджеде тилимизге, тарихымыз, санатымыз, медениетимизге олгъан меракъ эп арта ве бу сааларда салмакълы ишлер мейдангъа келелер.

Фонд ве жюри азаларыны кедерлендирген бир шей олса о да ана тилимизде назм ве несир эсерлернинъ конкурскъа аз келювидир. Кельгенлери де юксек талапларгъа джевап бермей. Зан этсек бу саада да яваш-яваш мусбет деньишмелер олур.

Сонъ девирде янъы эдебий конкурслар да илян этилип башлады. Булар – Эшреф Шемьи-заде, Амди Гирайбай адына конкурслардыр.

Корюне ки, илериде ана тилимизде пейда олгъан янъы эсерлер маддий ве маневий джеэттен такъдирленилебилелер, демек эдебиятымыз да инкишаф этеджек.

Бир шейни даа айтмакъ керек ки, Бекир Чобан-заде адына фонд 2011 сенесинден башлап эр йыл буюк шаир ве алимимиз Бекир Чобан-задеге багъышлангъан анъаневий халкъара ильмий конференция отъкермекни де башлады. 2012 сенеси отъкериледжек невбеттеки конференциягъа энди тек Къырым ве Украинадан дегиль де, Тюркие, Полония, Русие, Азербайджан, Озьбекистан ве дигер мемлекетлерден 30-дан зияде алим иштирак этмек истегини бильдирди. Занымызджа бунынъ да эдебиятымыз инкишафына буюк файдасы олур.

РОЛЬ ФОНДА ИМ. БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ В ВОЗРОЖДЕНИИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Благотворительный фонд им. Бекира Чобан-заде учрежденный известным карасубазарским предпринимателем и меценатом Ресуль Велияевым сыграл значимую роль в усилении внимания к крымскотатарской литературе, языку и истории крымскотатарского народа. С 2007 года Фонд присуждает Международную премию имени Б. Чобан-заде, лауреатами которой за минувшие пять лет стали 22 писателя и исследователя из различных стран мира.

Проведение Международной тюркологической конференции «Мир Бекира Чобан-заде» стало новой вехой в развитии Фонда. Можно с уверенностью сказать, что Благотворительный фонд им. Б. Чобан-заде и впредь будет способствовать привлечению новых сил в крымскотатарскую литературу, в изучение прошлого нашего народа, способствовать взаимодействию на этом поприще исследователей Крыма и зарубежных стран.

ЕФИМОВА Т.А.
(Крым, Украина)

ЛЮДВИГ СЕМЕНОВИЧ ДЕЛЯМУРЕ В КУЛЬТУРНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ КАРАСУБАЗАРА НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.

Карасубазар – один из древнейших городов Крыма, насчитывающий многовековую историю. В позднее средневековье являлся крупнейшим и значительным торговым, экономическим центром Крымского ханства. Среди историков нет единого мнения о времени зарождения города Карасубазара. Первое упоминание о нём относили к XIII веку.

Раскинувшийся по берегам реки Буюк-Карасу город стал средоточием ремесленных промыслов – кожевенного, ювелирного, кузнечного, производства медной посуды и торговли хлебом, виноградом, вином, одеждой, лошадьми.

К концу XVI века Карасубазар становится одним из крупнейших по количеству жителей городом полуострова. По преданиям, в лучшие времена его население превышало 100 тыс. человек. Это был процветающий город, все жители были очень крепкого здоровья, жили по 100-120 лет, не знали нужды и бедности.

В 1845 г. в городе насчитывалось 974 лавки, 7 кожевенных, 15 свечных и мыловаренных, 8 сафьяновых заводов, 4 табачные фабрики.

К концу XIX в. грамотные составляли ничтожное меньшинство населения. В 8-ми небольших заведениях обучались только 3% населения.

Но тяга к просвещению росла неуклонно. Наблюдая это, предприимчивые хозяева чайных и кофеен зазывали посетителей отведать не только чай, но и узнать светские новости из газет, которые выписывали даже хозяева пивных.

Пиком расцвета духовной и культурной жизни Карасубазара считается период с конца XIX начала XX века. В это время здесь жили и творили люди, снискавшие славу далеко за пределами полуострова. В их числе Амди Гирайбай, Бекир Чобан-Заде, Абдурашид Медиев, Шамиль Тохтаргаззы, Абдураим Алтанлы, Асан Сабри Айвазов, Джемиль Кендже, Александр Афанасьевич Спендиаров, Людвиг Семенович Делямуре, Евсей Исаакович Пейсах.

В это время по всей России прокатилась волна создания обще-

ственных и народных библиотек. Коснулось это веяние и Карасубазара.

Открытие первой массовой библиотеки в городе мы обязаны Людвигу Семеновичу Делямуре.

Родился Л.С. Делямуре в 1880 году в городе Карасубазаре. Прожил он 43 года. Его жизнь не богата событиями, но деяния для духовной и культурной жизни города столь весомы, что и по сей день мы с благодарностью вспоминаем этого человека.

Л. Делямуре в 1908 году окончил Высшее Строгановское училище в Москве, вернулся в Карасубазар и стал преподавать в женской гимназии графические искусства, в частности рисование и черчение. Он прекрасно рисовал пейзажи, автор многих карикатур, избобличающие порядки в Карасубазаре того времени [некоторые из работ переданы его сыном в дар библиотеке].

Сам Людвиг Семенович – знаток музыки, он прекрасно играл на скрипке, обладал абсолютным слухом. Спокойный и уравновешенный, мудрый, образованный, одновременно простой и доступный, он привлекал окружающих и многим становился другом или близким знакомым, был очень скромен – не любил, чтобы хвала адресовалась ему, а брань вообще не переносил. Эти же принципы главенствовали и в его семье.

По воспоминаниям людей, лично знавших Людвигу Семеновича, а также его сыновей, а их в семье было трое, человек этот был «лучшим из людей, умным и образованным. Главной чертой его характера была любовь к людям, независимо от их имущественного положения, их национальности и образования. Эта черта присуща настоящему интеллигенту, человеку, который идет впереди своего времени». Постоянно приобретал и читал много книг и был уверен в том, что «книга – это лучшее изобретение человека, она делает его на голову выше тех, кто не дружит с книгой» [из письма Л.Л. Делямуре]. Его сыновья были начитаны, любили книги и хорошо учились в школе, а потом в средних и высших учебных заведениях.

Предположительно, по почину Л.С. Делямуре, большого поклонника театра, в Карасубазаре в те годы гремел народный театр, который находился в клубе вблизи Клубного переулка. Среди любителей театра были свои артисты, знакомые, родственники и друзья, которые ставили пьесы и спектакли. Известна одна пьеса под названием «В город входить нельзя». В то время много было интересного в городе, люди дружили и по доброму относились друг к другу.

Население города в начале XX века было более 20000 жителей, женская и мужская гимназии, народный театр, но библиотеки массовой в городе не было.

В 1909 году Людвиг Семенович хлопочет об открытии библиотеки, понимая, что это крайне необходимо для населения города. И уже 1 апреля 1909 года в городе появляется объявление: «Съ 1-го Апреля 1909 года мною открывается Библиотека и Читальня подъ названіемъ «Полезное чтение» на Ильинской улице, противъ русской церкви, въ доме Берберовой. Библиотека имеет целью дать для чтения за недорогую плату полезную книгу. Устраивается детский отдѣль въ библиотеке...»

Создание библиотеки было обнародовано специальным, отпечатанным в типографии города, принадлежащей г. З.О. Рогану, объявлением [оригинал хранится в архиве Центральной библиотеки].

За свой счет Л.С. Делямуре нанял небольшое помещение, перевез туда все имевшиеся книги из личной библиотеки, а это более 1,5 тысячи томов мировой классики, и призвал интеллигенцию города последовать его примеру.

Достаточно перечислить лишь некоторые имена писателей, полные собрания сочинений которых были переданы Людвигом Семеновичем в дар библиотеке, чтобы понять сколь щедр был этот человек, поделившийся самым бесценным своим накоплением – книгами: полными собраниями и собраниями сочинений Андреева, Айзмана, Байрона, Белинского, Бунина, Гауптмана, Герцена, Мицкевича, Гоголя, Екатерины II, Карамзина, Жуковского, Кольцова, Пушкина, Тютчева, Чехова, Толстого, Шекспира и многими другими, а также научными изданиями Джорджа, Дарвина и др.

Много насмешек сыпалось в адрес Делямуре от местных дельцов, но ответ им Людвиг Семенович дал достойный: «От владельца библиотеки «Полезное чтение». По случаю сыплющихся со стороны городских господ коммерсантов на меня обвинений, как открывшего бесприбыльное дело – библиотеку «Полезное чтение» – и как, следовательно, человека без коммерческого чутья – я должен сказать, что библиотека мною открыта совсем не для заработка. С этой целью я бы мог открыть, например, кофейню, к которой у Карасубазарцев такая любовь. Еще должен прибавить, что не признание меня городскими коммерсантами своим – ничуть меня не обижает, а наоборот, радует».

Однако, за пользование библиотекой пришлось взимать мини-

мальную плату (20 копеек в месяц), чтобы покрыть расходы, которые первое время компенсировал из своего скромного учительского жалования Л.С. Делямуре: аренда помещения, выписка новых книг, газет, журналов, жалование библиотекаря.

С 1914 года городская дума взяла расходы по содержанию библиотеки на себя, и она стала бесплатной. С первых дней открытия библиотеки, при ней работал драмкружок под руководством режиссера Бориса Иоффе, а членами кружка (артистами) были сыновья Л.С. Делямуре, знакомые, друзья, а главные роли замечательно играла жена – Татьяна Павловна Делямуре. Устраивались также благотворительные праздники, например, праздник «Первого цветка», как акция против туберкулеза, где Татьяна Павловна принимала активное участие. [Сохранилась фотография праздника.]

В 1927 году библиотеку, которую создал Л.С. Делямуре, разместили в Народном доме по ул. Калинина, где она находилась вплоть до 1972 года.

Период расцвета экономики в начале века, а об этом говорит даже факт постройки в 1914 году в нашем городе аэропланового завода господина Адамова, на котором работало 500 рабочих, сменился катастрофическим упадком.

Гражданская война, иностранная интервенция, бандитизм и, наконец, голод 1921 года привели к резкому сокращению предприятий, безработице. В поисках работы и хлеба тысячи жителей покидают Карасубазар. Население города в 20-е годы сократилось до 5 тыс. человек.

В 1923 году Татьяна Павловна, жена Людвиг Семеновича осталась одна с тремя малолетними детьми. Работала она, теряя счет суткам, чтобы накормить и одеть малышей. Вместе с тем, она заботилась о воспитании сыновей, понимала, что их будущее зависит от того, какими будут расти старший – Семен, средний – Павел, младший – Людвиг. Татьяна Павловна все годы жила лишь мыслями о том, чтобы Семен, Павлик и Людвиг стали достойными людьми.

Из воспоминаний Людвиг Делямуре о старших братьях: «В юношеском возрасте они и не представляли, что можно пить, курить или, не приведи Господь, заниматься наркотиками. Нет, они в то время строили планер – настоящий, большой, пригодный для полета, разумеется, с пилотом и пассажиром. Это я уже отчетливо помню (примерно 1928-1931 годы), как 5-6 юношей, а среди них был грек, армянин, татарин, русские точили доски, фанеру, гнули алюминий и при-

давали корпусу, крыльям, хвосту обтекаемый вид. Все это делалось по чертежам, которые Семен нашел в одном из журналов.

И наступил день, когда планер был готов и его стали испытывать. Вид планера был прекрасен: блестел свежеевыкрашенной краской (за краской и кистями бегал я) и был похож на большую птицу. Испытания проводили на горочке, которая, несомненно, есть и сейчас – справа при въезде из Симферополя в Карасубазар. Полеты были удачными, в одном из первых участвовал и я, причем, меня выбрали не потому, что приносил краски, кисти и вообще был на побегушках, а потому, что я был меньше их ростом и, особенно, весом. Собирались люди знакомые и незнакомые, смотрели, хвалили, что было очень приятно...»

Сорок восемь лет проработала Т.П. Делямуре учительницей начальных классов в школах Белогорска и Симферополя. Безупречный и многолетний труд ветерана просвещения был отмечен орденом Ленина (в те годы большая редкость), почетным званием «Заслуженный учитель УССР» и многими другими наградами.

Каждый из троих сыновей Людвиг Семеновича и Татьяны Павловны Делямуре вложил все свои силы, знания, способности во благо развития общества, науки и медицины.

Медицинская общественность Севастополя хорошо помнит бывшего начальника клинической лаборатории главного военноморского госпиталя им. Н.И. Пирогова, кандидата медицинских наук, полковника медслужбы в отставке, врача высшей категории Людвиг Людвигович Делямуре.

Им написано более 35 научных работ. К таким исследованиям, как «Определение состояния жирового обмена в самой ранней стадии флюкуляции с холестерином» проявили интерес ведущие клиники мира. Отзывы и запросы по научным работам Л.Л. Делямуре идут из разных стран, так как имеют большое практическое значение.

На счету Л.Л. Делямуре – новатора медицины, немало рационализаторских предложений. Раньше, для диагностики заболевания почек, на анализ определенного количества проб, требовалось около четырех часов, а после внедрения рацпредложения Л.Л. Делямуре, тратится двадцать минут.

Предложенный Людвигом Людвиговичем дозатор сократил время при анализе крови (заполнение пробирок раствором при анализах) с десяти часов до пятидесяти минут.

Нелегка была дорога новатора медицины, но именно она вела Л.Л. Делямуре к высшему счастью – творить во имя здоровья людей.

В 2001 году Людвига Людвиговича не стало.

Павел Десямуре мечтал стать учителем, унаследовать профессию отца и матери. Но пришлось, как он тогда говорил, «сделать большую перемену»: началась война. Павел добровольно ушел в один из партизанских отрядов Крыма. В первые же дни фашистской оккупации Крыма Павла Десямуре направляют на подпольную работу в город Карасубазар.

К концу 1942 года в городе, несмотря на жесточайший террор, возникает ряд небольших патриотических групп. Они разоблачали лживую фашистскую пропаганду об уничтожении Красной Армии, несли в массы правду о действительном положении на фронтах Великой Отечественной войны. В городе начали появляться листовки и газеты, распространяемые подпольщиками.

Одной из первых сформировалась подпольная патриотическая организация под руководством Павла Десямуре.

Жители города были свидетелями дерзкой смелости подпольщиков. Однажды гитлеровцы вывесили объявление об обязательной сдаче оружия. Рядом висело другое: «Товарищи! Оружие не сдавайте, оно пригодится для борьбы против фашистов».

В 1944 году гитлеровцам удалось схватить всю группу Павла Десямуре. В течение месяца палачи измывались над патриотами, но не вырвали у них ни единого слова признания.

Нет для матери большего горя, чем пережить своих детей. Кто сказал, что с годами притупляется материнская боль? Нет, это не правда... До последнего дня своей жизни Татьяна Павловна ждала Павлика. Долго ждала, веря в чудо. Но лишь много лет спустя узнала правду о героической и мученической смерти сына.

Семен Людвигович Десямуре в 1933 году с отличием окончил Симферопольский пединститут и был оставлен в нем для работы в аспирантуре. Первые годы плодотворной научной деятельности выдвинули молодого талантливого ученого в число передовых работников. Полвека жизни посвятил С.Л. Десямуре преподавательской деятельности университету.

Всемирно известный крымский ученый и общественный деятель, профессор, доктор биологических наук, заведующий кафедрой зоологии, проректор Симферопольского госуниверситета им. Фрунзе, участник международных экспедиций, симпозиумов, конференций, его имя известно далеко за пределами страны.

Более 30 лет С.Л. Десямуре был председателем Крымского республиканского общества международных связей.

Видное место в истории отечественной и мировой науки занимает его монография «Паразитология морских млекопитающих». Над ней Семен Людвигович трудился много лет. Эта фундаментальная работа внесла большой вклад в мировую науку. Книга о жизни морских млекопитающих является хорошим пособием во многих учебных заведениях. Десятки его теоретических исследований прочно вошли в практику работы ряда научных учреждений.

Преподавательский состав университета глубоко чтит память о нем, создав музей при заведении.

В 1999 году, к 90-летию создания первой публичной библиотеки, Белогорский городской совет присвоил Центральной районной библиотеке имя Людвига Семеновича Делямуре, которое библиотека носит с гордостью и честью.

1 апреля 2009 года Центральная районная библиотека им. Л.С. Делямуре отметила свой вековой юбилей.

По ходатайству коллектива библиотеки, благодаря заместителю председателя Белогорского районного совета М.Э. Кемалетдинову, в этот юбилейный год были установлены памятные знаки Людвигу Семеновичу Делямуре, Амди Гирайбаю и Абдурешиду Медиеву.

Мы благодарны нашим землякам за их неоценимый вклад во благо развития города и общества, мы должны оставить в памяти поколений их выдающиеся деяния.

Использованная литература:

1. Адресный календарь. Справочная книга Таврической губернии в 1910 г.
2. Архивный материал Центральной районной библиотеки им. Л. С. Делямуре.
3. Килесса В. Г. Дивный край старины глубокой. – Симферополь: Таврия. – 2006. – 132 с.
4. Письмо сына Л.С. Делямуре Людвига Людвиговича Делямуре от 20 февраля 1999 г.
5. Письмо сына Л. С. Делямуре Семена Людвиговича Делямуре от 15 ноября 1983 г.

ХРОНИКА ДАВИДА Б. ЭЛИЭЗЕРА ЛЕХНО ИЗ КАРАСУБАЗАРА И ЕЕ ИСТОЧНИКИ

Вероятно, в конце XVII в. в крымский город Карасубазар из Польши вместе со своей семьей (с двумя детьми) переселился еврей-раббанит Давид б. Элиэзер Лехно (Ляхну, Ляхно)¹. С этого времени Лехно жил в Карасубазаре, «по-видимому, выполняя функции религиозного главы местной общины, а также являясь переписчиком и составителем многочисленных писем, написанных от имени общины и посланных самым различным адресатам. Безусловно, Лехно вращался среди татарских савновников и караимов, хорошо знал состояние экономических и политических дел Крымского ханства. Возможно, что у него был доступ и к сочинениям татарских хронистов того времени или достоверным устным источникам, из которых он черпал информацию для своих исторических сочинений. Он был чрезвычайно начитан в еврейской литературе того времени» [*Кизилев М.Б.* Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011. С. 235]. Именно Лехно к началу 1730-х годов составил окончательную редакцию «молитвенника ритуала Каффы», именно при нем карасубазарские раввины стали переводить на местный татарский этнолект иудейские молитвы. Он также был автором сочинения по грамматике иврита «Мишкан Давид» («Обитель Давида»). Умер Давид б. Элиэзер в 1735 г.

Между 1681 и 1731 г. Лехно написал на древнееврейском языке сочинение под названием «Девар Сефатаим» (דבר שפתיים), т.е. «Устное повествование»). Этот труд состоит из 53 глав, им предпослано предисловие, в котором содержится история крымских ханов до 1681 г. Первым крымским ханом назван Урус. Предисловие оканчивается воцарением в третий раз Каплан-Гирея в 1143/1730-31 г. Оба списка сочинения (они хранились в Одесском обществе истории и древностей) после этого события имели лакуну в 5 листов. Далее шел фрагмент второй главы. Третья глава начиналась воцарением Хаджи-Гирея в 1094 г.х., а 35-я глава — 2490 г. еврейского летосчисления, или 1143 г.х., — низвержением Менгли-Гирея султаном Мах-

---

¹ Это прозвище собственно и означает, что сам он или его предки происходили из Польши.

мудом [Финкель, 1848, с. 693–704; Гаркави, 1884, с. 1–41; Маркон, 1910, с. 599–602; Маркон, 1916, с. XI, XII; Markon, 1938, с. 547, 548; Боровой, 1941, с. 295–299]. И. Маркон частично издал текст хроники на языке оригинала.

Во введении к труду Лехно сообщает, что восьмым ханом был Нур-Девлет, который был в Киркоре (караимск. Кале), девятым Хайдар, десятым Гелдыш-хан. Против Гельдыша взбунтовались вельможи из дома Мансур-оглы и умертвили его вместе со всеми сыновьями, за исключением одного, который скрылся и, переодевшись в лохмотья, получил место пастуха у Гирай-бая. Дочь Гирай-бая увидела, что он ест хлеб на подостланной скатерти и отец ее догадался, что он наследник престола. Пастух с помощью ее отца восходит на престол под именем Мухаммед-хан, убивает Эдига-мурзу (убийцу отца). В благодарность к Гираю он прибавляет к своему имени имя Гирай [Гаркави А.Я. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 2-3]. В этом рассказе можно видеть отражение легенды о происхождении династийного имени крымского правящего дома, которая в разных версиях известна в разных письменных источниках. Источником этого рассказа, видимо, действительно были устные предания.

Сведения об истории еврейской и христианской общин Карасубазара, скорее всего, Лехно также передавал, пользуясь устной информацией, хотя, возможно, что представители общин вели записи исторического характера. Часть описываемых им событий произошла при его жизни. Так, Лехно рассказывает о разрушении в 1697 г. при хане Хаджи Селим-Гирее синагоги и православной церкви в городе. Причиной разрушения было будто бы то, что при ремонте здания были якобы расширены (что категорически запрещалось без специального разрешения) [Гаркави А.Я. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 15]. В 1703 г. татары вторично попытались разрушить культовые здания *зиммиев*, и хан разобрал это дело на суде [Гаркави А.Я. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884. С. 29].

Иногда Лехно явно ошибался. Так, взятие Константинополя турками датировано им 1447 г., тогда как в реальности это событие произошло в 1453 г. Возможно, что тут он пользовался не письменными источниками, а устными рассказами, причем принял примерное время, когда османы блокировали проливы и таким образом взяли Кон-

стантинополь в кольцо, за дату падения города. Любопытно, что эта ошибка встречается не только у карасубазарского летописца. Например, все² дошедшие до нас грузинские письменные памятники датируют захват Константинополя неверно, причем приводят три разные даты: 1444 (в подавляющем большинстве), 1445 и 1457 гг. [*Сванидзе М.Х. Дата завоевания османами Константинополя в грузинских источниках // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 3. Елене Абрамовне Давидович посвящается. М., 1995. С. 112-120*]. Грузинские источниковеды предлагали несколько объяснений этому факту. Ф.Д. Жордания предполагал, что дата 1444 г. относится к захвату османами Босфора (что неверно), М.Х. Сванидзе считал, что этот неправильный год – отголосок битвы при Варне (10 ноября 1444 г.), что возможно, но сомнительно. Как бы то ни было, неверная дата Лехно, видимо, является частью какой-то устной традиции, имевшей, видимо, хождение не только в Крыму.

Однако Лехно наряду с устными рассказами, возможно, пользовался не одним, а несколькими письменными источниками, причем вышедшими из исламской (крымскотатарской или османской) среды. В пользу этого свидетельствуют несколько соображений.

Во-первых, это указание на даты по хиджре, наряду с еврейским летосчислением от сотворения мира. Во-вторых, это передача тюркских терминов и топонимов не в их фонетическом звучании, а в транслитерированном виде. Слово еничери (янычары) Лехно видимо передавал с написанного арабицей текста, иначе не стал бы записывать его в форме якичери (*يكيچرى*). То же касается топонима Ягикале (Йени-кале *يكي قلعه*). Наконец, характерные описки сочинения также совершенно очевидно указывают на то, что у Давида б. Элеэзера был перед глазами именно текст. Например, “Нукрат-Кирман” у Лехно мог появиться вследствие неправильного прочтения реального топонима Нусрат-Керман (→ *نصرتكرمان*).

Манера изложения в хронике, по мнению ряда исследователей, в целом характерна для современной автору османской историографии так называемого «периода тюльпанов». Автор слышал «устные рассказы от ученых измаильтян», т.е. крымских мусульман, и передал их в своей хронике, но мы вправе предположить, что источни-

---

2 Кроме одного: сочинения Вахушти Багратиони, которое он закончил в Москве в 1745 г. и при написании которого он безусловно пользовался переводами на русский европейской литературы по истории Османской империи, в которой этой ошибки не было.

ком сочинения могли быть и не дошедшие до нас крымские исторические труды. Аргументом в пользу этого может служить не только очень точная передача Давидом топонимов, этнонимов и личных имен в их крымскотатарской или османской форме (ср., например, Ах-бей, Шермет-оглу, Кази-Кирман, Бутаклы, Барабаш-Хазахи, Занджили-хулалар (Ваддин-хула и Джан-хула), Диджан-каласи и др.), но и прямое указание автора (глава 21) на использование им «Истории крымских царей», т.е., вероятно, несохранившейся крымскотатарской хроники [Боровой С.Я. Давид Лехно и его история Крымского ханства // Исторические записки. Т. 10. М.–Л., 1941. С. 298]. Сравнение конкретных пассажей (например, описание похода Шермет-оглу) говорит о том, что источником сведений Лехно было сочинение «Семь планет в известиях о татарских царях» Сейида Мухаммеда Ризы, а, возможно, общий для двух сочинений источник. О том, что это был за текст, пока можно только гадать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боровой С.Я. Давид Лехно и его история Крымского ханства // Исторические записки. Т. 10. М.–Л., 1941.
2. Гаркави А.Я. Отрывки из исторического сочинения Давида Лехно // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1882 год. СПб., 1884.
3. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009.
4. Кизилов М.Б. Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караймов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011.
5. Маркон И. Давид Лехно // Еврейская старина. Трехмесячник еврейского историко-этнографического общества. Год 2-й. Вып. III. СПб., 1910.
6. Маркон И.Ю. Давид Лехно и его хроника истории Крыма Дебар Сефатаим // ЗВОРАО. 1916, т. 23.
7. Сванидзе М.Х. Дата завоевания османами Константинополя в грузинских источниках // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 3. Елене Абрамовне Давидович посвящается. М., 1995.
8. Финкель И. Девар-Сефафаим // ЗООИД. 1848, т. II.
9. Markon I. Die Chronik der Krim'schen Chane von David Lechno «Debar Sephatajim» // 19 Congresso internazionale degli orientalisti (1935): Atti. Roma, 1938.

KIRIM'IN KARASU KAZASI'NDA İKTİSADİ HAYAT (1680-1750)

GİRİŞ

Evliya Çelebi, “Allahuteâlâ düşmanların kötülüğünden korusun, bu güzel, mamur şehiri....” diye Karasu’dan söz ederek gezi notlarına başlamıştır¹.

Karasu kazası, ismini içinden geçen Karasu ırmağından almış olup, kuruluş tarihi konusunda ise net bir bilgi elimizde bulunmamaktadır². Ayrıca Karasu isminin zaman içinde Karasubazar şekline dönüştüğü görülmektedir. Bununla birlikte Karasu isminin Karasubazar olarak değişmesine dair hiçbir kaynakta, herhangi bir veri bulunmamaktadır. Tek bir kaynakta şehrin ticari bir yol üzerinde bulunduğundan dolayı, önemli bir pazar yeri olduğu, bu nedenle de isminin Karasubazar diye anıldığı belirtilmiştir³. Elimizdeki sicillerin tamamında ise, “Karasu Kazası” ifadesi kullanılmıştır⁴. Nitekim en son tarihli cilt olan ve 1743-1744 tarihlerini kapsayan 65. ciltte de “Karasu Kazası” adı kullanılmıştır. Şüphesiz 1744’e kadar Karasu adının orada yaşayanlar tarafından bizzat kullanıldığını tespit etmekle, “Bazar” kelimesinin daha sonraki yıllarda eklenmiş olabileceği sonucunu çıkarmamız doğru bir iddia olacaktır. Bu

---

1 Evliya Çelebi b. Derviş MehmedZilli, Evliya Çelebi Seyahatnamesi Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 308 Numaralı Yazmanın Transkripsiyonu-Dizini, Haz. Yücel Dağlı, Seyit Ali Karaman, Robert Dankoff, 7. Kitap, İstanbul, Yapı Kredi Yayınları, Nisan 2003, s. 245.

2 Charles Henry Scott, TheBaltic, The Black Sea, andTheCrimea: ComprisingTravelsInRussia, A VoyageDownThe Volga ToAstrachan, And A Tour Through CrimTartary, Third Edition, London, Publisher in Ordinaryto Yer Majesty, 1855, s. 214.

3 Hakan Kırımlı, “Karasubazar”, Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi, c. 24, 2001, s. 472.

4 Sicillerdeki aynı bilgileri teyit eden bir başka kaynak ise, Derya Derin, Abdülğaffar Kırımı’nin Umdet’ül-Ahbar’ına (Umdet’üt-Tevarih) Göre Kırım Tarihi, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Ankara 2003, s. 488’de Karasu Kasabası olarak ifade edilmiştir. Orijinal metnin 312-b sayfasının 18. satırında bu bilgiye yer verilmiştir.

durumda, elde ettiğimiz bilgiler vasıtasıyla, yaygın olarak kullanılan isim yanlışlığının giderilmesine, katkı sağlamış olmayı umut etmekteyiz.

Diğer taraftan Karasubazar'ın kuruluş tarihi konusunda tam bir kesinlik bulunmamaktadır. Ama kimi tarihçiler tarafından XIII. yüzyıldan itibaren yerleşim yeri olarak bilindiği iddia edilirken⁵, kimi tarihçiler de Osmanlıların 1475 Kefe seferinden sora Kefeli tacirlerin şehri kurduğunu ifade etmektedirler⁶. İkinci tezi savunanların aktardıkları bilgiler incelendiğinde ise çok ilginç sonuçlara ulaşılmaktadır. Nitekim Osmanlı Devleti'nin Kırım'daki bir çok yalı şehrinde ve bilhassa Kefe'de bulunan 40.000 kadar esnaf ve tüccarı bütün mallarıyla İstanbul'a naklettikleri görülmektedir⁷. Bu denli ani bir şekilde nüfusu azalan Kırım'da, insanlar çapul ve zorunlu göç tehlikesinden uzaklaşmak amacıyla bilinen önemli şehirleri terk etmişlerdir. Mamafih Kefe'den 75 km., Eskikırım ve Akmescit'ten yaklaşık olarak 50 km. uzakta bulunan Karasu ırmağının başına çekilerek bu yerleşim yerini kurmuşlardır. Gerek Eskikırım'dan gerek Anadolu'daki Kayseri, Sivas, Tokat, Amasya, Çorum gibi bir çok vilayetten gelenlerle Karasubazar hızla gelişmiştir. Irmağın bir tarafında Müslüman Türkler, diğer tarafında da Ermeniler'in evleri bulunmakta idi. Yine bir kaynaktan da Mengli Geray'ın (1467-1515) büyük oğlu Mehmed Geray'ı 1475'te kurduğu Kalgay'lık makamına atarken, Akmescit ve Karasu'yu idaresi altına verdiği kaydedilmiştir⁸. Sonuç olarak bu durum bize, 1475'den önce yerleşim yeri olarak Karasubazar'ın var olduğunu ispat etmektedir⁹.

Karasubazar'ın İktisadi Gelişimi:

XVII. yüzyılda bir çok mimari eserin yer alması şehrin ne denli hızlı geliştiğinin en önemli göstergesidir. Bu dönemde var olduğunu tespit ettiğimiz bir çok mimari eserden “Büyük Cami, Han Cami, Şor Cami, Büyük Taşhan, Küçük Taşhan ve Büyük Hamam” dikkate değer bir kaçımı oluşturmaktadır¹⁰. Nitekim Karasubazar, XVII. yüzyıla gelindiğinde

5 Kırımlı, a.g.m., s. 472.

6 Nurettin Agat, “Kırım Şehirleri Karasubazar”, Emel, Yıl: 10, Sayı: 58, Mayıs Haziran 1970, s. 8.

7 Agat, a.g.m., s. 8.

8 Halim Giray, Gülbün-i Hânân, (1955), s. 25-26, Osmanlı Devleti'nin de, bir berat düzenleyerek Kalgaylık makamını onayladığı aktarılmıştır.

9 Mirza Bala, “Karasu-Bazar”, İslâm Ansiklopedisi, c. 6, 1997, s. 335.

Kırım'ın büyük nüfusa sahip birkaç yerleşim yerinden birisi haline gelmiştir. Karasubazar, büyük bir ticari hayatı, sınıî üretimi, kültür ve transit ticari karayolu üzerinde olan konumu ile önemli bir ticari merkez olmuştur¹¹. Kafkasya'dan giriş yapan kervanlar Kefe'ye uğradıktan sonra Karasubazar üzerinden geçerek diğer Kırım vilayetlerine ulaşırdı. Aynı şekilde Kırım vilayetlerinden hatta Doğu Avrupa'dan çıkan kervanlar, Karasubazar üzerinden Kafkasya'ya giderlerdi. Şehir tüm bu ticari canlılığı vasıtasıyla gelişen hareketli bir beşeri yapısı ile sürekli büyümüştür. Nitekim Evliya Çelebi'nin notlarında; sekiz büyük han, dört hamam ve Kaban Bezestanı diye bahsedilen çarşısı dahil 1144 adet dükkandan oluşan çok sayıda ticari mekanların kaydedildiği görülmektedir. Yine ayakkabıcı, yaycı gibi dükkanların bulunduğunu yazan Evliya Çelebi, tamı tamına 105 tane de bozacı dükkanının olduğunu aktarmıştır. Yine esir ticaretinin önemini ve hacmini anlatan hicivli notlarını da görmekteyiz. Hatta Şirin Bey Han'ının dibinde, hayret verici büyüklükte bir esir pazarının olduğunu kaydetmektedir. Üstelik Evliya Çelebi bu pazarı görmeyenin dünyada bir şey görmüş sayılamayacağını da belirtmiştir¹².

Karasubazar Kalgay Sultan'ın idaresinde iken, zamanla Kaymakamlık şeklinde örgütlenmiştir. Yalnız Kırım Hanlık aristokrasisi içinde yer alan kabilelerin de, nüfuz alanlarının kesiştiği bir yerdir. Bunlardan Şirin kabilesi en etkili ve de bölgeye hakim olanı idi. Nitekim onlara ait saray, han, kervansaray, cami, hamam, medrese v.b. gibi eserlerin bulunduğu görülmektedir¹³. Diğer taraftan Argın ve Barın kabilelerinin de nüfuz ettikleri bölgeler arasında Karasubazar'ın bir kısım toprakları yer almıştır.

Bütün bu olumlu gelişmelere karşılık Karasubazar, 1624-1675 yılları arasında Zaporog Kazakları'nın dört kez baskınına uğrayarak tahrip edilmiştir¹⁴. 1736 yılında ise General Münnich komutasındaki Rus ordusu başkent Bahçesaray'ı yerle bir etmiştir. Bunun üzerine geçici olarak başkent, Karasubazar'a taşınmıştır. Bu dönem Fetih Geray

---

10 Kırımlı, a.g.m., s. 472.

11 Karasu, silah, demir ürünleri, bakır işlemeli kaplar, keçe, deri ve deri ürünleri, aba, doğramacılık ve kuyumculuk üzerine üretim yapan bir sınıî merkezi idi. Bir çok çeşit tarım ürününün yetiştirildiği ve darı piyasasının belirlendiği önemli bir tarım endüstrisine sahip bir yerdir.

12 Evliya Çelebi, a.g.e., c. 7, s. 245-246.

13 Bala, a.g.m., s. 335.

14 Kırımlı, a.g.m., s. 472.

zamanı olup, 1736-1737 yılları arasındır¹⁵. Böylelikle devletin başkenti, ordunun karargâhı olan Karasubazar'a han vasıtası ile de bir çok eser kazandırılmıştır. Lakin 1737 senesi Ağustos'unda da General Douglas komutasındaki askerler Karasubazar'a ulaşarak çok büyük zarar vermişlerdir¹⁶. Kırım Hanlığı ve Osmanlı kuvvetlerinin ortak hareketi sonrası Ruslar bölgeden uzaklaştırıldıktan sonra gerek Kırım gerekse de Karasubazar kısa sürede tekrar toparlanmaya başlamıştır.

Şer'iyye Sicilleri'ne Göre Karasubazar'ın İktisadi Durumu:

XVIII. Yüzyılın ilk yarısında Karasubazar'da yaşayan insanların üretim faaliyetleri ile tüketim malları ve ticarete konu olan metanın nelerden oluştuğu ve değerlemelerinin ne oranda ve hangi şartlar altında oluştuğu hususları üzerine Kırım hanlığı Şer'iyye Sicilleri'ne yansımış çok fazla belge ve veri bulunmaktadır. Bu noktadan hareketle elde edilen veriler ışığında, narh konulan ürünlerin fiyatları ve zaman içinde fiyatlar üzerinde yaşanan değişimi tablolar halinde ortaya koyabileceğimiz somut kayıtlar elimizde bulunmaktadır. Bu tablolar ile o günün Karasubazar şehrinde yaşayan insanların neler tükettiği ve ne gibi ürünlerin alım-satımını yaptıklarını çok net bir şekilde görme imkanı bulmuş olacağız.

Bakkal Ürünleri:

Tablo I. Bakkaliye Narh Listesi

Cinsi	Miktar	Para birimi	Kasım 1094	Hızır 1095	Bir önceki fiyata göre artış oranı	Kasım 1095	Bir önceki fiyata göre artış oranı
Asel-i Kırım	Vakıyye	Sim	18	18	-	18	-
Asel-i Rum	“	“	18	14	-%22,2	16	%14,3
Asel-i Abaza	“	“	10	10	-	12	%20

15 Bala, a.g.m., s. 335.

16 A. Soysal, “Kırım'da Yetişen Büyüklükler Hacı Abdülgaffar Efendi Bin Hasan Efendi”, Emel, Yıl : 1, c. 1, s.5, Temmuz 1961, s. 23. Kırımlı, a.g.m., s. 473; Ahmet Özenbaşlı, Çarlık Hakimiyetinde Kırım Faciası, İstanbul Türkçesine Çev. İsmail Otar Eskişehir, Kırım Halkbilim Araştırma Gençlik ve Spor Derneği Yayınları, 2004, sayfa 25'de en son Kırım'ın elden gidişine neden olan 1783 tarihindeki Rus saldırısı esnasında da, Rus kuvvetlerinin komutanı General Potyomkin, Kırım'ın Rusya'ya ilhakına dair olan II. Yekaterina'nın fermanını (Karasubazar Beyanmesi) Karasu'da ilan etmiştir.

Cinsi	Miktar	Para birimi	Kasım 1094	Hızır 1095	Bir önceki fiyata göre artış oranı	Kasım 1095	Bir önceki fiyata göre artış oranı
Asel-i Kırım	Vakıyye	Sim	18	18	-	18	-
Asel-i Rum	“	“	18	14	-%22,2	16	%14,3
Asel-i Abaza	“	“	10	10	-	12	%20
Zeytun yağı	“	“	28	24	-%14,3	24	-
Pirinç	“	“	8	7	-%12,5	8	%14,3
Badem-fındık	“	“	8	-	-	10	%25
Trabuzan fındık	“	“	9	6	-%33,3	8	%33,3
Dağ fındık	“	“	4	4	-	4	-
Razakı üzüm	“	“	12	10	-%16,6	12	%20
Baklaca üzüm	“	“	10	8	-%20	10	%25
Siyah üzüm	“	“	8	6	-%33,3	8	%33,3
Lob incir	“	“	12	10	-%16,6	12	%20
Sarıca incir	“	“	8	8	-	8	-
Zeytun	“	“	8	8	-	10	%25
Kutu ekşi	“	“	8	6	-%33,3	8	%33,3
Pestil	“	“	6	4	-%33,3	6	%50
Erik kuru	“	“	5	5	-	5	-
Alma kuru	“	“	5	5	-	5	-
Armud kuru	“	“	6	6	-	6	-
Keçi boynuz	“	“	5	5	-	6	-
Kara hurma	“	“	5	4	-%20	4	-
Sirke	“	“	4	3	-%25	-	-
Nohud	“	“	6	6	-	6	-
Nişasta	“	“	16	16	-	16	-
Keşkül	“	“	12	-	-	-	-
Tulum peynir	“	“	12	8	-%33,3	12	%50
Üvez kuru	“	“	6	5	-%16,6	5	-
Kurt ¹⁷	“	“	5	-	-	6	%20
Havyar	“	“	24	24	-	-	-

17 Kurt, kurutulmuş sert bir peynir türüdür.

Limon suyu	“	“	16	14	-%12,5	14	-
Bakla	“	“	5	4	-%20	4	-
Cinsi	Miktar	Para birimi	Kasım 1094	Hızır 1095	Bir önceki fiyata göre artış oranı	Kasım 1095	Bir önceki fiyata göre artış oranı
Mercimek	“	“	3	3	-	-	-
Armud balı	“	“	6	6	-	-	-
Ceviz helva	“	“	12	12	-	-	-
Kâbe hurması	“	“	16	14	-%12,5	16	%14,3
Sarı yağ	“	“	48	28	-%41,6	-	-
Kuru kestane	“	“	6	6	-	6	-
Soğan	“	“	-	-	-	2	-
Don yağ	“	“	-	-	-	16	-
Kızılıcık kuru su	“	“	-	-	-	4	-
Taze kestane	“	“	-	-	-	5	-
Yağ-1 zeytin	“	“	-	-	-	16	-

Tablo incelendiğinde 1683-84 yıllarında II. Viyana kuşatmasının yarattığı tüm iktisadi sıkıntılara rağmen ürün çeşitliliğinin çok zengin olduğu görülmektedir. Nitekim bal dört çeşit, yağ dört çeşit, üzüm üç çeşit, kurutulmuş meyve türü beş çeşit ve az elde edilmesine rağmen havyar ile uzak yerlerden ithal edilen değişik hurmalar ve iki çeşit fındığın bulunmasına kadar bir çok tüketim metasının bakkalarda tüketici ile buluştuğu kayıtlara bu bakkal narhları ile yansımıştır. Kırım Tatarları'nın beslenme alışkanlıklarından tutun da, fiyatlar üzerinden elde edilecek veriler sayesinde de ülkedeki alım gücüne, fiyat artış oranlarının hesaplanmasına değin bir çok iktisadi konuda fikir sahibi olabilmekteyiz. Mamafih 16 adet üründe fiyatlar değişmemiş, 18 üründe ise fiyatlarda düşüş yaşanmıştır. Bu düşüşün sebebine dair kayıtlarda herhangi bir bilgi bulunmamaktadır.

Ayrıca incelenen bu kayıtların dışında Cemaziyelahir 1156 / Haziran 1743 senesine ait, çok az bir ürünü kapsayan bir başka bakkal narhında ise şu ürünler bulunmaktadır.

Tablo 2. Temmuz 1743 Bakkaliye Narh Listesi¹⁸

Cinsi	Miktarı	Para birimi	Tane ile fiyatı
Üzüm yaprak	kıyye	8 akça	-
Sarmusak	dirhem	133 akça	1 akça
Soğan	dirhem	133 akça	1 akça
Peynir	kıyye	14 akça	1 akça
Tuzlu peynir ¹⁹	kıyye	20 akça	1 akça
Keşkül peynir	kıyye	28 akça	1 akça
Sirke	kıyye	14 akça	-
At nalı	-	100 sim	
Öküz nalı	1 çift	140 sim	-

Ekmek Fiyatları

En temel ihtiyaçların başında gelen ekmek fiyatlarındaki dalgalanmalar, mali sıkıntılar, savaşların ya da kıtlıkların olduğu dönemlerde yaşanmaktadır. Nitekim 7 Şevval 1094 / 29 Eylül 1683 ile 22 Zilkade 1095 / 31 Ekim 1684 tarihleri arasında 9 kez ekmek için narh verildiği kayıtlarda görülmektedir. Bu tarihler II. Viyana kuşatmasının olduğu zamana rastlamaktadır. Kırım'dan Anadolu'ya bilhassa İstanbul'a olan hububat sevkiyatı, buğdayın fiyatına anlık artış olarak yansımaktadır²⁰. Bu durum da doğal olarak ekmek fiyatlarını doğrudan artırmaktadır²¹.

18 K.Ş.S., 65-3b-16.

19 Baron De Tott, a.g.e., s. 146; bu peynir kısrak sütünden hazırlanmış sonra da tuzlanıp kurutulmuştur. Genelde darı unu suda kaynatılıp, bulamaç yapılarak seferlerde tüketilmektedir.

20 Üçel-Aybet, a.g.e., s. 510; İstanbul ve çevresindeki kırsal bölgelerde yapılan buğday ve diğer tahıl ekiminin yeterli olmadığı belirtilmiştir. Bunun üzerine Kefe, Kırım, Kili, Varna, Akkirman ve Burgaz gibi yerlerden buğday toplandığı görülmektedir.

21 İstanbul'un ihtiyacı üzerine mal talebini içeren elimizde herhangi bir arşiv belgesi olmamakla birlikte, geçmişte buna benzer yaşanan bir durum ile ilgili elde ettiğimiz bir belge mevcuttur. B.O.A., Mühimme Defteri, c. 43, (No: 188), Sıra No: 167, Sahife : 82 Tar 5 CA 988 numaralı belgeye göre: Karadeniz yalılarında vaki olan kadılara hüküm: İstanbul'da zahireye ihtiyaç olduğundan buğday, arpa, nohut, mercimek, bulgur, tarhana, yağ ve bal ve sair mekûlât sahibleri ile iskelelere indirtip, gelen gemilere narh üzere sattırılması hakkındadır. (Bir sureti de Akdeniz yalılarında olan kadılara gönderilmiştir.)

Aynı şekilde Kırım'da olabilecek üretim düşüşü veya kıtlık gibi olumsuz durumlardan dolayı da fiyatların artması muhtemeldir. Yalnız bu süre zarfında kıtlık veya diğer etkenlerle ilgili herhangi bir sorun dile getirilmediğinden dolayı sadece savaşın etkisinden söz edebiliriz²². Verilen narhlara göre:

Tablo 3. Ekmek Fiyatları (1683-84)

Kile Miktarı	Kile Fiyatı	Para birimi	Tane ile fiyatı
(Akça)	Ekmek Miktarı (Dirhem)	Ekmek Fiyatı	-
(Akça)	dirhem	133 akça	1 akça
1	60-70	370	1
1	85-100	270	1
¹	90	266	1
1	65-70	270	1
1	120	160	1 çürük akça
1	150-160	135 ²³	1
1	-	270	1
1	100-120	180	1
1	80	240	1

22 Lütfi Göçer, 16. ve 17. Asırlarda Osmanlı İmparatorluğu'nda Hububat Meselesi ve Hububatdan Alınan Vergiler, İstanbul, İstanbul Üniv. İktisat Fak. Yayınları, 1964, s. 8-9; 1578 baharında Kefe'de ve 1609 sonbaharında ise Kırım'da sebebi belli olmayan kıtlığın yaşandığı ifade edilmiştir. B.O.A., Mühimme Defteri, c. 35, Sayı : 134, Hük. No: 340 29 CA 986, numaralı belgede, kıtlığın çekirge istilasından dolayı olduğu kaydedilmiştir.

23 Bu narh fiyatında tarih düşülmemiştir. Ancak bir önceki narh tarihi 17 Cemaziyellevvel 1095 (2 Mayıs 1684) olduğu görülmektedir. Aralarında bir tek hüküm olduğu dikkate alındığında, pek fazla bir zaman geçmemiş olmalıdır. Bu fiyatlandırma en düşük fiyat olarak karşımıza çıkmaktadır.

Tablo 4. Ekmek Fiyatları (1717)

Kile Miktarı	Kile Fiyatı (Akça)	Ekmek Miktarı (Dirhem/ Vakıyye)	Ekmek Fiyatı (Akça)
1	80	325 Dirhem	1 ²⁴
1	60	1 Vakıyye	1 ²⁵

Mart 1717 diğeri Nisan 1717 olmak üzere sadece bir ay geçmiş olmasına rağmen, mahkemeye gelen firincılar buğdayın fiyatındaki artışı gerekçe göstererek, ekmek fiyatında da artış talep etmişlerdir. Kayıтта buğdayın fiyatını artıran neden belirtilmemiş ancak net bir şekilde 50 akçadan 60 akçaya ya da 80 akçaya çıktı gibi nedenlerle fiyat artışını talep etmişlerdir. Mahkeme de onları haklı bularak fiyatlar üzerinde değişikliğe gitmiştir. Sadece bir tek yerde, fiyat artışının fukaraya uygun olmadığından bahisle şikayette bulunulmuştur.

Diğ er Narh Verilen Ürünlerin Fiyatları

Diğ er bakkaliye haricindeki gruba giren malların başında ise kasap ürünleri gelmektedir. Et fiyatları; lâhm-ı ganemin vakıyyesi 6 sağ akçe, lâhm-ı bakarın vakıyyesi ise 5 sağ akçe²⁶ iken başka bir kayıтта lâhm-ı gâneminvakıyyesi 7 çürük akçe, sığır etinin 5 çürük akçeden satılması şeklinde tekrar belirlenmiştir²⁷. Et narhı ile ilgili 25. ciltte (1095/1683-84) bulunan bu fiyatlara karşılık, sadece 47. ciltte (1129/1717) bir adet başka et narhı bulunmaktadır. O kayda göre, lahm-ı ganemin 6 akça, lahm-ı bakarın 5 akçadan satılmasına karar verilmiştir²⁸. Bunlara ilave olarak 1 kıyye kuyruk yağı da 50 olarak kaydedilmiştir²⁹. Sonuç olarak 25. cilt (1095/1683-84) ile 47. ciltteki (1129/1717) fiyatlar mukayese edildiğinde kayda değ er bir değ işim görülmektedir.

Öte taraftan Sinobî Ahmed Beşe bin Mustafa'nın helvasının ise 12

24 K.Ş.S., 47-2b-11 Rebiyülâhir 1129 / Mart 1717 tarihli bir narh belgesidir.

25 K.Ş.S., 47-2b-12 Cemazıyelevvel 1129 / Nisan 1716 tarihli bir narh belgesidir.

26 K.Ş.S., 25-3b-17.

27 K.Ş.S., 25-5a-40.

28 K.Ş.S., 47-2b-10.

29 K.Ş.S., 65-3b-18; bu kayıтта alma kurusu ve karpuz fiyatı da akça olarak verilmiştir. Ancak kuyruk yağındaki 50 rakamına para birimi belirtilmemiştir. Muhtemelen diğ erlerinde akça olması münasebetiyle akça olmalıdır.

akçadan satılabileceği kayıtlarımız arasında yer almaktadır³⁰. Ayrıca kestanenin 4 sağ akçadan satılmasına dair olan bir kayıt görülmektedir³¹.

Bozahane ve boza, kayıtlarda sıklıkla karşımıza çıkan bir başka gıda ürünüdür. Ama buna karşılık bozanın 750 dirheminin, 1 akçaya satılacağına dair sadece bir narh kaydı elimizde bulunmaktadır³².

Ayrıca ham penbe ile ilgili düşünülen bir kayıta ise, 44 akçadan 60 akçaya fiyatı çıkarılmıştır. Hatta kirası ilave edildiğinde rakamın 64 akçaya ulaştığına vurgu yapılmıştır³³. Üstelik bir başka kayıta ise ham penbe 65 akça ve de penbenin kıyyesi 200 akça³⁴ olarak tespit edilmiştir. Üç ay sonra penbenin kıyyesi 178 akça ve atılmış penbenin kıyyesi de 130 akça olarak fiyatlandırılmıştır³⁵.

Bunlara ilave olarak çörek ile ilgili verilen narhlarda, çörek yapımında kullanılacak un ve yağ oranına dikkat çekilerek; 280 dirhem kaba çörek ile 75 dirhem yağlı çöreğin 1 kara akçadan satılacağı belirtilmiştir. Ancak 16 vakıyye una 1 vakıyye yağ koymak üzere fiyatlandırıldığı özenle kaydedilmiştir³⁶. Bir başka çörek için verilen narh kaydında ise; “Reisü’l-habbazan Ovanis nâm zimmî mahkemeye gelerek yağlı çörek için narh talep etmiştir. Emir Ali Çelebi, Emir İsmail Efendi, Monla Osman, Abdulgaffar ve gayrileri bu talebi makul görüp, 12 vakıyye una 1 vakıyye yağ konulmak üzere, 100 dirhem çöreğin 1 akçadan satılmasına karar verilmiştir (Cemaziyelâhır 1110 / Aralık 1698)”³⁷.

Esnaf ve Diğer Meslek Grupları

Karasubazar’ın karayolu üzerinde olması, ticari hayatın gelişmesine neden olmuştur. Kayıtlardan bir çok yabancı tüccarın Karasubazar’da ticaret yaptığını ve onları intizam altına almak için de merkezden sürekli fermanlar çıkarıldığı görülmektedir. Ayrıca Karasubazar’da ikâmet eden insanların da başka memleketlerde ticaret yaptıklarına dair kayıtlara rastlanılmaktadır. Ticaretin bu denli gelişmişliği, Karasu’da satılacak malların ihtiyaçtan fazla üretildiği anlamına gelmektedir.

30 K.Ş.S., 25-4a-28.

31 K.Ş.S., 25-6a-54.

32 K.Ş.S., 25-3a-8.

33 K.Ş.S., 25-9b-101.

34 K.Ş.S., 65-3b-17; penbenin kıyyesi 200 akça kaydında işlenmiş penbeden bahsedildiği kuvvetle muhtemeldir.

35 K.Ş.S., 65-3b-19.

36 K.Ş.S., 25-5a-43.

37 K.Ş.S., 33-32a-294.

Başta sanayi ve imalat alanında; dokumacılık, metal işleme ve döküm, kuyumculuk, deri ve deri işlemeciliği, eğer ve semer imalatı, at veya öküz arabası yapımı, kerestecilik, terzilik, sabıcılık, mum üretimi, mücellid, çilingir, şarap ve sabun imalatıdır.

Hizmet alanında ise; meyhane, kahvehane, hancılık, gülhancı, değirmencilik, kantarcı, hamal, hallak, dellal, kayyum ve cerrahlık kayıtlara yansımıştır.

Esnaf kolları arasında ise, kasaplık, bakkal, habbaz, çörekçi, attar, mezeci ve talkancı bulunmaktadır.

Ticaret

Sicillerde yerli ve yabancı, Müslim ve gayr-i müslim olmak üzere bir çok tasnife sığdırabileceğimiz tüccar bulunmaktadır. Ticaretin Karasubazar için önemli ve gelişmiş olduğu sıklıkla ifade edilmiştir. Kefe ve Akmesit gibi Kırım'ın iki önemli şehrinin ortasında ve karayolu üzerinde olması, ticaretin gelişmesinin en temel nedenidir. Satışa konu olan mallar arasında, köle³⁸, çeşitli hayvan ve hayvan ürünleri, tekstil ürünleri, giyim eşyaları, metal ürünleri, sanayi ürünleri, meyve ve bahçe mahsülü, şarap, tütün, hayvan ve pamuk gibi pek çok çeşidi kapsayacak ürünler bulunmaktadır.

Ezcümle tüccarların mali yapısını iyileştirmek ve ticari hayatın sağlıklı işlenmesini temin amacıyla Kırım hanları, sürekli yayınladıkları fermanlar ile ticareti düzenlemeye çabalamışlardır. Genelde fermanların amacı, yabancı tüccarın iç ticarete müdahalede bulunmasını engellemek, buna karşılık ise yerli tüccarı korumaya yönelik idi. Ancak gönderilen fermanların sürekli ve belli aralıklarla tekrarlanması hem bu duruma verdikleri ehemmiyetin hem de sıkıntının bir türlü sonlanmadığının bir göstergesidir. Yerli tüccarlar, Karasubazar içinde alış-veriş yaptıkları gibi başka memleketlere de gitmektedirler. Kırım'ın tüm vilayetlerine ilave olarak, Anadolu'nun bir kısım vilayetleri ile; Çerkes, Nogay, Akkerman ve Leh memleketleri gibi yerlere kadar ticaret amacıyla gittiklerine dair elimizde bir çok hüküm bulunmaktadır³⁹. Bu durum ise, Karasubazar

---

38 Kırım Orduları'nın, Çerkes, Kazak, Rus, Litvanya, Nemçe, Eflak ve Boğdan taraflarına yaptıkları akınlar vasıtasıyla elde ettiği köleler esir pazarlarında satılmakta idi. Kölenin genç, sağlıklı, güzel olması gibi özellikler değerini artırmaktaydı.

39 K.Ş.S., 25-35a-358; Mosgu, Akkirman, Leh, Kuşan ve 65-1a-4'de Çerkes ile Abaza memleketlerine, 25-32a-332'de ise Tokat gibi yerlere ticaret maksadıyla gittikleri görülmektedir.

tüccarının uzak memleketlerde ticaret yapabilecek başta sermaye ve sonra bilgi ve cesarete sahip olduğunu ispatlamaktadır.

Sonuç

Çalışmamızda, Karasubazar'ın jeo-politik konumunun yarattığı ticari potansiyelin iktisadi hayata büyük bir hareketlilik kazandırdığını görmekteyiz. Ayrıca su kaynaklarının bolluğu ile gerek tarım üretiminin gerekse de hayvancılığın geliştiği kayıtlara yansımıştır.

Karasubazar, gelişmiş iktisadi yapısı ile sadece Kırım topraklarında değil Karadeniz'in karşı kıyısına hatta ağırlıklı olarak Acem ülkelerine ve Çerkes topraklarına değin ulaşan bir canlı ticareti meydana getirmiştir. Araştırmamız birinci elden Şer'iyye Sicilleri'ne dayandığından ötürü, birinci elden bir çok narh kayıtları ile fiyat ve ticarete konu olan malları tüm sadeliği ile ortaya çıkarmıştır. Bahsi geçen tarih dilimleri arasında Karasubazar'da iktisadi üretime ve ticarete konu olan bütün mallar sicillere yansımıştır.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ КРЫМСКОГО ГОРОДА КАРАСУБАЗАРА (1680-1750)

На основе изучения кадиаскерских дефтеров (книг) автор раскрывает многообразную экономическую жизнь одного из древних городов Крыма – Карасубазара в период с 1680 по 1750 гг. Кроме этого затрагиваются вопросы демографического и культурного состояния Карасубазара в этот период.

«ВЕТАН ХАДИМИ» ГАЗЕТАСЫ (1906 – 1908).

(тарихи ве мундериджаты)

Меселенинъ эмиети ве актуаллиги. Сонъ заманлары икътисадий ве сиясий вазияет баягъы тирилип ильмий араштырмаларгъа озъ тесирини быракъмакътадыр. Чешит миллетлерге менсюп олгъан бир чокъ зиялылар къырымтатар миллий медениетининъ тарихини баягъы джиддий суретте огренмекте ве миллий вариетимизнинъ темели пекитильмеси ичюн онынъ кечмиш ёллары, азбучукъ къыйметти олгъан эр бир факт ве адисени ишлеп дюньягъа чыкъармагъа ёл тутмакътадырлар. Эм, акъыкъатен, шимдики вазияетимизде энъ муими ве энъ эвеля япыладжакъ шейлерден – сёнеяткъан, сонъ къыгъылчымларынынъ тютюнлери биле корюнмейяткъан энъ дегерли медений менбаларымызны тапып чыкъарып, оларны козбебегимизни киби къорумакъ ве земаневий магбаа юзюне чыкъармакътыр.

Иште, бойле сийрек ве къыйметдар менбаларымыздан бири де «Ветан хадими» (1906 – 1908) газетасынынъ анда-мында тектукъ сакъланып къалгъан бир къач нухасыдыр. «Тек-тук» дегенимизнинъ манасыны даа ачыкъ айтаджакъ олсакъ, «Ветан хадими»нинъ бугунде сакъланып къалгъан нухаларындан ялынъыз С.-Петербургда Русие миллий кутюпханесиндеки дёрт ве Къырым архивиндеки беш номеридир ки, эпси олып докъуз номер тешкиль этмектелер. Булардан башкъа, бугунде дюньяда «Ветан хадими»нинъ ич бир ерде, ич бир нухасы корюнмей.

Олгъанлары исе, сонъ дередже ипрангъан, ве базада архивджилернинъ осал чалышмалары себебинден эшилген-тешилген, ве атта базы номерлери ичинден парчалар кесилип алынгъан алда булунмакъталар.

Мевзумыз иле багълы ильмий эдебият ёкъ дереджесинде. Бугунде ялынъыз Асан Сабри Айвазовнынъ «Илери»де басылгъан «Къырым генчлигининъ ильки газетеси. «Ветан хадими»нинъ 20-сенелиги мунасебетиле» адлы парчасы малюмдир¹. Башкъа базы менбаларда ялынъыз къыскъа умумий малюмат берильмекте.

Шунунъ ичюн **эсас макъсат**, мезкюр газета бус-бутюн гъайып олмагъанджек, онынъ сакъланып къалгъан номерлериндеки базы къыйметли парчаларыны олгъаны киби дюньягъа чыкъармакъ ниет эдин-

дик. Занымызджа, бойле янашманынъ бугунде эки тарафлы файдасы бардыр. Биринджиде, юз йыл эвель басылгъан газетанынъ материаллары сакъланыр, экинджииден, шу азыр ишленген, яни араб уруфатындан кирилъджеге транслитерация олунып, кыйын анълашылгъан сёзлери ачыкълангъан, ве керекли вакытта тарихий малюматлар иле изаат этильген материалларнен истегенлер файдалана билир.

«Ветан хадими»нинъ асыл кыймети нешир этильген заманы ве мундериджаты иле багълы олгъанындан гъайры, чокъ джителерден басылгъан ерине де багълыдыр. Къарасувльларнынъ зиялылар топлумы бойле бир газета чыкъармагъа икътидарлы экен, демек Къырымнынъ миллий интеллектуаль кучю ХХ асырнынъ башында Багъчасарай, Ялта, Алушта, Акъмесджит, Кезлеве киби меркезлерден мада, башкъа нокъталарында да къайнап тургъаны ачыкъ корюне.

Газетаны чыкъаргъан сиясетчи, яызджи ве мухаррирлер бир тарафта турсун, онъа маддий гъыда бергенлер, оны «хава ве сувнен» теминлегенлер де айрыджа бир ахэнк ве ветанперверлик дуйгъусынынъ тимсали эдилер. Олар Решит Медиев ве Асан Сабри Айвазовнынъ шахсиетлери этрафында ойле бир кучъ эдилер ки, «джемиет-ихайрие»лер, «усул-и-джедит» ве «рушдие» мектеплерини ачтыкъларындан гъайры, бир де «Халкъ эви» къурып, бу ерде къырымтатар генчлери ичюн музыка, театр ве дигер миллий медений нокъталарны чалыштырдылар².

«Ветан хадими»нинъ 1-нджи номери 1906 сенеси майыс 1-де Къарасувбазарда нешир олунды. Газета идаресини халкъымызнынъ белли эрбаплары Решит Медиев ве Асан Сабри Айвазов алып бара эдилер. 1908 сенеси июнь айындан итибарен газетанынъ башында ялынъыз Айвазов къалды. Решит Медиев исе Акъмесджитке кетип анда рус тилинде «Голос татар» адлы рус тилинде янъы газета чыкъармагъа арекет эткен эди. «Ветан хадими» афтада 4 кере чыкъып, онынъ нешрине Сейдамет Челеби, Сулейман Алимоллаев, Мамут Базиргян, Аббас Усеин ве дигерлери дююмлы маддий ярдымда булундылар. «Ветан хадими» 1908 сенесининъ кузюнде чар укюмети тарафындан къапатылды. Эписи олып, газета (базы аралыкълар иле) эки бучукъ йыл девамында нешир олунды.

1920 сенелеринде «Ветан хадими» заманынынъ джанлы шаатлары олгъан яызджыларымызнынъ базы къайдлары пейда ола. Меселя, Амет Озенбашлынынъ бир макъалесинде бойле сатырлар бар: «Р. Медиев, А. С. Айвазов, Менсеит Джемилев (Джелилов? – И. К.) ве дигерлери енъи бир «ат» эгерлиюрлар. О – «Ветан хадими». (Бу

газета – И. К.) «къара» халкъын яныкъ юрегин серинлеен джанлы теселли! Койлюнин хаят-мемат меселеси олан топракъ къавгъасы, татарларын кенди дилинде экинджи дередже мектеп ачмая хакъкъы истенильмеси, гимназиялара кирильмеси тешвикъы, къадынларын да окумая джелъби ве иляхри. Бу не къадар буюк хужюм, къуввет, деринлик ве тазелик. Не чаре ки, бу тазе фидан вакъытсыз кесилиюр. Лякин чога вармадан онун чевре-четинде фышкъырып чыкъан филизлер еди башлы аждер киби, ольмез олююр. Эбет, рушдиелер ачылыюр, юксек бир рух ве умитле яшыюр. Гимназиялара, университетлере ёл тутуюр. Медиевин меслекдеши, «Ветан хадими»н баш яздыжысы Айвазов дурмадан Кавказ, Истанбул, Мысыр газеталарына языюр. Гъурьбет эллерде къаарини дёкиюр. «Ветан хадими»н инкъилияпчы рухуле зехреленен зиялы яшлар Усеин Балич, Яхья Байбуртлы, Сулейман Бадракълы, Эмиралли Къаишев, Джелал Меинов, Ибраим Меинов, Абдураман Усни ве дигерлери Багъчасарайда «Учкъун» намы алтында бир сыра китапчыкълар нешир идиюр... Истанбулда топлашан талебе генчлик кенди тешкилятыны къуруюр. «Яш татар яздыжылары» адлы джемиетин «Алтын ярыкъ», «Яш татар язылары», «Чар султанаты къамчысы» ве илх. киби бир сыра китапчыкълары нешир олуныюр ве Кыырым, Русие мусульманларынынъ теппредигини мужделиюр, гизли хитапнамелерле Кыырым койлюсини уяндырыюрлар. Хуляса, «Ветан хадими» орталыгъы туташдырыюр, аттыгъы филизлери иле эмеллерини йине яшатыюр. Олююр, факъат олеркенде, догъуюр – генчлиги тепредиюр»³.

Асан Сабрининъ кендиси, нешир эткен газетасы хусусында китапларынынъ биринде бойле яза: «Ветан хадими» инкъилияпчы Кыырым генчлигининъ нашир эфкъары олып, чарлыкъ идареси алейхинде шиддетли лисан къуллиандыгъындан укюмет тарафындан къапатылмыштыр. «Ветан хадими» аз яшамыш исе де, халкъымызын эфкъарыны тенвир идерек (айдынлатаракъ), бир чокъ меселелерде ону бирлештирмишти»⁴.

Лякин 1920 сенелерининъ экинджи ярысында ве 1930 сенелери басылгъан макъалелерде «Ветан хадими»нден мисаль оларакъ кетирильген бир парча биле корюнмей. Козюмизге чалынгъанына коре, ялынъыз бир ерчикте, яни Алтангъылынынъ Тохтаргъазы ве Чергеев акъкъындаки монографиясында, бойле джумлеге расткелемиз: «Ветан хадими»нинъ бутюн архиви тапылса, о вакъыт биз насыл меселелерининъ не тарзда къоюлгъаныны корип олур эдик»⁵.

Элимизде «Ветан хадими» иле айны вакытта «Терджиман»да басылган Гаспринскийнинъ бир къач парчасы бар. Олар, аз да олса, «Ветан хадими» акъкъында малюмат бошлугъыны толдурмагъа ярдым этмектелер. Шунуныъ ичюн бу ерде Гаспринскийнинъ къайдларындан бир къач мисаль кетирейик:

«Къарасувда неширине мунтазыр булундыгъымыз (бекледигимиз) «Ветан хадими» рафигъымызын (достумызныныъ) биринджи нухасы майыс башында чыкъып, идаремизе кельди. Тебрик идиюрыз. «Хадим» къадымлы ве девамлы олсун! Меслеги гузель, лисаны ачыкъ тюркчедир. «Миллет эмири», «Миллет файдеси» киби буюк ве агъыр ишин бахси, музакереси бир чокъ сенелер ялынъыз башымыза къалмыш иди. Бунуныъ месулиети бизи ишкендже киби, сыкъыюр, эзиюр иди. Худая шукюрлер олсун, кечен сенеден бери бу хавф ве месулиет узеримизден котериле башлады. Хэр тарафа бирер-икишер севда-и-миллет зухур итди. Бу дефа Къырымда дахи рафикъ мухтереме наиль олдыкъ. Худа джумлемизе селяметлик версин. Ены газетаныныъ мудири муаллим Абдульрешид эфенди Мехдиевдир, нашири Сеид-Ахмед Челеби ве шерикасы»⁶.

«Урьметли «Ветан хадими» рафигъымызын 9-10 нухасыны окъудыкъ. Джумле газетлерде корюлен телеграммлардан, хаберлерден ве миллет меджлисининъ мухим ишлеринден малюмат вериюр. А. С. Айвазовын хызмет-къалемиеси (къалем хызмети) олан бахслар, муляхазалар (дискуссиялар) хэр нухасында, хэр сахифесинде корюлиюр...»⁷.

«Ветан хадими» рафигъымыз дюнькю баш макъалесинде Къырымдан миллете хызмет идеджек адам етиштирмек ичюн зенгинлеримизин ярдымыле Петербург, Мысыр ве Париже бир къач талебе кондермесини (ёлланмасыны) теклиф ве тевсие идиюр. Чокътан лязим олан бир иш иди...»⁸.

«Мухаррир эфендилерин хызметлери ве гузель къылымлары мейданда исе де, «Ветан хадими»н токталдыгъы ишъар (язма шекилинде хабер) олуныр. Беш-алты юз муштериден зияде джеми оламадыгъы бу гузель газетаныныъ татилине себеп олуюр имиш. Эгер бойле исе, чокъ теэсюф олуныр. Матбуат ишлери ве китап базары лязим бир хала кельмек ичюн даха бир чокъ ситемлерин (сыкъылмаларын) кечмеси лязимдир. Бу да чалышмакъ иле оладжакътыр. Хызметлерини, къылымларыны ве акъчаларыны миллет огъруна сарф иден федакарлары Дженап-Хакъ зияде эйлесин. Бунлара джумлемиз мютешеккюр (тешеккюрлерде) булунмалыйыз»⁹.

«Муштерисизлик иле токъталмыш рафигъымыз «Ветан хадими» бир сенее къадар идаресине етерлик акъча булундыгъындан те-к-рар интишаре (нешир олмагъа) башлады. Хафтада ики дефа чыкъ-аджакътыр. Айда бир рисале виреджектир. (О заманда газетагъа абуне олгъан муштериге мукъяфат оларакъ газета матбаасында басылгъан китапчыкълар да йибериле эди). Сенелик бедили (фияты) дёрт рубледир»¹⁰.

«Ветан хадими»нде А. С. Айвазовын «Зиялыларымызын назар-дикъкъатына» нам парчасын ахырында зиялы мусульманлара му-раджаат олунуп, миллетин мухтадж булундыгъы сиясий программ ве рисалелерин терджимеси риджа олунур. Бу киби риджалар, му-раджаатлар 1881 сенесинден бери идильмектедир, лякин не чаре ки, халкъларымыз малюмате мухтадж, зиялылар исе лисан ве къалеме мухтадж»¹¹.

«Ветан хадими» не дженктен эвель ве не дженктен сонъ, чокъ вакъытлар булунмагъаны себебинден тек ады анъылды – дедик. Мундериджесине келиндже, бу хусуста тек умумий сёзлер юрютилди. Ахыры, 1991 сенесининъ язында Ленинграддаки М.Е. Салтыков-Щедрин адына кутюптаханеде булуныркен, биз эсапкъа алынмагъан фондлардан (Ржевка дагъларындаки магъазларда) «Ветан хадими» газетасынынъ дёрт номерини булып, джумлесини каталогларгъа кирсеттик. Шимди олар андаки каталогларда суретте: к.-тат.; мах-реджде 2-5 шифри алгъында булунмакъталар. Тапылгъан газеталар 1908 сенесининъ январь 4, майыс 29, июнь 7 ве июнь 14-не аит нусхалардыр.

Занымызджа, бу тапылгъан нусхаларнынъ къыймети гъает буюк-тир. Чюнки базада бир къач сатырлыкъ парчалар ичинде берильген хаберлер миллий медениет ве тарихимизни огренмек ичюн пек керкли ве муим шейлер олып чыкъа.

Элимизде «Ветан хадими»нинъ 1908 сенеси январь 4-те басылгъан нусхасы. Газетанынъ серлевасындан сагъ тараф юкъары кошесинде: «Ветан хадими» газетасынынъ 1908 сенеси ичюн муштери дефтери ачыкътыр. «Ветан хадими» шимдилик хафтада бир дефа чыкъыюр. Эгер Акъмесджит шехэринде кенди матбаасы дизилип «Ветан хадими» мезкюр шехэре кочер исе, хафтада бир къач дефалар чыкъарылмасына гъайрет идиледжектир ве газетанынъ къытъасы (форматы) буюеджектир. «Ветан хадими»нинъ сенелик бедили (абуне фияты) 3 рубледир...»

Ялынъыз шу къыскъа хаберден белли ола ки, «Ветан хадими»нинъ

Акъмесджитке кочип, анда чыкъмакъ мерамы бар экен. Биз бу шей хусусында ич бир вакъыт эшитмедик. Юкъарыда анъылгъаны киби, «Ветан хадими» асылында Къарасувбазар шеэринде белли матбааджы З.О. Роганнынъ озель (шахсий) матбаасында нешир олуна эди. Шу газетадан гъайры, бу ерде кырымтатар тилинде чешит китап ве рисалелер басылды. Ве Тохтаргъазынынъ «Налеи Къырым» адлы шиирлер меджмуасы да бу матбаада нешир олунгъан эди.

Эдебий хаберлерге келиндже, араларында сенсацияга якъын шейлер де бар. Меселя, классик шаирлеримизден Асан Чергеевнинъ «Козьяш хан чешмеси» адлы эсерини не дженктен эвель, не де дженктен сонъки эдебиятта расткетирмедик. Бильгенимиз киби, Чергеев озь иджадыны ялы тараф шивеси иле башлагъан эди. Бу сой эсерлеринден онынъ «Эшит, мевта не севлююр», «Аджы Ислям молла» киби поэмалары беллидир. «Ветан хадими»нде (1908 июнь 7) булдугъымыз «Козьяш хан чешмеси» эсери де айны къабыльдендир. Юксек бедияти саесинде миллий эдебиятымыз ичюн чокъ кыйметлидир. Толу метнини мисаль этип кетиремиз:

– Ишидуп чокъ намынъ, чешме,
Кельдим ёкълай, халынъ нидже?
Джумле юкълай, дёк дердинъи,
Кимсе дуймаз – къара гидже.

Акъар суюнъ козьяш киби,
Сёйленуп тамчылар ире.
Бильмем халынъ, бильмем къальбинъ,
Агълайсынъ сен бана коре.
Гонълюнъ кырыкъ, башынъ тёбен,
Джанынъ тепрене къафесте.
Хавф къальбинъе хич кельмесин,
Сёйле, башынъ олса эсте.

Сёйле, чемше, хан япысы,
Недендир, сёйле, элеминъ?
Афу эйле, гидейим бен,
Къырса гонълюнъ, бу кельдигим.

– Бен акъарым хан кунюнден
Динъле, къардаш, – деди чемше,

Халым фена, агълайым хэп
Унудылан доста-эше.

Чокъ достлардан бен тек къалдым
Сувды артыкъ бенден девран.
Келен адам кечер кулип,
Къалдым халкъа олып сейран.

Эшит, далда оте бульбуль
Джан гъаркъ, виран харем ичи
Бакъуп бунъа хич тюзельмем,
Унудылмаз зевкълер кечти...

Эввель заман чешит сеслер
чувулдарды бу эвлерде,
Шимди ялнъыз къушчукълар
Сув ичелер бу кемерде.

Илле танъда тарсыкъа джан,
Уялмаз хич гъарип харем,
Олур сабах, окъур эзан
Джамие гирер хэп алем.

Бош... хич бир ерден сес чыкъмаз,
Агъларым, яш тамлар ере...
Талап Хакъкъа – беклююрым
Джанланыр – деп достларына...

«Ветан хадими»нинъ биринджи номери 1906 сенеси майыс 1-де чыкъкъаныны юкъарыда къайд эткен эдик. Газетанынъ реквизиitleринде «мудир-и-месуль» оларакъ А. Решит Медиев, «сахип-имтияз» (хусусий саиби) сыфатында ерли зенгинлерден Сейдамет Челеби Мурат эфенди ве шерикасы (компаниясы) косътериле. Газетанынъ адреси: «Къарасувбазар, Ильинская сокъагъы, агъа-къардаш Ачки-назилернинъ эви» оларакъ бериле.

Анъдыгъымыз киби, «Ветан хадими» З.О. Роган адында бир матбааджынынъ типографиясында басыла эди. Осман Акъчокъракълынынъ хаберине коре, шу матбаагъа къырымджа хуруфат (яни арап харфлери) «Ветан хадими»ни чыкъармакъ ичюн тедарик олунгъан сормаеге алынгъандыр¹².

Газета 4 саифели эди. Афтада 4 кере чыккып, шиары оларакъ «Хубб-уль-ветан мин-эль-иман», яни «ветан севгиси имандан келир» ибареси алынгандыр. Эм «Ветан хадими» сиясий, ильмий, эдебий, фенний, тиджарий ве икътисадий миллий газета киби косътериле.

Биринджи номеринде кенди мухбир ве окъуйджылары иле не тарзда чалышаджагы бойле анълатыла: «Газетемизин меслеги-не мувафыкъ (уйгъун) хэр не в мухаррерат (язылар) къабул олунып дердж идилиюр, лякин идаре макъалаты (макъалелерни) тасхих ит-меге (тюзетмеге) мухтардыр. Дердж идильмеен эвракъ (мектюплер) иаде идильгез (кери кондерильмез). Маркасыз мектюплер къабул олунамадыгы киби, имзасыз мектюплер де дердж олунамаз»¹³.

Газетанынъ абуне фиатлары ойле келиштирилген ки, эр бир ис-текли, зорлукъ чекмеден языла билир эди. Меселя, газетанынъ сенеле-лик абунеси 5 рубле 50 капик оларакъ косътериле. Ама абунеджи бир кереден сененинъ сонъуна къадар языладжакъ олса, газетанынъ фи-яты 4 рублеге эндириле. Алты айлыгы – 3 рубле, учъ айлыгы 1 ру-бле 75 капик, бир айлыгы 0 – 75 капик ве перакенде (айры-айры) са-тылышында бир нухасы 5 капик эди.

Мухаррирлер газетанынъ сыфаты ве тыш корюнишине де айрыд-жа эмиет бердилер. Ильк девринде калитеси, кейфieti орта деред-жели кягъыт узеринде керекли хуруфат иле бастырылса да, оларны чокъ хошнут этмедди. Даа яхшы сыфатта басылмасына арекет этти-лер. «Идареден» адлы бир парчада окъуйджыларгъа берильген ва-адларында бойле дениле: «Газетемиз хафтада дёрт кере мунтазаман (девамлы) нешир олунаджакътыр. Сымарыш иттигимиз хуруфат (матбаа харфлери) келинджее къадар, газетемизи шимдики хуруфат-ле чыкъармагъа меджбурыз. Бу къусурымызы мухтерем къариинле-римиз (окъуйджыларымыз) афу идерлер. Къарибен (якъында), ин-шаллах, газетемизе гузель бир джисм веририз»¹⁴.

Эбет, газетагъа абунеджи топламакъ ичюн оны эртарлафлама ке-лиштирмек меджбуриетинде къалган мухаррирлер, эллеринден кельген ишлерни япып турдылар. Газетанынъ тиражы кендисининъ узеринде махсус бельгиленмесе де, Гаспринскийнинъ «Ветан ха-дими» хусусындаки бир хаберинде 500 – 600 муштериси олгъаны анъыла¹⁵. Базы башкъа менбаларда исе, «Ветан хадими»нинъ тира-жы вакътынен 2.000-ге чыккыны къайд этиле¹⁶. Акъикъатен, газе-та эр вакъыт муштерисизлик ве, бунынъ нетиджеси оларакъ, маддий зорлукъларда булунгандыр. Буны бир къач дефалар «Терджиман» газетасы да къайд эткен эди. «Ветан хадими»нинъ стунларында бу

дурум ашагъыдаки сатырлардан корюнмектедир: «(Бизнен) мектноп иле мухабере (хаберлешме) идеджеклер еди капиклик марка конде-рирлерсе, биятэхир (дерхал) джевап вериледжектир»¹⁷. Яни газетадан язылы джевап алмакъ ичюн конверт фиятыны редакциягъа ёлламакъ керек эди...

«Ветан хадими» акъикъатсевер, ветанпервер ве радикаль газета эди. Макъсаткъарлы генчлер Р. Медиев ве А.С. Айвазовнынъ этрафындакилер ве янларында чалышкъанлар да тесадюфен ишке киргенлерден дегиль эдилер. Газета хадимлери ве якъын этрафында булунгъанларнынъ аман-аман эпси сонъундан 1-джи Къурултай ве даа сонъра Къырымтатар Мухтар Джумхуриети заманында энъ буюк сиясий роль ойнагъанлардан эдилер. Меселя, «Ветан хадими»нде чалышкъан муреттиплерден бири сонъундан Къырым Иджра Комитетининъ реиси олгъан Вели Ибраимов эди¹⁸.

Макъсаткъарлы ве фааль генчлер – дедик. Эбет, ойледир. Олар «Ветан хадими»нде кенди макъсатларыны ачыкъларкен, бойле парча яздылар: «Ветан-и-мукъаддесимизин эсири олдугъымыз сиях булутлы куньден итибарен, мемлекетимиз капитансыз, дюменсиз бир геми киби, эмвадж къаза (къаза далгъалары) арасында чалкъаныюр ве афакъи заламандар залам (уфукълары къап-къаранлыкъ) олан бир иман наумиди (умитсизлиги) ичинде долашыюрды. Геми хэр салландыкъча, кендисини я бинъ парча идеджек бир къаяя яхут дияри-адыме (ёксусузыкъкъа) кондереджек бир мутхиш далгъая тесадюф идиюрды. Бу саеде гемидеки бичарелерин къысм-ы-азами (буюк бир къысмы) деньизе тюшип богъулыюр, бир къысмы да: «Аман! Бизи тахлис идеджек (къуртараджакъ), сахил-и-селямете (ялыгъа сагъ-селямет) чыкъараджакъ кимсе ёкъму?» – дие рахнедар олмуш (зараргъа огърагъан) гемиден ферьят ве фигъан идиюрдылар. Теэссюф, бинъ кере теэссюф ки, бу аджы ферьядлары, бу юреклери парчалаян фигъанлары ишиден олмады. Чюнки о заманларда бойле инъильти-лери ишидеджек къулакъ, бойле ферьядлар иле мотеэсфир оладжакъ (тесирленеджек) къальплер ёкъ иди! Асырларджа девам иден шу хал-и-эсиф иштималы (кедерли алгъа огърагъаныны) корип де бичаре инсанларын имдадына къошан (чапкъан) булунмады. Ветанымызда алий макъамлары ишгъаль иденлерден бу халы коренлер олду исе де, онлар да пармакълары арасындан бакъып эхэмиет вирмедилер.

Хатта шу эмвадж-мутхише, къоркъунчлы далгъалар арасында богъулмакъта оланлара ках-кахалар идуп кулиюр, зевкъыланыюрлар.

Девр-и-инхитатымыз (ашагъы энме девримиз), инкъыраз ве махв

(ёкъ) олмакъ вакътымыз демек олан шу ахвал-и-алемден джарихе-дар (яралы) оланларын тедавий идеджек бир табиб-и-хазыкъ (уста эким), иман наумиди (умитсизлик) ичинде богъулмакъта олан хэй-етимизи (къабилемизни) тахлис идеджек (къуртараджакъ) махир бир капитан эсхаб-ы-кехф (юкъуда олгъанлар) киби, хал-и-мазалетте (ашагъылангъан алда), гъафлет уйкъусында ятан джемаатымызы икъаз идеджек (уяндыраджакъ мюэссир (тесирли) сесли бир мюна-дий (муэззин), зулематта (къаранлыкъта) къалан миллетимизи нур-и-марифете (бильги нуруна) исал идуп (кетирип) дарейнде рефах (эки дюньяда раатлыгъы) ве саадети мевджуп тарикълери (керекли ёлларны) косъереджек бир рехбер-и-хакъикый лязим иди ки, Ветан-ымыз секинеси (раатлыгъы), кесб-и-афьет идерек (селяметлигини буларакъ) иаде-и-хаят (эвельки яшайшыны) иде бильсин!

Кендисиле ифтихар иттигимиз, факъат хэнуз хакъикъат ве махитини (аслыны) анълямадыгъымыз дейн-и-мюбейин (бордж бильдирген) ислям табийинден хич бир шей эсиргемеен (аджымагъан) фейяз (берекет берген) къудрет хазретлери бойле буюк бир лятифи (гузелликни) де эсиргемеди. Иптида Кавказ дагълары арасындан Хасан бек Зардаби (Меликов) дженапларынынъ «Экинчи» («Сеятель») нам газетасы зухур итти.

Этраф-ы-эрбаа (дёрт тарафкъа) сачтыгъы маариф тухумларындан, арасы чокъ кечмеден «Терджиман» мейдана кельди. Йигирми дёрт сене къадар бир муддет хэп: Мектеп! Маариф! Мектеп! Маариф! нида итти. Усул-и-джедитнинъ интишарына (таркъалмасына), джемиет-и-хайриелерин догъмасына буюк хызмет эйледи. Кечен сене онъа рафикъ (аркъадаш) олмакъ узьре Бакуда «Хаят», «Иршат» («Догъру ёл»), Къазанда «Къазан мухбири» мейдана кельмиш иди. Бу сенеде мефтуны олдугъымыз хурриет кунешининъ шевкъи корюнмесиле Петербургда «Нур», «Ульфат» («Достлукъ»), Оренбургда «Вакъыт», Къазанда «Азат», «Эль-дин ве эль-эдеп», «Йылдыз» ве даха пек чокъ газетлер, журналлар, фенний-эдебий джериделер (неширлер) зухур итти ве къарибэн (якъында) бир къач газете даха зухур идеджеги миллий джериделеримиз нешир итмектедир. Вакътыле «Экинчи»нинъ септиги маариф тухумларындан хэр ерде, хатта намы ишидильмемиш къасабаларда биле бирер тухум тюшерек, тедриджен (яваш-яваш) инсанлары тенвир итмеге (айдынлатмагъа) башламыштыр.

Иште, бугун эдждат-ы– азиммизин (улу неслимизнинъ) икинджи пайтахтлары (меркезлери) олан Къарасув киби исми унутыл-

мыш, хаяты сѣнмюш, харабе-зар (виране) халында булунан бир ше-хирде де «Ветан хадими» дюнья келип кендисини миллете такъ-дим идиюр! «Ветан хадими» миллий газетелеримизин йѣк-дигерине (бири бирине) рекъабет идерджесине тексир (ѣксери) иттиги ве Русининъ энъ зияде инкъиляп ѣйледиги бир заманда тулу иттиги (догъ-гъаны) киби, догъдугъы ер де «джисми вар исми ѣкъ» кѣхне (ѣски) бир къасабадыр.

Бунунъюн табийдир ки, газетемиз ильм ве маариф базарында межлис-и-ильмие ве махафил-и-сиясиеде (сиясий топлантыларда) чар-чабукъ бир мевкъи (ерни) ишгъаль идемез. Факъат миллетимиз-де уянан ильм ве маариф дуйгъусы саесинде «Ветан хадими» де кендисине джевлан итмеге (юрюмеге) бир мейдан булур умидиндейиз.

Затен «Ветан хадими»нинъ догъмасындан макъсат – миллетимизин чѣллерде, койлерде, чифтчилик, зираатчылыкъ, багъчеджилик, амелелик (ишчи оларакъ) ве саир иле тайиш иден (кечинген) сыныфына хызмет итмек, ѣхвал ве маишетлерининъ (яшайышларынынъ) исляхине (яшшылашмасына), араларында маарифин тамим (умумий олмасына) ве интишарына (таркъалмасына) аликъадр эльхал (буюк гъайретнен бугунъ) чалышмакътыр. Бинаэн алейх (бундан долайы), ветанымызын кесб-умранына (сеадетине) мусульманларын теракъ-къиесине (илерлемесине) мекъятиб-и-миллиемизин (миллий мектеплеримизнинъ) тезийд (арттырылмасына) ве исляхине (ѣйилешмесине) миллетимизин хукъукъыны мудафаасына (къорчаланмасына) огърашаджакътыр.

Хѣйет-и-ислямиемиз (ислям къурулы) меянында (арасында) алий постлары ишгъаль иденлерден, улема (илим саиплери) ве амиримизден (илери кельгенлерден) сырасы кельдикче бахс идиледжектир (сѣйленеджектир).

Яздагъымыз ахвал, къариине (окъуйыджыларгъа) арз идеджегимиз вукъуат (вакъиалар) не къадар алим (ѣлемли, кедерли) ве не дередже хазин (гъамлы) олса да, олдугъы киби беян идиледжектир. Янгъыны – иллюминация, къыямы (беляны) – дюгюн, хыянети – керамет (лютф, керем), къаргъайы – бюль-бюль, виранейи – гюлистан дие тефсир итмееджегиз (ангълатмайджакъмыз). Догъруйы – догъру, эгрие – эгри демек «Ветан хадими»нинъ борджу оладжакъы киби, алам-и-ислямиетте джерейн иден (акъып кечкен) ахвал ве вакъайиди (вакъиаларны) заман ве мекянынъ мусаидесине коре, аджы-аджы тенкъит итмек меслегимиз мукътезаятындандыр (талапларындандыр). Мамафих (бойлеликле), «миллете хызмет» намы алтында ке-

рек эйи, керексе фена олан хавадислери (адиселерни) агъаларын хатири, софуларын такъвалыгъы (Аллахтан къоркъусы) урьметине ялан-яньлыш арз идильмееджектир.

«Ветан хадими»нинъ къулладжакъ тили – умумий лисан-и-эдебийдир. Языладжакъ шейлер де мумкюн мертебе лисаны (тили) хэр кесин анъладыгъы бир дереджеде, шиве бозулмамакъ шартыле, саделештирмеге гъайрет идеджегиз. Шуну да арз иделим ки, «Ветан хадими» Ветанымызын теракъкъисине чалышаджагъы киби, миллет ве миллиетимизин файдесине гузель макъалелер язан эрбаб-ыкъалеме де сахифелери даима ачыкъ булунаджакътыр. Чалышмакъ – бизден, хызмет – миллеттен, тевфикъ (ярдым) – Аллахтан»¹⁹.

«Ветан хадими» озь сиясий ве ичтимай ишини кенишлетмек макъсадынен Къырымнынъ бир сыра кошелеринде мухбир нокъталарыны тешкиль этип, оларгъа газета сатмакъ ве абунеджи топламакъ киби вазифелер де бергендир. Анълашылгъанына коре, «Ветан хадими»нинъ векиллери оларакъ Ялтада – Джафер Эфенди Адаманов, Багъчасарайда – Али Эфенди Тарпи, Козьлеведе – Хафуз Шемьи Эфенди, Кефеде – китапчы Пургайло дженаплары тайин этильген эдилер.

«Ветан хадими»нинъ биринджи номерини огрениркен, бир сыра меракълы ве эмиетли парчаларгъа огъраймыз. Газетанынъ мухаририлери (биринджи рус инкъилябы деврини башындан кечиргени алда) озь фикир ве дуйгъуларыны ачыкътан анълатмагъа тырышалар. Кечмиште чар зулумы нетиджесинде Къырым не алгъа кельгенини косътерип, Ветаннынъ месут, бахтлы келеджегине насыл ишлер япмакъ, биринджиде ве сонъра насыл меселелерни чезмек кереклигини «Ветане хызмет» серлевхалы парчасында бу шекильде ачыкълайлар: «Газетемизе «Ветан хадими» намыны веререк, бойнумыза Ветан хызмети киби агъыр вазифе алдыкъ. Бугунъ майыс 1-ден итибарен бу вазифемизин иджрасына тешеббюс идиюрыз. Эгер Дженаб-ы-ваджи-п-уль-вюджут (Аллах) андында ишимиз мувафакъ келир исе, бойнумыза алдыгъымыз хызмете къалем быракъмаюп джезд (гъайрет) иедеджегиз.

Ветан хызмети буюктир ве эсадыр (хайырлыдыр). Русининъ шимдики халында хызметимиз не оладжагъыны текмилен сёйлемек иркен (эрте) олдугъындан, газетемизин хаятына да бельки хавфлыдыр. Лякин бу хусуста бир шей сёйлемейип ише башламакъ ляйыкъсыз олур зан идериз. Бойле олдукъта, дие билириз ки, бизим эввеля хызметимиз – Ильминский ве Победоносцев хилелери (айнеджи-

ликлери) иле бедбахт (бахтсыз) олып къалан идаре-и-руханиемизи шери-шерифин (шериятын) косьтердиги тарикъле (ёлу иле) исляхтан (реформадан) сонъра бизим диний ишлеримизден хукюметин темиз-темизе эль чекмеси талабы!

Икинджи, факъре ве фукъаре къалан кырымтатар къардашларымызын хал ве маишетлерини ислях ичюн тазе бир ёл арамакътыр.

Къырымда ики юз бинъ джан мусульман эхалиси хэсап олуныюр. Бу ики юз бинъ джан эхалининъ 25 – 30 бинъи шехэридир, дёрт я беш бинъи «дворян» ве «духовный»дыр. Къалан 160 бинъден зияде эхали джеми койлю «поселян»дыр. Бу 160 бинъден зияде джан сабанджылыгъа багълы олдугъындан, йиеджеги, ичеджеги ве джеми маишети къара ердendir. Къырымда сабанджылыкъ иле мешгъуль гъайры миллет де чокътур. Лякин бу миллетлерин арасында мусульман сабанджысындан даха хор, мусульман сабанджысындан даха факъыр бириси ёкътур. Бунунъ себеби – мусульман сабанджы эхалисинден ярыдан зиядесининъ топу бирер сажень топрагъы вардыр. О да эгер помещиклер разылыкъ косьтерир иселер, дар-уль-фенадан (дюньядан) дар-уль-бека (ахиретке) хиджретте вериледжектир!

Бир вакытта Къырым койлю мусульманлары къутлу (бахтлы) ве зенгин идилер. Ол вакыт сабанджылар элинде кереги микъдарда топракъ да вар иди. Бу насыл олду да, бу ерде топракълы сабанджылар бир юз сене ичинде топракъсыз ве хор, факъыр къалдылар? Бу суалин джевабыны ялынъыз Къырым Русиее таби олдугъы куньден бугунедек Русиеде девам иден къанунлар ве бу къанунлары иджра иден мемурлар ве мухамемханелер (судлар) вере билирлер... Лякин шураасыны да сёйлемек керек ки, шу къанунларын ичерсинде «Екатерина Великая»нынъ Къырым эхалисине даир чыкъардыгъы ве мемурлар джебинден чыкъмайып къалан бир «Манифест»и вардыр ки, юкъарыда яд идилен (анъылгъан) хор ве факъыр къалан къардашларымызын хал ве маишетлери ислях талабында, мезкюр «Манифест»ин шу джумлеси иле рехберленеджегиз: «Неправильно взятое настоящему владельцу возвратить!» Манасы: хакъсыз алынан сахибине кери къайтарылып верильсин!

Бу ики хызмет «Ветан хадими» намыле котердигимиз байрагъын ики сатырыдыр. Байрагъымызын учюнджи сатыры мектеп ве медресе исляхыдыр. Дёртюнджи ве бешинджи сатырлары – бунлары да сёйлериз...

Юкъарыда дедигимиз киби, шимди агъзы ачыкъ тутмакъ бугунь тулу иден (догъгъан) «Ветан хадими»нинъ хаятына бельки хавфлы-

дыр ве лякин бизим хаялий байракъ котерип газете стунлары толдурдыгымыз иле битмез. Вар къуввет иле талап да лязимдир. Лякин Русие низамлары ве хукюмети шимдики формада идаре идер исе, талап иле де иш битмез. Ойле олдукъта, баш хызмет, баш талап – Русие хукюмети идареси исляхыдыр. Бизим андымыз да идаре-и-мешруте-и-авамие (авам халкънынъ конституцион идареси) талаплары узьре Русиеде идаре-и-мешруте тикильмейиндже, не бир миллет ве не бир къавм Русиеде рахатлыкъ ве ихтиярлыкъ (сербестлик) буламаз!»²⁰.

«Ветан хадими» озь вакътында тасиль меселесини де кескин суретте котерген эди. Мектеплерде окъув эснасында мейдангъа чыкъкъан проблемаларны бутюн инджеликлеринен айдынлатып, Къырымдаки миллий тасильнинъ сыфат дереджесини юксельтмеге огърашты. О девирде булунгъан аджджы аллар бугуньде де миллий тасилимизде корюнип тургъанындан, А.С. Айвазовнынъ «Мектеплерин исляхи ве ичтима-и-муаллимин» адлы парчасыны бир ибрет сыфатында толусынен беремиз:

«Усул-и-джедиде ве мекятибин (мектеплернинъ) исляхи фикри-и-мукъаддеси иптидаий ватанымыз олан Къырымдан зухур идерек, харик-уль-аде (адеттен тыш) дениледжек бир суретте Русининъ хэр тарафына интишар идуп (дагъылып) бугуньки куньде муслиман булунан шехирлерде пек чокъ усул-и-джедиде мектеплери мейдана кельмиштир. Факъат Ветанымызын бу нимети иле кендимиз халя мютенаим (варлыкълы) оламадыгымыза не дередже теэссуф итсек, ери вардыр. Мухтерем «Терджиман»нынъ 25 сене къадар къулакъларымыз ичинде мектеп ве маариф хакъкъында иттиги нидалары, окъудыгъы хутбелери, сёйледиги насихатлары заманнынъ бухранына (къарышыкълыгъына), меяаннынъ узакълыгъына, къышын баридатына (сувугъына), язын хараретине эхэмиеет вермиюп, огъуне чекилен истихкамлары (къувветлерни) тар-мар идерек, дагъ ве къаялары, чёлъ ве дерьялары ашаракъ, он бинъ вёрст мессафелик шехирлерде, къасабаларда, койлерде акс ве тесир иттиги мунтазам (низамлы) ве мукеммель дар-уль-тедрислер (дерсханелер) мейдана кельдиги халда, бизим Къырымда усул-и-джедиденинъ хэнуз (аля даха) лязими киби интишар идемедиги ве «усул-и-джедиде» намындаки мектеплеринде лайыгъыле ислях (реформа) олунамадыгъы шаян-ы-теэссуф (чокъ языкъ) дегильмидир?

Къырымда бинъе къарип (якъын) мекятиб-и-ислямие мевджут икен, бунлардан онда бири, бельки йигирмиде бири анджакъ усул-и-джедидее тахвиль идильмиштир (чеврильгендир).

Бунлар мяянында (арасында) ялынъыз намы «усул-и-джедиде» оланлар да аз дегильдир. Эгер «усул-и-джедиде» намы вердигимиз мекятиби (мектеплерни) бир хэйет-и-мюмейиз (имтихан комиссиясы) тефтиш идеджек олур исе, ветанымызда анджакъ он мектеп къалыр. Бунларын да усул-и-тедрислери, тертип ве низамлары, дерс программалары бир-бирине мухалиф (терс) о дереджеде зыттыр ки, бирисинде тедрис идилен дерсин, дигеринде исми биле ишидильмиюр. Икинджисинде къулланылан усул-и-тедристен учюнджи мектебин хабери ёкътыр. Меселя, бир мектебин икинджи сыныфыны икмаль иден (битирген) бир шакирд, дигер бир мектебе кидерсе, я дёртюнджи сыныфа кечеджек яхут биринджи сыныфта къаладжакътыр. Учюнджи сыныфа хич киремез. Чюнки хэр мектеп мустакъиль (озь башына), хэр мектебин программасы, усул-и-тедрисиеси де башкъадыр. Бу себептен «усул-и-джедиде» намы вердигимиз мектеплерде беш-он сенеден берли хич бир эсер-и-теракъъи (илери бир шей) косъгермемишлердир. Мектеплеримизин хэр биринде бирер усул программа олмамасында не къадар зарары олдугъы мейдандадыр. Муаллим эфендилеримизин хэр бири: «Меним усул-и-тедрисием (дерс усулым) фаиделидир, меним танзим иттигим (тизгеним) программа догърудыр!» – даvasыле йэк-дигерининъ (бири-бирининъ) хасм-ы-джаны (душманы) олуюрлар.

Затен арамызда бу дава-и-шахсие бунсуз да джанымыза кечмиштир. Бу мектеп ве тедрис даvasы да чыкъынджа, артыкъ хафиз-Аллах (Аллах сакъласын)! Хэр муаллим бир-бирини земм идер (айышлар), йэк-дигери хакъкъында итале-и-лисанда (ошеклерде) булуныр, бирисининъ малюматыны отеки чекемез, бирисининъ къусуруны учюнджиси ютамаз. Бири дигерине селям вермез, дигери де оны тан (сёгер) ве текфир (куфюр) идер. Сенелер, айлар дава-и-шахсие иле кечер гидер.

Хэле «муаллим» унван-джелили (буюк унваны) алтындаки эвлия боджеклери де иддия (давагъа) кирер исе, артыкъ аман!!! Бунлар енъи эвляд-ы-ветаннынъ (ветан балаларынынъ) къаныны ичен филюскерлер (филлоксералар, юзюм къуртлары), дамарларыны чюрютен микроблар, шавле-и-зеяларыны (зехин, фикир кескинлигининъ нурларыны) сёндюрен хашерат хакъикъатта усул-и-джедиденинъ душманы икен, «мектеплеримиз эльден чыкъмасын, маашымыз кесильмесин» ниет-и-фаидесиле (файда ниети иле) «биз мектеплери усул-и-джедидее тахвиль итдик (чевирдик)» – дие джемаатын козюне перде чекиюрлар. Халбу ки, хукм-ю-тахтында инълеен мектеп-

те усул-и-джедиденинъ асрий (земаневий) къокъусы биле ёкътыр. Усул-и-джедиденинъ не олдугыны бильмез, окъудыгы китабы анъламаз, ики сатыр догъру язы язмакътан да аджиздир. Алты сене къадар бир муддет эвляд-и-ветан «мектеп» намы вердигимиз «къулюбе» (эвчик) девам идер, хич бир шей бильмедиклери халда, дуа ве сена иле мектептен къалыр, ялынъыз тежвитсиз (къосътергичсиз) олмакъ шартыле ялан-янълыш «Ясин-Шерифи» окъумакъ огренир. Шимди бу киби муаллимлерин окъуттыгы ве окъутаджакълары чоджукълардан не беклее билириз?! Бу «муаллим» унваныны гъаспиден (зорнен алгъан) мазар (зарарлы) микроблар учъ-беш сене зарфында заваллы шакирданнынъ фитретлериндеки истидат ве зеяларыны да йиер битирир.

Иште мектеплеримизин халы, иште муаллим эфендилеримизин хызмети! Малюмат сахиби олан муаллим эфендилер йёк-дигерини (бири бирини) чекемемек маразыле кенди вуджутларыны йиюр, миллети джахиль быракъиюр, эвлия къыяфети алтында бойну тыраш олан зарарлы «боджеклер» талевенинъ вуджудыны чюрюдиюр.

Шимди къабахат кимдедир? Муаллимлердеми, джемаат ве миллеттеми? Асыл къабахат мекаятип (мектеплер) ве медарисин (медреселернинъ) эмур (иш) незаретини дерахе иден (беджерген) идаре-и-руханияедир. Мектеп ве медреселери, джами ве текиелери ислях итмек, эмур ве идаресини козетмек биринджи вазифеси иди. Ах, языкълар олсун ки, идаре-и-рухание аксине амель итти (япты). Къанады алтына алдыгы мектеп ве медреселер йыкъылды. Эвкъаф (вакъуфлар) юмудды, джами ве текиелер де агъланыладжакъ бир хала кельди. Мадам ки, идаре-и-рухание вазифесини ифа итмеди (япмады) ве итмиюр, о халда биз де денъизде рузгяр беклеен ялынъызлы геми киби беклеелимми? Хайыр, хайыр! Беклее-беклее гъайры джанымыз янды! Артыкъ келинъиз эль бирлигиле мектеплерин исляхине бир чаре араялым! Эгер мектеплерин къяфеси (эписи) бир программа тахтына (алтына) алынмаз, усул-и-тедрис хэпсинде бир олмазсе, не муаллимлер арасындан адавет (душманлыкъ) ве нефакъ (анълашмазлыкъ) къалкъар, ве не де мекаятибимиз теракъкъи идер.

Мектеплери ислях ве низаме чекеджек, хэпсини бир программа тахтында (алтында) булундыраджакъ ялынъыз джемиет-и-ильмие яхут бир хэйет-и-мумейизедир (имтихан комиссиясыдыр). Татиль заманларында мектеп муаллимлери муайен (тайин этилген) бир ерде иджтима итмели (топланмалы), мектеплери исляхине даир мюбахасе (дискуссия) ве мюназара (къонушмалар) идуп, кенди ара-

ларындан ве муаллимлерин гъайрысындан азалар интихап идерек (сайлап) бир джемиет-и-ильмие тешкиль эйлемели. Бу джемиет-и-ильмиеден бир хэйет-и-мюмейизе интихап идерек, дерс назыры, мюфеттиш (тефтиш этиджи) ве саире сайлайып, хэр волосттаки мектеплери бир адамын назаретине вермели. Интихап идиледжек (сечиледжек) мюфеттиш, назыр эфендилер мутлакъа муаллимлерин гъайрысындан олмалыдыр. Хэр мектебе бир мудир, бир мюфеттиш сайламакъ мумкюндир. Хуляса – мектебин маддий джихэтини мудире, маневий джихэтини де хэйет-и-мюмейизее (имтихан комиссиясына) тежди идильмели (юкленмели). Мектебин программасы, усул-итедриеси хэйет-и-мюмейизе тарафындан танзим идильмелидир (тизильмелидир).

Бу бабда азыладжакъ мадделер пек чокъ исе де, биз шимдилик бу къадар иле иктифа идер (кифаэтленир) ве муаллим эфендилеримизин бу хустастаки рейлерини (фикирлерини) беклериз. Огюмиздеки язда, татиль заманында, июнь ахырларында Къарасувда бир иджтима-и-муаллимин (оджалар топлантысыны) япмакъ умидиндейиз. Бу макъсат-хайре иштирак идеджек муаллимлер, шимдиден хабер вермелери лязимдир. «Ветан хадими» идаресине язмалы бильдирмели. Бу муаллимлер иджтимаине муаллим олмаянлар да иштирак иде билирлер. Ялта муслюманлары арасында бу гузель фикир чокътан берли сэйленсе де, маатеэсюф (языкъ ки) мейдана кельмеди. Иншаллах, бу иджтимамыза онлар да иштирак идерлер. Иджтима-и-муаллимин бутюн Къырым ичюндир. Хэр ерден адамлар кельмели. Факъат хич зан итмем ки, бу эмур-и-хайирден (хайырлы иштен) къачан адам булунсын. Шурасыны да арз идейим ки, юкъарыдан бери серд иде кельдигимиз (къысым-къысым анълаткъанымыз) макъсады мейдана кетирмек ичюн хич бир мушкюлят чекильмез умидиндейим.

Йигирми беш сене мукъаддем миллетимизин не халда олдугъы хэпинъизе малюмдир. Ялынгъыз бир «Терджиман» иле нелер мейдана кельди ве не фикирлер догъды! Йигирми сене мукъаддем маариф, газете, мектеп недир, исляхат насыл шейдир? – диен кимсе ёкъ икен, бугунь юзлерле маарифперверлер, мухаррирлер, эдиплеримиз вардыр. Беш-он сене эввель Къырым адамы?, ярымадамы? – не олдугъыны бильмеенлер, бугунь Африка ве Америкадан бахс (сухбет) идиюр. Миллетимизде теракъкъи фикри уянды. Бу фикри изхар итмели (мейдангъа чыкъармалы), тешеббюс идеджегимиз эмур-и-хайирде бир мушкюляте огърар исек, буюклеримиз хэр заман халь итмеге

хазырдырлар. Иджтима (топланты) заманыны келеджек номерлери-мизде тайин идериз ²¹....

Нетидже оларакъ шуны къайд этмели ки, юкъарыда мисаль оларакъ кетирильген бир къач парчалардан корюнгени киби, «Ветан хадими» газетасы миллий медениет ве тарихимизнинъ буюк бир маневий ядиркярлыгыдыр. Онынъ ве онъа бенъзер дигер эски матбуатымызынъ саифелерини «джанландырмакъ» эмиетли ве шерэфли хызметтир.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ:

1. Айвазов А.С. «Къырым генчлигининъ ильки газетеси. «Ветан хадими»нинъ 20-сенелиги мунасебетиле» // Илери.– 1926.– № 1.– С. 49 – 53.

2. Къырымлы Х. Къырымтатарларында миллий кимлик ве миллий харекетлер: 1905 – 1916. Анкара: Тюрк тарих къуруму басымэви.– 1996.– 296 с.– С. 97.

3. Озенбашлы А. Кечен девримизе тенкъидли бир бакъыш теджрибеси // Окъув ишлери.– 1925.– № 2.– С. 20 – 21.

4. Айвазов А.С. Къырает китабы. Акъмесджит.– 1928.– 32 с.– С. 29.

5. Алтанълы А. Усеин Шамиль Тохтаргъазы ве Чергеев // Большевик ёлу.– 1935.– № 4.– С. 16.

6. Гаспринский И. Енъи газета // Терджиман.– 1906.– № 47.– майыс 5.

7. Гаспринский И. «???» (Бу парча бойле серлевха алтында басылгъандыр – И.К.) // Терджиман.– 1906.– № 55.– майыс 24.

8. Гаспринский И. Къырым хаберлери // Терджиман.– 1906.– № 117.– октябрь 16.

9. Гаспринский И. «Ветан хадими» // Терджиман.– 1906.– № 126.– ноябрь 6.

10. Гаспринский И. Къырым хаберлери // Терджиман.– 1906.– декабрь 4.

11. Гаспринский И. Къырым хаберлери // Терджиман 1907.– № 36.– апрель 13.

12. Акъчокъракълы О. Къырымда татар магбааджылыгы // Илери.– 1927.– № 4.– С. 22 – 23.

13. «Ветан хадими»– 1906.– Майыс 1.– № 1.

14. Хэйет тахририе. Меслек ве мурадымыз // Ветан хадими.– 1906.– Майыс 1.– № 1.

15. Гаспринский И. «Ветан хадими» // Терджиман.– 1906.– Ноябрь 6.– № 126.

16. Къырымлы Х. Къырымтатарларында миллий кимлик ве миллий харекетлер: 1905 – 1916. Анкара: Тюрк тарих къуруму басымэви.– 1996.– 296 с.– С. 99.

17. Ветане хызмет // Ветан хадими.– 1906.– Майыс 1.– № 1.

18. Алядин Ш. Бизим ифтихарымыз // Йылдыз.– 1987.– № 5.– С. 46.

19. Хэйет тахририе. Меслек ве мурадымыз // Ветан хадими.– 1906.– Майыс 1.– № 1.

20. Ветане хызмет // Ветан хадими.– 1906.– Майыс 1.– № 1.

21. Айвазов А.С. Мектеплерин исляхи ве иджтима-и-муаллимин // Ветан хадими.– 1906.– майыс 1.– № 1.– С. 2 – 3.

ГАЗЕТА «ВЕТАН ХАДИМИ» (1906-1908).

ИСТОРИЯ И ТЕМАТИКА

В статье освещена краткая история крымскотатарской газеты «Ветан хадими», издававшейся в период с 1906 по 1908 годы в Карасубазаре. Сделана попытка обозначения основной цели и задачи данного издания, сыгравшего важную роль в развитии национальной демократии Крыма.

ГАЗИЗ ГУБАЙДУЛЛИН И БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ: ПУТЬ К ЗНАНИЯМ

Бекир Чобан-заде (1893–1937) и Газиз Губайдуллин (1887–1937) – ученые, оставившие заметный след в великой и трагической смелой эпохе в российской истории в первой трети XX века. Оба обладали огромной жизненной энергией, что с детства выделяло их из окружающих¹. Оба стали первопроходцами в науке среди тюркских народов России. Каждый в своей области стал первым профессором из татар². Оба вложили свой вклад в тюркский ренессанс начала XX века, оба подвергались репрессиям в 1920-1930-гг., оба были расстреляны 1937 г. с обвинением в пантюркизме, хотя в перечень пантюркистов в современной Википедии не вошли³.

Пантюркизм, как известно, – культурное и политическое течение, в основе которого лежат идеи о консолидации тюркских народов на основе этнической, культурной и языковой общности. Определение пантюркизма в России, Болгарии, Греции, Китае и в некоторых других странах до сих пор обычно сопровождается такими прилагательными с негативным оттенком, как «реакционный», «экспансивный», «ирредентистский» и т. п. Подобное отношение к пантюркизму в целом было доминирующим в XX веке. В России еще со времен Империи

---

1 О Бекире его одноклассник в турецком лицее писал: «Честно говоря, Чобан-заде был наиболее активным и проворным, более бойким, чем мы» (см. Керимов). «Из семейных преданий, – писал сын Г. Губайдуллина, – известно, что среди детей особенно отличался мой отец Газиз. Он был смышленным, обладал хорошей памятью, с малых лет развлекал рассказами детей, быстро выполнял поручения и просьбы взрослых, отличаясь большой проворностью». (Газиз Губайдуллин, с. 18).

2 Чобан-заде утверждал на допросах в НКВД: «Я являюсь первым профессором на Советском Востоке по своей специальности». – Материалы следственного дела Б.В. Чобан-заде № ПР26926 в трех томах. Хранится в Центральном архиве МНБ Азербайджана. Т. 1. (Цит. По: http://www.baku.ru/enc-show.php?id=75803&cmn_id=276). Первенство Газиза Губайдуллина подчеркивал известный татарский писатель Галимджан Ибрагимов (см. Ибрагимов Г.).

3 Вероятная причина – в стремлении обоих ученых быть подальше от политики в специфических условиях Советской России.

считалось, что идеология пантюркизма представляет угрозу государству. В СССР идея пантюркизма была объявлена антисоветской и антинародной. В толковом словаре Ушакова Д. Н. 1935—1940 гг. о пантюркизме читаем: «Буржуазно-националистическое течение, направленное к объединению всех тюркских народностей в одно буржуазно-помещичье государство под гегемонией Турции; Пантюркизм используется в целях захватнической политики империалистическими государствами, орудием которых являются буржуазные реставраторы, враги народа в советских республиках». В Советской исторической энциклопедии: «Пантюркизм — агрессивная расистская доктрина, согласно которой все народы, говорящие на тюркских языках, являются якобы одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое, простирающееся от Балкан до Сибири государство Туран». Парадоксальность явления в том, что против первой — культурной ипостаси явления — негативные прилагательные неприменимы по определению, поскольку она не связана напрямую с политикой, а вторая ипостась дискредитирована политическими ориентирами самой Турции, которая после Атаатюрка вовсе не стремилась к созданию тюркского сверхгосударства под своим главенством.

В «сухом остатке» исторический факт: пантюркизм как политическое явление не состоялся, а состоялось как культурное, просветительское. И в этом смысле явление оказалось неразрывно связанным с жизнью и деятельностью Исмаила Гаспринского⁴. Как известно, тюркизм Исмаила Гаспринского был не столько теорией, сколько программой действий по образованию и просвещению народа, программой, в реализации которой он сам принимал активное и разностороннее участие. Согласно Гаспринскому, «тюркские народы, населяющие Россию (крымские и волжские татары, башкиры, тюркские народы Русского Туркестана), должны были... силу своей культурной близости и общей мусульманской идентичности вместе создать новые формы социальности и культурного бытия. При этом современное знание о мире и современные технологии российским тюркам следовало воспринять из Европы, в частности из России» (Шукуров, http://magazines.russ.ru/oz/2004/1/2004_1-1_2.html).

Крымский татарин Бекир Чобан-заде и казанский татарин Газиз

---

4 В отношении к личности и деятельности Гаспринского долгое время не было единого мнения. Лишь во второй половине XX в. началась переоценка его деятельности и сегодня страхи перед «пантюркизмом» Гаспринского отошли в историю (см. Приветствие..., с. 3).

Губайдуллин были продолжателями на ниве просвещения своего знаменитого предшественника. Да и сами они выросли в специфической атмосфере тюркского мира России, той атмосфере, которая изменялась этим великим просветителем⁵. Причем изменялась неравномерно у крымских и казанских татар, что нашло свое отражение, в частности, в детстве двух ученых. Конкретные нововведения Гаспринского в школьную систему, преобразования школы из старометодной с ее долгим и неэффективным способом изучения языков и предметов в новометодную – в быстрое и эффективное образование, имели своих сторонников и противников.

Путь к знаниям, процесс образования у обоих ученых был разным, причем более прямым, простым и коротким у сына пастуха, а не у первенца купца. У сына богатейшего человека он труден и долог, а сын пастуха движется по жизни как баловень судьбы легко и быстро. Бекиру повезло с отцом, школой и общественностью города. Отец способствовал в открытости к миру и получении сыном того образования, которое можно было получить в крымской провинции. Юный выпускник начальной школы с благодарностью говорил в речи по случаю окончания: «Всем Вам известно, что я являюсь сыном одного из беднейших людей нашей любимой и драгоценной Родины. Не владеющий грамотой сердобольный отец мой, чувствующий себя ответственным перед своей совестью и перед Всевышним и всецело уверовавший в необходимость учения, пятый год подряд зимой и летом ежедневно кроме пятницы, посылал меня в школу» (Керимов, <http://ilmiyqirim.blogspot.com/2011/07/1893-1937.html>). Способности Бекира к учебе были рано замечены горожанами. Школа из всех выпускников сыну беднейшего человека доверила выступить с речью от имени учащихся. Речь была опубликована в газете. Она стала первой публикацией в жизни будущего ученого. Общественность города была настроена на продолжение образования способного выпускника городской школы. Городской голова Решид Медиев способствовал тому, чтобы в 1908г. направить Бекира на учебу в Стамбул за счет городского благотворительного общества (<http://www.qirimtatar.org/index.php/crimeantatars/personalii/item/1049-bekir-choban-zade-poet-uchenyi-vostokoved-i-tiurkolog.html>).

---

5 Среди татар России известность и популярность Гаспринского в конце его жизни были беспрецедентны. Примечательным показателем чего было использование его портрета в рекламе товаров широкого потребления (см. Ганкевич), надо полагать, как своеобразная гарантия качества, подобно тому, как до сих пор эксплуатируется в Болгарии имя основателя государства – хана Аспаруха.

Иначе протекало воспитание и начальное образование Газиза. Учился он в школе с традиционным обучением. «С семи лет меня отдали в одну из казанских татарских духовных школ, где я обучался восемь лет. В течение восьми лет большую часть времени я проводил в школе. До восхода солнца, во время утренней молитвы, я отправлялся туда, а возвращался к двум часам на обед. После обеда, с 4-х часов дня уходил в школу и весь остаток дня, до 9 часов вечера, проводил там» (http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1997_1_2/04/2/). Школа давала богословские знания и арабского языка, но не русского и других европейских языков, а также естественно-научных дисциплин. Такое обучение находилось в резком диссонансе с эпохой всеобщих перемен конца XIX – начала XX веков. По окончании медресе возникла проблема получения современного образования с нуля и в связи с потерянными временем уже не в стационарном учебном заведении, а самостоятельно. После напряженной, ускоренной подготовки в 1910 г. Газиз экстерном сдал экзамены по всем предметам классической гимназии, получил аттестат зрелости и стал готовиться к поступлению в университет. «В первый день экзаменов нужно было написать сочинение по русскому языку и литературе на вольную тему. Сочинение было рубежом, определяющим возможность продолжения экзаменов по остальным дисциплинам. Для Газиза же оно было самым тяжелым испытанием, так как он не получил должного образования в стенах гимназии, для него, тагарина, получившего формальное образование в медресе, русский язык был фактически, иностранным языком» (Газиз Гобэйдуллин: 25-26). Но опасения были напрасными: сочинение Газиза из всех представленных было признано лучшим (Там же: 27).

Все годы детства и юности взаимоотношения Газиза с отцом и окружающей действительностью были не простыми. «К концу своего пребывания в “Халидии” Газиз Губайдуллин являлся членом радикального шакирдского движения, требовавшего коренной реформы исламского просвещения. Уже в этот период он видел перспективы лишь в полноценном светском образовании, в обязательном изучении русского языка и культуры. По всей видимости, на настроения молодого человека серьезное влияние оказывало и увлечение модной тогда социалистической утопией» (Салихов, <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-4984-print-1.htm>).

«Как пишет в своих воспоминаниях Шариф Байчуря в 1903-1904 гг., среди прогрессивной татарской молодёжи – шакирдов медресе, учащихся реальных училищ, гимназистов, студентов Казани и других

городов начинается бурное движение, направленное на пропаганду и распространение среди татар передовой европейской и русской культуры. Формируется молодежный кружок под названием «Шимба». Интересно и увлекательно в кружке проходили литературные вечера, читались и обсуждались произведения молодых татарских писателей, ставились домашние спектакли... «Кружок проводил революционную работу. Его целью было просвещение татарской общественности и обогащение её революционным духом. Мулланур Вахитов⁶ – организатор этого кружка, был распространителем революционных идей среди молодежи. Обучаясь в Петербурге в политехническом институте, он привозил в Казань революционные идеи, знакомил нас с работой петербургских кружков. ... Работа кружка неоднократно прерывалась, так как полиция раскрывала его собрания. По архивным материалам обнаружено, что в доме Габитовых и у других, где собирался кружок «Шимба» неоднократно проводились обыски» (Газиз Гобэйдуллин: 19-20).

В протоколах допросов Джамалетдина Валиди – известного представителя татарской национальной научно-творческой интеллигенции начала XX века о Газизе Губайдуллине зафиксировано следующее. «Я с ним с детства знаком, учились вместе, потом мы разошлись. После этого я слышал о нем, что он в 1906-8 годах сделался революционером и, говорили, что он от своего отца требовал раздачи своего имущества рабочим, и что отец его хотел отдать в солдаты, и какой-то генерал отговорил его от этого, говоря, что эта болезнь молодости, скоро все пройдет. И действительно скоро прошло. Он всецело пошел в учение. И из него вышел всем известный Газиз Губайдуллин.» (Рахимов, цит. по: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1996_1_2/06/4/&searched=1).

Однако отец Газиза «никак не хотел мириться с мыслью о том, что его старший сын посвятит себя бесполезному “умствование” и забросит десятилетиями налаживаемое семейное дело. Один из богатейших людей города всерьез тревожился по поводу революционной риторики своего наследника, его увлечением литературными вечерами, подозрительными связями, не сулившими в будущем ничего хорошего. Говорили, что отчаявшийся отец даже подумывал отдать Газиза в солдаты, чтобы вырвать его из неблагополучной среды. Конфликт в семье Губайдуллиных принял настолько яркие и очевидные формы, что драматург Фатих Амирхан практически полностью

---

⁶ Двоюродный брат будущей жены ученого.

воспроизвел его в своей знаменитой пьесе “Яшляр” (Салихов). «Со сдачей экзаменов за гимназический курс и поступлением в Казанский императорский университет завершился первый этап получения европейского образования будущего педагога и учёного Газиза Салиховича Губайдуллина. Надо отметить, что этот этап жизни Газиза был завоеван им в острейшей борьбе не только с отцом, но и со всем старым укладом жизни в семье» (Газиз Гобэйдуллин: 27).

С тем, что Газиз хотел получить современное высшее образование, его отец, наконец, смирился, но поставил условие: для продолжения семейного дела наследник должен стать либо инженером, либо юристом. В 1909 г. Газиз поступил на юридический факультет Казанского императорского университета. Однако уже в 1911 г. Газиз оставляет юрфак, отказывается от участия в семейном деле, начинает зарабатывать себе на жизнь литературным трудом⁷ и преподаванием, переходит на исторический факультет университета. Радикальные преобразования не ограничиваются семейными рамками: 25 августа 1911 г. в руки жандармов попали данные об участниках «кружка казанских мусульман», во главе которого стоял студент Казанского университета Газиз Губайдуллин (см. Тагиров http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_2/03/03_1/&searched=1).

В 1916 г. Газиз заканчивает университет с дипломом Первой степени. Однако распорядиться судьбой по своему желанию он не может. «Профессора Катанов, Фирсов и Хвостов ходатайствовали об оставлении его при университете, как весьма способного молодого человека, достойного для подготовки к профессорскому званию. Несмотря на огромное желание самого Газиза посвятить себя науке, хлопоты указанных профессоров не дали положительного результата. Об этом сам Газиз пишет так: «Моя политическая неблагонадежность и татарское происхождение не позволили мне поступить на государственную службу и остаться при университете». Вместо этого, как пишет там же Газиз, по «совету» казанского губернатора он вынужден был осенью 1916 года покинуть Казань и уехать в город Троицк Оренбургской губернии, забрав с собой жену и годовалого ребенка. Но и здесь он не получил разрешения на преподавательскую работу в официальных учебных заведениях. В Троицке в то время были частные татарские семинарии, где можно было работать и без

---

⁷ Газиз Губайдуллин известен как татарский Чехов – мастер коротких юмористических рассказов и публицист.

утверждения правительственных органов. В этих семинариях Газиз продолжает учительскую деятельность» (Газиз Гобэйдуллин: 31-32).

Февральская революция 1917 г. позволила Газизу вернуться в Казань, но лишь в 1919 г. он получил возможность поступить в аспирантуру Казанского университета. Будучи человеком публичным, широко известным, как писатель и публицист, в глазах царской власти он был неблагонадежен, хотя оставался вне партий и политических организаций. Вне партий – такой была его принципиальная позиция в революцию, гражданскую войну и после нее до конца жизни. Вот что писал о нем Джамалетдин Валиди: «Газиза я в первый раз увидел в Казани в начале 1918 г. При первой же встрече он предложил мне быть преподавателем татарского языка в бывшей Татарской учительской школе. В этом чувствовалось полное неверие в революцию не только социальную, но и в буржуазную. ... Газиз не любил борьбы, старался избегать политики. ... он не переставал смеяться и шутить над отдельными явлениями революции (это – другая черта его характера)... Когда советская власть есть факт, он против этого факта не хочет бороться, и такой упрямый факт укрепления советской власти является для него разумным фактом» (Рахимов, цит. по: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1996_1_2/06/4/&searched=1).

Пока Газиз в борьбе с отцом добивался права получить достойное образование, Бекир получал такое образование. В 1914 году он окончил Константинопольский Турецкий Лицей по словесному отделению и параллельно с этим 3-годичные высшие курсы арабского и французского языков при Стамбульском университете, получив право преподавания этих языков в средней школе и в лицеях. В конце 1914г. он был принят на историко-филологический факультет Будапештского университета, который окончил в 1918 г. В мае 1919 г. защитил диссертацию на тему «Кажущиеся сингармонические несоответствия в «Кодексе Куманикусе». (http://mekter.ucoz.ru/index/bekir_choban_zade/0-32). После окончания учебы Бекир преподает в Будапештском и Лозаннском (Швейцария) университетах и в 26 лет становится профессором обоих университетов <http://www.qirimtatar.org/index.php/crimeantatars/personalii/item/1049-bekir-choban-zade-poetucheniy-vostokoved-i-tiurkolog.html>. Учеба и наука (в это время появились его первые научные публикации в журнале «Туран», в стамбульских газетах.) не мешают Бекиру принимать активное участие политической жизни. В 1919 г. он один из деятелей Венгерской ком-

муны. В период недолгого существования Венгерской советской республики, Б.В. Чобан-заде стал организатором иностранного полка в Венгерской красной армии (БСЭ). В 1920 г. он вернулся в Крым, преподавал на факультете востоковедения Таврического университета, был избран и утвержден профессором университета. После падения режима Врангеля перешел на сторону советской власти и до 1924 г. активно участвовал в общественной жизни Крыма, будучи членом Крымского ЦИКа и одним из руководителей национальной татарской партии «Милли-фирка», первоначально существовавшей легально. Но вскоре Бекир Чобан-заде разошелся с другими руководителями этой партии по ряду вопросов, а затем и вовсе отошел от политики (http://www.baku.ru/enc-show.php?id=75803&cmm_id=276). Но в остро политизированной жизни того времени, если человек и отходил от политики, то политика не отходила от него. Хотя клеветническая кампания в печати против Бекира Чобан-заде разгорелась только в 1928 г., тлеть она начала ранее. Ученого обвиняли в пан-тюркизме, «буржуазном национализме». Газиз для новой власти также неблагонадежен. В 1925 г. он был арестован. Лишь заступничество общественности – университетской профессуры позволила выволить его из тюрьмы.

В это время руководство Азербайджана приняло программу становления образования и науки в республике и для этого пригласить ведущих ученых России и Турции, могущих читать лекции на азербайджанском языке. В 1924 году Бекир переезжает в Баку, где избирается профессором кафедры тюркского языка и литературы Азербайджанского университета. В 1925 году приглашение из Азербайджана получает и Газиз. Два изгнанника, вынужденные покинуть свою малую родину – Крым и Казань, стали эмигрантами, но нашли применение своим знаниям в Азербайджане, где остались в пределах большой тюркской родины. Там Бекир Чобан-заде стал родоначальником азербайджанского языковедения, а Газиз Губайдуллин – азербайджанской исторической науки. Для личной жизни каждого – расцветом творческих сил стал Бакинский период жизни ученых⁸, когда они стали работать вместе, взаимно стимулируя друг друга. «Бли-

---

8 «Международная слава пришла к Бекиру Чобан-заде после успешного проведения в Баку Всесоюзного тюркологического съезда в конце февраля — начале марта 1926 г.» (Д.П. Урсу. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха. Цит по: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_2/03/03_2/)

жайшим другом отца в бакинский период жизни, – писал сын ученого, – был профессор Бекир Чобан-заде, с которым они не только вместе работали, но дружили семьями и вместе проводили досуг» (Газиз Гобэйдуллин: 47).

Литература

Байчура Шариф. Движение татарской молодёжи и Фатих Амирхан. – Казан утлары, 1966, 1.

Автобиография. Газиз Губайдуллин: «Я среди товарищей считался хорошим диспутантом». – Эхо веков. 1997, 1/2.

Газиз Гобэйдуллин: Фэнни-биографик жыентык = Газиз Губайдуллин: Научно-биографический сборник. – Казан: Рухият, 2002. 336 б.

Галиуллина Д. «Бакинское» наследие Г. Губайдуллина. – Эхо веков 2002 №3/4.

Ганкевич Виктор. Исмаил-бей Гаспринский, основатель пантюркизма, российский дворянин с византийскими корнями <http://kraevedenie.net/2010/08/21/gasprinsky/5/>

Ибраһимов Г. Беренче татар профессору Газиз Гобэйдуллин // Мәгариф. 1927. № 12. Б. 99-101

Керимов И.А. Новые штрихи к творческой биографии Бекира Чобанзаде (1893 – 1937). <http://ilmiyqirim.blogspot.com/2011/07/1893-1937.html>

Приветствие директора Института востоковедения Российской Академии Наук В. В. Наумкина. – Исмаил Гаспринский и рождение единства российских мусульман: материалы научно– практической конференции / под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. — М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2011. — 98 с.

Рахимов Сулейман. Дж.Валиди: «У меня разногласия с соввластью». – Эхо веков 1996 1/2.

Салихов Радик. Мятежный герой обновления. – Время и деньги. Выпуск: за 11 декабря 2003 года. <http://www.e-vid.ru/index-m-196-p-69-archive-1712.htm>

Тагиров Индус. Российские революции и пробуждение татар. – Эхо веков 2005 2 http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_2/03/03_1/&searched=1

Шукуров Рустем. Исмаил Гаспринский. Проект счастья. – Отечественные записки № 1 (15) (2004)

YAŞ TATAR AREKETİ

İsmail Bey Gasprinskiyniñ 1880-lerde başlağan reform areketleri Çarlıq rejiminiñ butün qıynlıqlarına baqmazdan Qırım tatar halqında maarif seviyesiniñ ciddiy şekilde koterilmesine sebepçi olğan edi. Böyleliknen milletleriniñ taqdirini qayğırğan yañı bir nesil de peyda olmağa başlandı. Bu yañı nesil em Gasprinskiyniñ usul-i cedit mekteplerinden em zemstvo mekteplerine muallim azirlemek için kurulğan Tatarskaya uçitelskaya şkoladan yetişmekte edi.

Yañı tasilli Qırım tatar nesli esas olup baqqanda Gasprinskiyniñ eseri olsa da, bu nesilniñ içinden çıqqan kimerleri bu büyük reformcunıñ ictimaiy siyasiy saadaki pozitsiyasını endi yeterlik kormey ediler. Bu Qırım tatar yaşları, o vaqıtlar umum tasilli Rusiye yaşlığı ve köylüleri arasında populâr olğan illegal Sotsialist Revolyutsionerler Partiyasınıñ siyaseti tesiri astında qalğan soyları edi. Olar Gasprinskiyniñ Çarlıq zulumuna ve Qırım tatar köylüleriniñ pomeşçikler qolından eksplotatsiya etilüvine qarşı kureşke kirişmegenini tüşüne ediler.

Bu yaşlarınñ nasıldır konkret bir partiya ya ki teşkilat damı astında birleşkenleri bilinmey. Amma boyle areketlerni büyük diqqatnen közlegen Çarlıq jandarması ve ohranası olarnı “Yaş Tatarlar” (*младотатары*) dep adlandıra edi. Olarnıñ özlerini şay adlandıрмаğanların ve Çarlıq organların soñraki devirdeki başqa Qırım tatar milliy aktivistlerine de bu isimni bergenin bilsek de, biz bu nesil inqılâpçı Qırım tatarlarını “Yaş Tatarlar” dep anacaqmız.

Yaş Tatarlarınñ faaliyetleri aman butün Qırımğa cayrasa da, daa ziyade Qarasuvbazar ve Bağçasarayda küçli olğanları ayılabile. Olar yerastı siyasiy faaliyetlerinde sıqı bağ tutqanları SR-lerni örnek alğan ve şeer ve qasabalarda yaçeykalar şeklinde teşkilatlangan ediler. Lâkin olar “profetsional revolyutsionerler” degil ediler. Çoqusı Qırım tatar mekteplerinde muallim olup çalışa ekende kimer soyları da ticaretnen meşgul ola edi.

“Yaş Tatarlar” dep adlandırğanımız bu genç ziyalılarnıñ en ögde ketkenleri meyanında Abdürreşid Mediyev, Appaz Şirinskiy, Asan Sabri Ayvazov, Mustafa Qurtiy, Menseyt Cemil, Ali Bodaninskiy, Üseyin Baliç, Süleyman İdrisov, Celâl Meyinov, Cafer Odamanov, Seytcelil

Hattat, Üzeyin Şamil Toqtargazi, Selâmet Mirza Şirinskiy, Süleyman Alimollayev, Cafer Ablayev ve başqaları yer ala ediler. Yaş Tatarlar Qırımında 1905-de Rus ziyalıları arasında inqilâbiy areketlerge qatnağan yekâne Qırımtatarlar ediler. Elbette bunıñ coremesini de Çarlıq rejimi tarafından türmege qapalmaq, işlerinden boşatılmaq, takip etilmek ve başqa qıyınlıqlarğa oğratılmak suretinen tölediler.

Yaş Tatarlarınıñ belgilengen bir lideri olmasa da, Abdürreşid Mediyevni olarnıñ eñ tesirli şahsiyeti dep tanımaq yañılış olmayacaqtır. Özi Or betten olğan Mediyevniñ Qarasubazarda yaşağanından, bu tarihiy şeer Yaş Tatarlarınıñ merkezi alına kelgen edi. Mediyev etrafındaki er milletten insandan ürmet körgen bir muallim edi. Mediyevniñ 1905-de türmege qapatıluvı ve 31 Oktyabr 1905-de türme halq tarafından basılğanda azat etilüvi onıñ bir “inqılâp qaramanı” olaraq tanılnmasını teminledi. Yaş Tatarlar areketiniñ daa bir yolbaşçısı dep tanılabilecek diger insan, kene türmede yatgan, umum Rusiye Musülmanları ve Yaş Türk ziyalıları arasında bilengen Asan Sabri Ayvazov edi. Ayvazov XX-nci asır başlarında ilk yerastı Qırımtatar siyasiy teşkilatı sayılabilecek olğan “Namus”nıñ da qurucularından edi.

Yaş Tatarlar 1905 inqılâbınıñ qısqa bir muddet için ketirgen azatlıq ve serbestlik avasından faydalanmaqтан keri turmadılar. 31 Dekabr 1905-te Qarasuvda otkergenleri umum halq toplaşuvında anda bir Cemiyet-i Hayriye qurulması qararını qabul ettiler. Qarasubazar Cemiyet-i Hayriyesi Yaş Tatarlarınıñ yerli maarif ve cemaat ayatını yonlendirebilmeleri için birinci organları olacaq edi.

Qarasubazar Cemiyet-i Hayriyesi bu şeerde orta dereceli Qırımtatar milliy mektebi olğan rüşdiyeniñ açılmasını teminledi. Rüşdiyeniñ müdirliğine de Türkiyedeki Qırımtatar muacirlerden olğan Yusuf Ziya Efendi ketirildi. Rüşdiyeniñ ömürü uzun olmasa da Qırımtatar yaşlarınıñ milliy tilde oqutulması ve keleceknıñ milliy kadrlarınıñ ostürülmesi saasında balaban iş kördü. Bu meyanda, soñraki yıllarınıñ belli alim ve şairi Bekir Çobanzadeniñ rüşdiyede oquğansoñ Cemiyet-i Hayriye tarafından İstanbulğa tasilge yiberilgenini aytmak bile bunıñ için yeterlidir. Qırımniñ başqa şeerlerindeki rüşdiye ve cemiyet-i hayriyelerde de Yaş Tatar tesiri körüle edi.

Qarasubazardaki daa bir Yaş Tatar teşkilatı “Azm u Umit Cemiyeti” edi. Bu cemiyet Yaş Tatar fikirlerinin yaşlıqqa cayratıluvına hizmet ete edi. Cemiyet 1907-de Stolipin reaksiyası devrinde resmiy olaraq qapatılma da bir yerastı yaçeykasi olarak faaliyetlerin 1917-gece devam ettirdi.

Yaş Tatarlar Qarasuv belediyesine de qol attılar. Bunıñ için Mediyevni

şeer dumasına namzet kösterdiler. Lâkin bu namzetlik için 3000 kumüş mülk saibi olmaq kerekkeninden, Mediyevniñ qaynı da olğan Yaş Tatar Süleyman Alimollayev kerekken mikdar mülkni Mediyevge kâğıt üstünde sattı. Böyleliknen, Mediyev 1906 yazında Belediye Reis muavini, 1907-de de Belediye Reisi saylandı. Onıñ 1912-de vefatına qadar yursetken bu vazifesi em umumen şeerniñ ayatına em de Qırım-tatar milliy faaliyetlerine büyük hizmet etti.

Yaş Tatarlarınñ eñ muim faaliyetleriniñ başında Mayıs 1906-da Qarasuvbazarda “Vatan Hadimi” gazetasını neşretmeleri kele. Gazetada Mediyevden başqa Asan Sabri Ayzazov, Nurettin Ağayev, Üseyin Baliç, Yahya Naci Bayburtlı, Asan Çergeyev, Mustafa Qurtiy ve başqaları da yaza edi. Yaş Tatar areketiniñ neşir organı olğan Vatan Hadimi 1908-gece neşir etilse de Çarlıq idaresi tarafından qapatılğanı ya da parasızlıq çekkeni sebebinden neşiri bir kaç defalar toqtatmağa mecbur qalğan edi.

Vatan Hadimi Gasprinskiyniñ Tercümanınıñ da tili olğan İstanbul Türkçesinde neşir etile edi. Elbette kimerde Qırım-tatarcanıñ tesiri de körüle edi. Bu ceetten Vatan Hadimi Gasprinskiyniñ Türk halqları arasında til birliğı davasınıñ eñ yaqın muttefiki edi. Vatan Hadimi Gasprinskiyniñ yetekçisi olğanı milliy maarif yani usul-i cedid areketine de bütünley qol tutmaqta edi.

Lâkin Vatan Hadimi sotsial ve siyasiy meselelerdeki çizğisinen Tercümandan ve Gasprinskiyden keskin şekilde ayrıla edi. Vatan Hadimi Çarnıñ mutlaqiy idaresini yani samoderjaviyeni açıqça tenqit etmekte, topraqsız köylülere topraq berilüvi ve vaquf topraqlarınıñ Musülman köylülere qaytarıluvı ususunda açıq tavır almaqta edi. Yaş Tatarlarınñ bu meselelerdeki çizğisini quru Vatan Hadimi saifelerinde yazıp olabilgenleri ibarelernen degil de, olarnıñ esas yerastı faaliyetlerine baqıp añlamaq mumkindir. Olarğa köre topraq onı işlegenlerge ait olmaq kerek edi. Yaş Tatarlar pomeşçiklerge qarşı köylü areketlerine daim qol tuta ediler. Bu ise ne qadar kureşcen olsa olsun, daim legallik sınırları içinde areket etme siyasetini kütken Gasprinskiyden pek ferqlı edi. Yaş Tatarlarınñ bu siyaseti üzerinde elbette açıq SR tesiri körüner.

Lâkin pek muim bir usus şu edi: Yaş Tatarlar anti-istibdat ve köylülere topraq berilmesi çizğisini quru SR-lerni taqlit etip belgilemegen ediler. Olar bularnı talap eterler eken öz milletleriniñ vaziyetin köz oğünde tuta ediler. Olar Çarlıqqa düşman ediler, çünki onı Qırım-tatar halqınıñ başına kelgen belâlarınñ sebeptisi dep tany ediler. Olar köylülere topraq talap ete ediler, çünki asıl da topraqsız köylülerniñ Qırım-tatar köylüleri olğanını, Qırımniñ köylüler topraqsızlaştırılaraq Qırım-tatarlarınñ

qolından alınğanını köre ediler. Yani Yaş Tatarlar için milliy mesele er şeyniñ ogünde edi ve sotsial-ekonomik problemlarınıñ çezilüvi de esas milliy meselege hizmet etecek dep oylay ediler. Abdüreşit Mediyevniñ şahsiy bir mektübünde yazğan şu satırlar bunı açıqça köstere:

Birincisi-ben Müslümanım ve Müslüman olduğumdan benim için dinden daha mühim mesele olmamıştır ve olmayacaktır ve ikincisi ben Qırımliyım ve Qırımlı olduğumdan vatanımın Yekaterinanıñ künlerinden başlayıp da bugünlere dek müstebid hükümetin zalim memurlarından din yolunda çekken acısını unutmuyorum ve unutup olamayacağım.”

Yaş Tatarlarınñ Qırımtatar siyaset ve fikriyatındaki eñ muim rollarınıñ başında zemaneyiy Qırımtatar milliy kimlik ve menliginiñ anıq bir şekilde belgilenüvine qoşqan isseleri keledir. Olar Qırımtatarlarını birinci defa vatani territorial yaqtan belgili yani Qırım yarımadası olğan, keçmiş ve kelegeci oyerde olğan, öz til ve dinine malik başqalardan ferqlı bir millet olaraq añlay ve añlata ediler. Bu olarınıñ siyasetiniñ özegi edi. Böyle bir fikir Qırımtatarlarını quru territorial yaqtan belgilenmegen umum İslâm ümmetiniñ yaki Türk milletiniñ anonim bir kisegi dep körmekten ferqlı edi. Amma bu, Yaş Tatarlarınñ umum İslâm ve Türk dünyası meselelerine alâqasız yaki souq olğanları manasına aslı da kelmey. Olar bir yaqtan Qırımtatar kimligi fikirini kötere ekende, Qırımtatarlarınıñ İslâm ve Türk dünyalarına bağılı olğanını er daim qabul ete ve em Musülman em de Türk dünyalarınıñ birligi için tamam Gasprinskiy dayın teşviqattan geri turmay ediler.

Yaş Tatarlarınñ faaliyetindeki muim bir basqıç Mediyevniñ Ekinci Devlet Dumasına deputat saylanuvıdır. SR fikirli bir insan olsa da, Tavrida guberniyasındaki saylav şeraiti sebebinden Mediyev Kadet partiyası cedvelinden saylavlarğa kirdi ve qazandı. O böyleliknen Devlet Dumasına kirgen birinci Qırımtatar deputat oldu. Ekinci Duma tek eki ay açıq kalıp olsa da Mediyev anda tarihiy çıqışlar yaptı. Yaş Tatarlarınñ “Topraq ve azatlıq” (земля и воля) şiarını Duma kürsisinden de aytar ekende, Qırımtatar halqınıñ ve ususan topraqsız qaldırılğan Qırımtatar köylüleriniñ dertlerin cesaretnen Dumanıñ kün tertibine taşıdı. Mediyevniñ bu çıqışı em Rus intelligentsiyas arasında em de Qırımda büyük alâqa celp etti. O bir başka çıqışında da Orta Aziyağa Rus kolonizatsiyasını qattı protest etti ve bu siyasetniñ Zaqaqazda olğanı kibi milliy duşmanlıqlarını qozğaycağın ayttı. Mediyev Dumadaki Musülman

Fraksiyasının da Sekretarı saylanğan edi. Bu, onıñ Bütün-Rusiye Türk/Musülman areketi içinde nasıl bir yer alğanını körsetmege yeterlidir.

Yaş Tatarlardan bir çoqusı Qırım tatar halqınıñ intellektual ve medeniy ayatında balaban izler qaldırdı. “Bu vatana Tataroğlu varistir / Diğerler sahip olamazlar Qırırma” mısralarını yazğan Üseyin Şamil Toqtarğazı qısqa omürine baqmazdan Qırım tatar edebiyatında daimiy yer saibi oldu (O inqilâbiy ve milliy fikirleri sebebinden pek genç yaşında öltürülecek edi). Asan Çergeyev ve Memut Nüzet de belli Qırım tatar edipleri sırasına kirdiler. Asan Sabri Ayvazov daa evvel de biline edi, amma soñraki senelerde Qırım tatarlarınıñ em siyasiy em de medeniy ayatında daa da büyük rol oynadı. Daa bir Yaş Tatar olğan Celâl Meyinov ise Qırım tatar milliy teatrosınıñ babası dep tanılacaq edi. Ali Badaninskiy ve Mustafa Qurtiy kibiler de ilmiy ve medeniy faaliyetlerinden belli insanlar sırasına kirecekler edi.

Stolıpin devrinin reaksiyası Yaş Tatarlar areketinin de sesinin qısılmasına sebepçi oldu. Oların cemiyyet ve gazetaları qapatıldı. Kimerleri türmelerge atıldı, kimerleri işlerinden boşatıldı. Kimerleri de çet memleketlerge ketmege mecbur qaldılar. Amma Gasprinskiyın “Yolumız bir, taktika ferqlı” dep tasvirlegen Yaş Tatar areketi soñraki Qırım tatar milliy areketlerine de negiz oldu. Yaş Tatarların fikir ve tecribeleri Qırım tatar milliy añ ve kimliginin şekillenüvinde ayatıy rol oynadı.

THE “YOUNG TATAR” MOVEMENT IN THE CRIMEA

(ABSTRACT)

A segment of the Crimean Tatar youth and intelligentsia participated in revolutionary actions side by side with the Russian revolutionaries during the 1905 Revolution. These Crimean Tatar groups and individuals were generally called by the tsarist police as the “Young Tatars” (*младотатары*) though they did not name themselves as such. Modelling Russian revolutionaries, they organized underground cells, conducted agitation among the people, and made publications legally and illegally, and inevitably they were persecuted and imprisoned by the tsarist police. Abdürreşid Mediyev, Asan Sabri Ayvazov, Ali Bodaninskiy, and Menseyt Cemil were the most prominent figures of the Young Tatars. As Mediyev was based in Karasubazar and published the Young Tatar

paper *Vatan Hadimi* there, this Crimean town became the center of the Young Tatar activities.

Basically Young Tatars were considering the political stance of Gasprinskiy as too moderate and displaying a clear sympathy to the Socialist Revolutionaries (SRs). They embraced the agrarian socialism of the SRs as a ready-made solution for the acute land problem of the large masses of the Crimean Tatars. However, their strong nationalistic position distinguished them from the SRs. The Young Tatars' contribution to national concepts of the Crimean Tatars was crucial. It was the Young Tatars who manifestly introduced the territorially-bound and -defined Crimean Tatar national concept. For them the Crimea was *the* Fatherland of the Crimean Tatars, who had unalienable historical *rights* upon it. The expropriation of the Crimean Tatar peasant was unacceptable not only because this was socially evil, but also because it represented an alien infringement upon the Crimean Tatar historical legacy and property. Though strongly underscoring the territorially-defined unique Crimean Tatar identity, the Young Tatars never renounced the extra-territorial ethnic (Turkic) and religious (Islamic) identities, affiliations and allegiances, which had been thus far emphasized by Gasprinskiy.

МЛАДОТАТАРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Автор статьи рассказывает о младотатарском движении, бесспорным лидером которого в Крыму был публицист и общественно-политический деятель Абдерешит Медиев.

ДЕ ЛАЗАРИ ИЗ КАРАСУБАЗАРА
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ДЕ ЛАЗАРИ)

*Каково дерево, таков и плод.
Каковы предки, таковы и потомки.
Расспрашивая, отыщешь Константинополь.
Из пословиц крымских татар*

Случайно, ища в интернете русский перевод моей статьи, я нашел фото с обломком надгробного памятника моего прадеда, генерала-майора Николая Николаевича де Лазари (1834-1901), валяющийся в поле в деревне Дубосище, в Глинковском районе Смоленской области. Грустно стало, тем более, что дома я отыскал фото этого памятника, сделанное до революции.

Этот факт побудил меня разобраться в истории моих предков и оказалось это не так уж сложным делом, так как прадед оставил воспоминания, а дед массу фото и много документов. Правда, воспоминаний я не был в состоянии прочитать (очень неразборчивый почерк, всякие яги и еры), но справилась с этим троюродная праправнучка Н.Н., Галина Поповская из Москвы, которой за это низкий поклон от меня.

Первый документ – это *Копия По указу Ея Величества, Государыни Императрицы, Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской и протчая и протчая и протчая*. В Указе читаем: «Из Государственной военной коллегии отставному от воинской службы подпоручику Дмитрию Делазари, которой находился в греческом пехотном полку в службе как по списку от онаго показано с 1770 острова Дезанта из греческих дворян, на верность службы и подданство Российскому престолу вечно в Таврическом областном правлении присягу учинил. От роду ему сорок лет, сержант с 782 сентября 6. Прапорщиком с 789 июля 21. Был в походах в архипелаге на флоте против неприятеля в 777 и 778. В Крыму с 789 на флоте Черноморском. В штрафах не был, К повышению достоин. А минувшаго марта 21 дня Государственную военную коллегию по прошению его за

болезнию от военной службы отставлен. На его пропитание по достоинству с награждением подпоручичьим чином во свидетельство чего ему сей Ея Императорского Величества Указ дан в Санктперербурге мая 16 дня 1795 года».

На обратной же стороне документа: «Сия копия с Указа в Карасубазарский суд рымскокатолического закона явлена и в книгу под № 17 записана, и что она действительно с подлинным <нрзб> верна, о том сей <нрзб> за подписом и печатью свидетельствует, мая 25 дня 1804 году».

Таким вот образом появился в Карасубазаре первый де Лазари – Дмитрий (1755-1803), грек итальянского происхождения, с острова, который сегодня называется Закинтос. К сожалению, отчество его неизвестно. Но из других документов достоверно, что женился он на некоей Марии Юрьевне (1759-?) и был у них сын Николай (1794-1882; мой прапрадед) и четыре дочери: Екатерина (1874-?; муж Федор Иванович Кривонос – 1765-1827), Варвара (1792-?; муж Георгий Лулудаки), Анна (1798-?) и Елена (1786-?; муж Степан Николаевич Чевати). По семейным преданиям Дмитрий был убит из ревности в Афинах и там похоронен.

Из сохранившегося формулярного списка о службе очередного карасубазардйца, Николая Дмитриевича (список от 15 августа 1836 г.), следует, что он «за отличие в сражении при селении Бородино награжден орденом Анны 4-ой степени», что участвовал во многих сражениях и дошел за войсками Наполеона до Парижа. Потом воювал на Кавказе. В 1823 был уволен от службы и определен в Таврическую отдельную роту пограничной таможенной стражи (сначала надзирателем, потом ротным командиром), а в 1830 г. стал полицмейстером в родном Карасубазаре. На старость лет он переселился в Одессу к старшему сыну Егору, где умер в возрасте 88 лет.

Николай Николаевич (третье поколение де Лазари из Карасубазара; 1834-1901) так вспоминает отца и свою родословную:

«Отец мой воспитывался во 2-ом кадетском корпусе и по окончании курса в 1806 г. был выпущен в Лейб-гвардии Финляндский полк. Из рассказов покойных моих родителей, отца и матери (рожденной Ахвердовой [Елизавета Александровна – ?-1860]), родной сестры бывшего губернатора Смоленской губернии, покойного генерал-лейтенанта Николая Александровича Ахвердова, и дочери генерала [Александра Исаевича] Ахвердова, бывшего воспитателя покойного императора Николая I [здесь Н. Н. ошибся – воспитателем Николая I

был брат Александра – Николай Исаевич]), я помню, что в начале супружеской жизни, как отец, так и мать были очень счастливы. Отец мой, бывши ещё в молодых годах и чине поручика, был в числе тех офицеров, которые входили в состав организаторов Лейб-гвардии Волынского, а затем Литовского полка, но за какую-то дуэль в Варшаве, при наместничестве покойного Великого князя Константина Павловича, был посажен в Киево-Печерскую лавру, а затем сослан тем же чином на Кавказ, где и женился на моей матери.

Родился я в Крыму, в г. Карасубазаре, где отец мой был полицмейстером. Родители мои имели два дома в Карасубазаре, виноградники в Судаке, дом в Феодосии, где прошло мое детство, и вообще были людьми зажиточными. Хотя, по словам матери, всех детей у моих родителей было 12 душ, но я помню шестерых со мной. Старший брат Егор [1826-1900, жена – Мария Григорьевна Стратонович], второй Василий [1831-1899 – полк. жандармерии в Херсонске и Петрозаводске, похоронен в Одессе в чине ген.-майора], сестра Екатерина [1834-1854], брат Дмитрий [1835-?], я и брат Константин [1838-1903 – сценический псевдоним Константинов, актер, певец, гитарист, друг м. проч. А. Островского и А. Чехова].

Отца своего Николай Николаевич не вспоминает хорошо. Нравы карасубазарского полицмейстера не были добрые:

«В период возраста моего от 7 до 11 лет во мне запечатлелось то ненормальное отношение отца моего к матери и детям, которое впоследствии имело громадное значение в жизни каждого из нас. Отец мой, Царство ему небесное, был весьма раздражительного характера, искал развлечения на стороне, он мало заботился о нашей матери и о воспитании нашем, и мы, братья Дмитрий, я и Константин, были предоставлены судьбе, причём я хорошо помню, как бедная наша мать часто проливала горькие слёзы и я не знал причины этих слёз...».

В 1848 г. Дмитрия, Константина и Николая отец отвез в Петербург. Дмитрия «сдал» в Дворянский полк, а Николая и Константина во 2-ой кадетский корпус. Николай в Крым вернулся только в июне 1856 года – в Таврический гарнизонный батальон, куда «сам просился, на родину к отцу и матери». Свое возвращение он так вспоминает:

„Вот и Симферополь [...] Мне указали квартиру брата Егора, где я застал и отца моего, гостившего в то время у брата. Семья брата в то время состояла из жены и одного сына, 5 л. мальчика Коли. После радостной встречи с отцом и братом меня невольно тянуло увидеть скорей мою дорогую мать и я спросил: «А где же мама?» На этот во-

прос отец холодно ответил: «Твоя мать в Карасубазаре и тебе нужно взять отпуск у командира батальона после представления к нему и поехать туда. Когда тебя отпустят, мы поедем вместе в Карасубазар». [...] Прошло несколько дней моих представлений и знакомств и я отпросился у полковника Корецкого на 28 дней в отпуск в Карасубазар, куда и выехал вместе с отцом. Отец мой уже давно оставил службу и жил на небольшую пенсию по чину его коллежского асессора, получая пенсию и на выслуженные ордена. Приехали мы в Карасубазар под вечер и остановились у небольшого домика, куда и вошли с отцом, но радостным мне мечтам о предстоящей внезапной встрече с матерью разлетелись в прах, так как мать моя жила на другой половине дома, и тут же у меня содрогнулось сердце, предчувствуя что-то недоброе тяжелое – вход с половины отца к матери был наглухо заперт. Узнав о моем приезде, мать послала служанку на половину отца и та сказала ему, что «Барыня желает видеть Н.Н.» [...] Просидел я с моей голубушкой до самого рассвета, знакомясь с ее несчастным бытом и, не смотря на физическую усталость от дороги, на все нравственные утомления, я не мог уснуть ни на минуту. На другой день я оставался при матери и многие ее близкие знакомые, узнав о моем приезде, приходили навестить ее и порадоваться за нее».

Николай обиделся на отца, поссорился с ним и увез мать в Симферополь в дом княгини Софии Никитичны Тумановой, жены Бориса Сергеевича Туманова (1800-1856). Потом снял квартиру и поселился в ней с матерью: «Брат Егор часто навещал нас и не оставлял меня без помощи. Все знакомые, зная лишения матери, навещали нас, принимали живейшее участие. Жена губернатора [Григория Васильевича Жуковского, 1800-1880] Е. И. Жуковская приехала сама познакомиться с матерью. Все это отраднo подействовало на мать и она успокоилась душой и сердцем. Так прожили мы конец 1856 года и отраднo встретили новый 1857 год».

Из воспоминании о симферопольской жизни Николая:

«В конце 1857 года 6-го декабря я, в числе приглашенных, был в собрании на балу, который давал Н. Н. Куликовский по случаю своих именин. На бал этот я был представлен семейству бывшего корпусного командира Гельфрейха [Егора Ивановича, 1788-1865], который, прибыл из имения своего на южном берегу Крыма и остановился в доме губернатора. Наличная семья его состояла из жены, дочери Мальвины и младшего сына Константина. [...] На другой день генеральша Гельфрейх с дочерью и сыном приехали навестить мою мать

и, просидев с ней около часу времени, заявили, что Жуковские поручили им забрать меня к ним на обед и я вместе с ними отправился к губернатору. После обеда Мальвина села за рояль и стала петь. Голос ее меня очаровал и я, потеряв голову, влюбился в нее. [...] Весь 1858 год симферопольское общество предавалось увеселениям, спектаклям, балам, вечерам не было конца [...].

В том же 1858 году приезжал с Кавказа в отпуск родной брат мой Василий, который числился в Ширванском полку и состоял адъютантом при ген. Врангеле [Александре Евстафьевиче, 1804-1880]. Брата этого я почти не помнил, потому что он с малолетства воспитывался в Москве и был потом в Лазаревском институте восточных языков, откуда прямо поступил юнкером на Кавказ. Отпуск брата был непродолжительным и он, имея зазнобушку на Кавказе (живя там в связи с женой одного начальника), торопился возвратиться туда. [...]

Раньше я забыл сказать, что в конце 1857 года приехал и брат Константин, который, от тоски по разлуке со мной и по родине, не мог оставаться в корпусе и по болезни вышел по гражданской части, с правом на первый чин, но этим не воспользовался и, прослужив недолгое время в гражданской палате, вышел оттуда и поступил юнкером в Волынский пехотный полк, где недолго служил и уволился домой, поселившись со мной и матерью [...] и, выйдя в отставку, отправился в Одессу, где и поступил на сцену, которая и была его дальнейшей карьерой. [...]

16 апреля 1860 года состоялся мой перевод в Минский полк, а 22 апреля умерла моя бедная мать [...]. Явившись в Севастополь к командиру батальона Минского полка, мне не долго пришлось прожить там, потому что в скорости, по моем прибытии, батальон со всем скарбом был посажен на военный корвет «Тигр» и мы отплыли в Одессу. [...] На 6-й день мы прибыли в Одессу и пристали к какой-то хлебной пристани. Батальон расположили в хлебном амбаре. Взяв извозчика, я отправился разыскивать квартиру офицеров 14 стр. батальона братьев Колбе, где жил и мой брат Константин. Поселившись у них, оказалось, что брат мой служит на сцене. В то время составила карьера Комисаржевского и Абариновой, и в течение недельного пребывания моего в Одессе мне довольно часто приходилось слушать этих певцов в операх».

Дальнейшая служба Николая проходила в Каменец-Подольской губернии (в местностях Чечельник, Попова Гробля, Ольгополь, Бердичев), он принимал участие в усмирении польского восстания 1863 г. В Крыму он появился опять только в сентябре 1864 г. уже как гвардей-

ский офицер Финляндского полка, надеясь, что женится на Мальвине Гельфрейх, но это не состоялось. Мальвина нашла себе другого жениха. Поэтому из Наташино он отправился в Одессу:

«Прибыл к брату совершенно неожиданно. Он и вся семья его весьма были рады видеть меня в гвардейском мундире. Оказалось что и отец мой в то время жил у брата Егора и, встретив меня с восторгом, он с гордостью хвалился, что и сам он служил в таком же полку, где он начал свою службу. Очень скоро я забыл о Мальвине и предаясь полному разгулу жизни. Меня, как гвардейского офицера, всюду принимали с радостью и я как свободный человек увлекался барышнями. [...] Не меньше успеха я имел и у Мм Балабухи, которая писала мне записки и часто назначала свидания на бульваре, у Алексеева [знаменитый в то время трактир-ресторан был рандеву одесской золотой молодежи] и на набережной. Ни одного вечера в собрании я не пропускал, танцевал до упаду и так провел в Одессе целых два месяца и этот период прошел для меня как прекрасный сон».

В октябре 1866 г. Николай женился на Александре Александровне Энгельгардт (1847-1927) и начал службу в Лиде, а потом в Полтаве, Кременчуге и на территории Царства Польского – в Гройце, Варшаве и в Радоме.

В Одессу к брату Егору он отправился еще раз в конце декабря 1869 с женой и сыном Костей (моим дедом) и прибыл туда 2 января 1870 г. Свое пребывание там он так вспоминает: «В течение месяца пребывания нашего у Егора я успел присмотреться к жизни всего его семейства, где отец, постоянно занятый коммерческой игрой в клубах, мало интересовался, что делается дома, имея в нем только физический отдых и питание, не обращая внимания на воспитание детей, и мать, Марья Григорьевна, как любительница тоже общества и карт, не имела времени следить за детьми. Старший сын их Николай, достигнув 16-ти лет, при физическом развитии, считался в 3-ем классе Одесской гимназии и тихо учился, а младшие братья его, Сергей и Михаил 11 и 10 лет, кое как занимались дома с учителем. Ежедневно Николай ходил с книгами в гимназию, но, сидя дома, незаметно было, чтобы он подготовил уроки. Это обстоятельство навело меня на мысль проверить, ходит ли он на уроки в гимназию и, избрав для этого удобный день, после ухода Коли из дому, спустя некоторое время, я отправился в гимназию и обратившись к директору, как родной дядя, спросил его, как учится и ведет себя Коля? Директор повел меня в инспекторскую и показал журнал, в котором в течение 4-х ме-

сяцев только и были отметки «нб», что означало «не был». Дальнейшее наблюдение за Колей выяснило, что он, вместо уроков, ходил в ресторан, где упражнялся в игре на бильярде. Переговорив об этом с Колей, я спросил его, хочет ли он поступить в военную службу юнкером, и он с радостью согласился. [...]

По приезде домой я стал хлопотать об определении Коли в полк и, благодаря добрым отношениям моим к начальнику штаба 2-ой Кав. дивизии Новицкому и командиру Харьковского уланского полка графу Нироду [Александру Евстафьевичу, 1805-1881], мне удалось выхлопотать определение Коли, [...] и, спустя некоторое время, обмундировав его, из Коли вышел браваый улан. Затем Коля был отправлен в Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище, где не кончил и вышел в отставку. Впоследствии поступил в Петербургское интендантство, женился, прижил сына и умер. Жена, вдова, переехала на жительство с сыном в Одессу и служила в редакции «Новороссийского Телеграфа» у Озмидова [Михаила Павловича, 1836-1897]. Летом привезли к нам Сережу и Мишу и я определил их приходящими в Полтавский кадетский корпус, поместив у адъютанта Гаврилова, а потом они были записаны на казенный счет. Оба хорошо кончили курс, Сережа вышел в артиллерию, а Миша по неспособности к военной службе, пошел по гражданской, великолепно рисовал. Сергей потом женился, и я переместил его в 7 бригаду к Постовскому [Ивану Константиновичу], а затем он вышел в отставку и теперь не знаю, где он с семьей».

***

К сожалению, в воспоминаниях Николая Николаевича о крымских похождениях потомков Дмитрия Делазари больше сведений нет, но, благодаря Павлу Конькову, моему крымскому коллеге, я узнал, что в архивах Симферополя хранятся много документов моих предков, а среди них: 1. Формулярный список о службе Егора Н. Делазари на май 1848 г.; 2. Прошение вдовы Дмитрия Делазари о внесении ее с детьми в Родословную книгу Таврической губернии от 1804 г.; 3. Копия Указа Военной коллегии с перечислением мест службы, прохождения чинов и походов, в которых участвовал Дмитрий Делазари-старший по состоянию на 16 мая 1795 г.; 4. Прошение Н. Д. Делазари о внесении членов его семьи в Родословную книгу от 28.02.1834; 5. Формулярный список о службе Н. Д. Делазари от 28.02.1834; 6. Прошение Н. Д. Делазари о внесении его с семейством по чину коллежского асес-

сора и кавалера орденов в третью часть Родословной книги; 7. Подлинная на пергаменте грамота на дворянство Н. Д. Делазари по второй части Родословной книги; 8. Прощение Г. Н. Делазари о внесении его с детьми в Родословную книгу; 9. Свидетельство о причислении К. Н. Делазари с сыном Иваном к дворянству Таврической губернии и внесении в 3 часть Родословной книги; 10. Прощение С. Г. Делазари о внесении его с женой и детьми: Михаилом, Дмитрием, Лидией в Родословную книгу; 11. Формулярный список Сергея Георгиевича; 12. Формулярный список К. Н. Делазари (моего деда) на 1900 г.; 13. Свидетельство о внесении К. Н. Делазари (моего деда) в 3 часть Родословной книги; 14. Формулярный список о службе Николая Константиновича от 18.02.1915, и многин другие документы.

***

Еще коротко о потомках Николая Николаевича.

У него были два сына – Константин (1869-1930) и Александр (1880-1942), и четыре дочери: Евгения (1870-1963, Баженова), Ксения (1877-1969, Щербова), София (1880-1944) и Вера (1875-1970, Лухманова).

Константин, благодаря тому, что служил некоторое время на территории Польши, сбежал туда после революции (о нем: http://www.muzeivko.narod.ru/etno7_files/vustavki3.html). Судьба его брата трагична, как большинства русской интеллигенции. Он перешел на сторону «красных» и дослужился в советской армии чина генерала-майора, но в 1942 г. был расстрелян как «участник антисталинского заговора» и «польский шпион» (в 1956 его, конечно, реабилитировали; о нем: http://supotnitskiy.ru/book/book5_ob_avtore.htm). Преследованы были также все мужья дочерей Н.Н.

У Константина в Польше были три дочери: моя мать Ирина (1919-1992), Ия (1921-1994), которая стала известным ученым, профессором этики, и Людмила (1924-1997). Фамилия де Лазари в Польше уже только у меня, у моей жены Эльжбеты и у моей дочери Катажины де Лазари-Радек, которая пошла по научному пути своей тетки Ии и стала преподавателем этики, кандидатом философских наук (готовит докторскую диссертацию).

И сюрприз! Подготавливая этот материал, мне удалось установить, что в Симферополе (sic!) живет и работает Ольга Яновна Щербова, правнучка Ксении Николаевны – дочери Николая Николаевича и сестры моего деда Константина. Надеюсь встрече с ней на родной земле наших предков.

КАРАСУБАЗАР — КРЫМСКИЙ «ГОЛЛИВУД»

С момента зарождения российского кинематографа Крымский ландшафт стал его съемочной площадкой. Разнообразие рельефов: море, степь, горы не имели себе аналогов. Своеобразная природа Карасубазара: живописная степь, самобытные скалы уже во второй половине XX века стали привлекать внимание кинематографистов.

Ключевые слова: Крым, кино, степь, горы, ландшафт, Ак-Кая, Карасубазар.

Постановка проблемы. Уникальная природа Крымского полуострова всегда привлекала внимание кинематографистов, в том числе и территория Белогорского района. К сожалению, этот факт до настоящего времени остается вне внимания исследователей.

Анализ исследований и публикаций.

Настоящая публикация впервые рассматривает этот вопрос на научной конференции, так как до сих пор этой теме были посвящены лишь разрозненные публикации в интернете[1.2.].

Целью публикации является стремление познакомить научную общественность с одной из достопримечательностей Белогорского района.

Изложение основного материала.

С точки зрения кинематографистов, Крымский полуостров уникален по многим параметрам. Прежде всего, по продолжительности солнечных часов в году их у нас 2 250! [3]. Это значительно больше, чем в Сочи или Кисловодске.

Уникален его рельеф и, прежде всего, своим разнообразием. Не выезжая за пределы полуострова здесь можно снимать: степь, горы, море.

Причем море, многоплановое: пологие песчаные берега, которые можно выдать за Балтийское побережье или крутые, обрывистые скалы, которые, вполне сойдут и за Африку или Южную Америку [4].

Но самый привлекательный ландшафт — это наши горы. Они могут маленькими и безлесыми, могут превращаться в джунгли Амазонки или неприступные Кордильеры.

На полуострове уже существует неофициальная градация: на ЮБК снимают псевдо Италию, псевдо Испанию. На Чуфут-Кале Среднюю

Азию, а возле Карасубазара — Америку, и не просто Америку, а ее дикий Запад. Очень дикий. Главная достопримечательность этих мест — живописная скала Ак-Кая, которая является подлинным украшением каждого фильма, который снимался в этих местах.

Первый в Крыму фильм был снят век назад в уже бесконечно далеком 1911 году великим Хажонковым.

Мы же напомним только о тех фильмах, которые снимались непосредственно возле Карасубазара:

«Вооружен и очень опасен». 1977 год. Посмотрело 39.2 млн. зрителей.

Режиссер Владимир Вайншток.

В главных ролях: Донатас Банионис, Мирча Верою, Людмила Сечина, Леонид Броневой...

«Всадник без головы». 1973 год. СССР – Куба. Посмотрело 51.7 млн зрителей.

Режиссер Владимир Вайншток.

В главных ролях: Людмила Савельева, Олег Видов, Александр Луго, Элинда Нуньес...

«Деловые люди». 1962 год. Посмотрело 23.1 млн. зрителей.

Режиссер Леонид Гайдай.

В главных ролях: Ростислав Плятт, Георгий Вичин, Юрий Никулин, Алексей Смиронов...

«Мираж». 1983 год.

Режиссер Алоиз Бренч.

В главных ролях: Мирдза Мартинсоне, Мартиш Вилсонс, регимантас Адомайтис, Борис Иванов...

«Мустанг-иноходец». 1975 год.

Режиссер Игорь Негреску.

В главных ролях: Алексей Чернов, Георгий Дворников, Михаил Голубович...

«Подземелье ведьм». 1989 год. СССР – Чехословакия.

Режиссер Юрий Мороз.

В главных ролях: Сергей Жигунов, Марина Левтова, Николай Караченцев, Дмитрий Певцов...

«Человек с бульвара Капуцинов». 1987 год. Посмотрело 50.6 млн. зрителей.

Режиссер Алла Сурикова.

В главных ролях: Андрей Миронов, Александра Яковлева, Михаил Боярский, Николай Караченцев, Олег Табаков...

Выводы. Белогорский район все более заявляет о себе как территория туризма и экскурсии по местам съемок тех или иных кинофильмов и сериалов, с использованием природы, соответствующего реквизита, специально одетых в соответствии с тематикой фильмов жителей могла бы стать еще одной статьей доходов.

Источники и литература

1. Где в Крыму снимают фильмы — Режим доступа: lady.tsn.ua/puteshestviya/ukraina/g... — Название с экрана.

2. Лучшие фильмы снятые в Крыму. — Режим доступа: krim2.ru/krym/articles/luchshie-fil... — Название с экрана.

3. Бабков И. И. Климат./ Иван Иванович Бабков. — Симферополь: Крым, 1964. — 64 с.

4. Ена А. В. Перевалами Горного Крыма / А. В. Ена, А. В. Ена. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. — 256 с.

УЧЕНый ИЗ КАРАСУ АБДУЛЬГАФФАР КЫРЫМИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ

(ИСТОРИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ)

Город Карасубазар в прошлом был важным культурным, торговым и ремесленным центром Крыма. Из него происходили личности, известные за пределами Крымского полуострова. Одним из таких людей был выдающийся крымскотатарский ученый, литератор и государственный деятель XVIII в., Абдульгаффар Кырыми.

Широкую известность Абдульгаффару Кырыми принес его исторический труд «Умдет уль-ахбар» (полная форма «Умдет уль-ахбар иль-му‘тебер»). Еще при жизни автора сочинение получило признание современников. Об этом свидетельствует использование его Хурреми Челеби Акаем в качестве одного из двух основных источников его собственного труда по истории Крыма [10, с. 162]. Позже, в начале XIX в., труд Абдульгаффара Кырыми вновь привлечен для написания нового исторического сочинения – на этот раз крымским принцем Халим Гираем, автором известной книги «Гюльбюн-и ханан» (в ней имя автора указано как Гафури Кырыми) [22, с. 5].

Современное научное изучение и использование «Умдет уль-ахбар» в качестве исторического источника началось в XX в. Первый шаг в этом направлении был сделан крымскотатарским студентом-историком Стамбульского университета А. Ильми. В 1909 г. он перевел на современный ему турецкий язык и переиздал в Стамбуле «Гюльбюн-и ханан» Халим Гирая с примечаниями и дополнениями. В примечания он включил цитаты из ряда турецких и крымскотатарских исторических сочинений, в том числе и из сочинения Абдульгаффара Кырыми, которое у него, в отличие от работ последующих исследователей, правильно названо «‘Умдет уль-ахбар» [21, с. 39, 47, 118, 131 и др.].

Во втором десятилетии XX в. вышли из печати исследования М.Т. Бурсалы (1914, 1916) и Ф. Кёпрюлю (1919) [17, с. 7; 31]. М.Т. Бурсалы включил в свою книгу «Крымские авторы, появившиеся во времена Османов» (“Osmanlı Zamanında Yetişen Kırım Müellifleri”) короткую справку об Абдульгаффаре Кырыми. В ней наряду с двумя другими произведениями крымского автора («Хадис-и эрба‘ин шерхи» и «Меджму‘а») называется его исторический труд

«‘Умдет уль-ахбар иль-мюютеневви’а» и дается его краткое библиографическое описание: «Это история, состоящая из 329 страниц, повествующих о состоянии крымских Гираев; ее рукописный экземпляр [хранится] в библиотеке Эсада-эфенди. Дата составления – 1157 г.» [17, с. 33].

Ф. Кёпрюлю в своей большой работе «Первые мистики в тюркской литературе» (“Türk Edebiyatında İlk Mutasavvıflar”) представил более широкие библиографические сведения об Абдульгаффара Кырыми и его историческом произведении, которое у него названо «Умдетю-т-теварих ве-ль-ахбар». Как и М.Т. Бурсалы, Ф. Кёпрюлю датировал названное произведение 1157/1744-45 годом. Его сведения об объеме сочинения несколько отличаются: 327 страниц (на каждой странице по 23 строки и в каждой строке примерно по 14 слов). В исследовании представлен анализ содержания и перечислены основные источники «Умдет уль-ахбар». Ф. Кёпрюлю охарактеризовал сочинение как «краткое произведение, всеобщая история ислама». Из особенностей описания можно выделить приведенное в нем полное имя автора: эль-Хадж Абд уль-Гаффар б. эль-Хадж Хасан б. эль-Хадж Махмуд б. эль-Хадж Абд уль-Веххаб Кырыми, а также ошибочное прочтение названия города Карасу, в котором находился дом Абдульгаффара Кырыми, в форме «Кансу» [29, с. 411–412].

Следующий этап в изучении исторического произведения Абдульгаффара Кырыми начался в 20-е гг. XX в. Важнейшим шагом в этом направлении стало издание в 1343/1924-25 г. в Стамбуле турецким филологом и историком Н. Асымом части «Умдет уль-ахбар», в которой излагается история Улуса Джучи и Крымского ханства. Издание вышло в качестве приложения к одиннадцатому тому журнала Общества турецкой истории (“Türk Tarihi Encümeni Mecmuası”) [28]. В издание Н. Асыма также вошла вводная часть «Умдет уль-ахбар» и отрывок, в котором дается описание древнего тюркского календаря [28, с. 5–12]. Издание снабжено «хашие» – примечаниями внизу страниц, выполненными на основе ряда персидских и турецких источников, в числе которых и «Семь планет» Сейида Мухаммеда Ризы [28, с. 14, 15]. Особенностью издания Н. Асыма является то, что он озаглавил его «‘Умдет ут-теварих». При этом во вводной статье издания он параллельно использовал название «‘Умдет уль-ахбар» и этот же заголовок поставил непосредственно в начале текста Абдульгаффара Кырыми [28, с. 3, 5].

Два года спустя, в 1927 г., немецкий тюрколог Ф. Бабингер издал в Лейпциге свой капитальный труд «Османские историографы

и их произведения» (“Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke”, Leipzig, 1927, 447 p.), в котором дал описание исследуемого произведения. В нем сообщается, что Абдильгаффар Кырыми в 1157/1744 г. написал историю Крымского ханства под названием «‘Умдет уль-ахбар фи-ль-(тарих уль)-татар», после чего в том же году был выслан крымским ханом в крепость Согджак (это название дано у Ф. Бабингера со знаком вопроса). Там Абдильгаффар Кырыми написал историю мира под названием «‘Умдет уль-теварих». По мнению Ф. Бабингера, первое из названных сочинений вполне может быть извлечением или частью второго [14, с. 306]. Уже в наши дни Б. Келльнер-Хайнкеле предположила, что причиной заблуждения Ф. Бабингера стал заголовок издания Н. Асыма [27, с. 146].

Широкие перспективы для изучения «Умдет уль-ахбар» в СССР открылись в середине 1920-х годов, после обнаружения директором Ялтинского Восточного музея Я. Кемалем его списка в Крыму. В 1930 г. на это в своем очерке «Литература крымских татар» указал А.Е. Крымский. Он назвал произведение Абдильгаффара Кырыми в числе памятников крымскотатарской литературы, охарактеризовав как всемирную или, по крайней мере, общемусульманскую историю. Украинский ученый, знакомый с названной выше работой Ф. Кёпрюлю, ошибочно считал его первооткрывателем стамбульской рукописи «Умдет аль-ахбар» в новейшее время. Вместе с тем, А.Е. Крымский указал на неверное написание в работе Ф. Кёпрюлю названия города, в котором находился дом Абдильгаффара Кырыми, и со ссылкой на список сочинения, обнаруженный Я. Кемалем, привел его правильное название – Карасу. Также украинский ученый отметил отличие названия сочинения в крымском списке от названия, указанного в исследовании Ф. Кёпрюлю. У А.Е. Крымского оно передано в орфографии украинского языка в форме «‘Омдет ель-ехбър». Как и предшественники, А.Е. Крымский датировал произведение Абдильгаффара Кырыми 1157/1744 годом [7, с. 27].

К сожалению, замечательный очерк А.Е. Крымского не стал первым шагом в изучении крымскотатарской исторической прозы и ее яркого памятника «Умдет уль-ахбар» в СССР. Уже в 1930-е годы, после массовых сталинских репрессий, ни о каких работах в этом направлении речи не велось, а рукопись, обнаруженная Я. Кемалем, была утеряна. Такие работы на постсоветском пространстве начались только в 1990-х годах, уже после распада СССР.

В Турции в 1940 – 1980-х годах, благодаря публикации Н. Асы-

ма, сочинение Абдульгаффара Кырыми вошло в число наиболее часто используемых источников по истории Крымского ханства и Золотой Орды. В 1943 г. описание уникальной рукописи «Умдет аль-ахбар», хранящейся в библиотеке Сулеймание, было включено в «Каталог рукописей по истории и географии стамбульских библиотек», изданный в Стамбуле. Как и предыдущие исследователи, авторы каталога датировали завершение сочинения 1157/1744 годом. В отношении Абдульгаффара Кырыми они указали на отсутствие даты его рождения и смерти и привели цитату из начала рукописи, в которой сообщается о его домашнем ареста сначала в имении (без указания названия села и его местоположения), а затем в собственном доме в Карасу и, наконец, о ссылке в крепость Согуджук¹ в Абазском крае [24].

В указанные годы в Турции увидел свет ряд работ по истории Золотой Орды, Крымского ханства и Османской империи, в числе источников которых фигурирует «Умдет аль-ахбар». Среди них можно выделить исследования А.С. Арслангирая, И.Х. Эртайлана, М. Кафалы и Х. Инальчика [5, с. 74, прим. 131, с. 75, прим. 136, с. 76, прим. 138 и др.; 13, с. 54; 20, с. 283; 25, с. 2, 5]².

В 1961 г. в Турции впервые вышла статья, специально посвященная биографии Абдульгаффара Кырыми и его историческому труду. Она была опубликована крымскотатарским ученым-историком А. Сойсалом (Зихни) в журнале «Эмель», издаваемом представителями крымскотатарской диаспоры [34]. Автор, опираясь на данные М.Т. Бурсалы и на результаты собственного изучения «Умдет аль-ахбар», значительно расширил сведения о памятнике и его авторе. В частности, А. Сойсал первым назвал имя предка Абдульгаффара Кырыми – золотоордынского эмира Кайат (!) Алчыоглу Мамай Бея, уточнил местоположение села Сефа Конрат, в котором Абдульгаффар Кырыми родился (“Karasupazar civarında Bulganak suyu üzerinde kâin Sefa Konrat karyesinde doğmuştur”), перечислил имена ханов, при которых он занимал различные посты (Фетх Гирай, Селямет Гирай, Девлет Гирай, Каты Селим Гирай, Арслан Гирай) [34, с. 21]. Чтобы показать значение сочинения для истории Крымско-

¹ В большинстве других исследований используется форма «Согуджак».

² Современный американский ученый Ю. Шамилоглу в своей статье “The Umdet ül-Ahbar and the Turkic narrative sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde”, упоминая М. Кафалы, особо выделяет Халиля Инальчика, перечислив в примечании ряд его статей, написанных в 1944 – 1980 гг. с использованием сведений Абдульгаффара Кырыми, а также дает ссылку на более полную библиографию его работ [Shamiloglu, с. 80, прим. 48].

го ханства А. Соисал привел транскрипцию двух его отрывков: об участии крымского войска во главе с Девлет Гирай-ханом в разгроме Петра I у реки Прут и о первом вторжении русских войск в Крым в 1735 и 1736 г. [34, с. 21–23]. После этого исследователь перечислил основные даты, связанные с биографией Абдульгаффара Кырыми [34, с. 23].

Большинство сведений А. Соисала почерпнуты из «Умдет уль-ахбар», но в тексте статьи помимо этого даются ссылки на две работы самого А. Соисала: рукопись «Истории Крыма» и статью в Исламско-Тюркской энциклопедии (“Kırım Tarihi, el yazma” и “İslâm-Türk Ansiklopedisi. İstanbul. C. II, F. 74, Sah. 384”), которые, судя по всему, также были написаны с привлечением сведений произведения Абдульгаффара Кырыми [34, с. 23]. Как и М.Т. Бурсалы, А. Соисал в своей статье называет исследуемое сочинение «Умдет-уль-ахбар-иль-мютеневвиа» и, вслед за предшественниками, датирует его завершение временем пребывания нашего автора в крепости Согджук, т. е. 1745 г. [34, 23].

Утверждение американского ученого Ю. Шамильоглу о том, что лишь небольшое число ученых использовало «Умдет уль-ахбар» в своих исследованиях [33, с. 88], вполне справедливо в отношении Западной Европы и Америки. В известных нам исследованиях отмечается единственный европейский научный труд периода 1940–1980-х гг., написанный с привлечением исторического сочинения Абдульгаффара Кырыми. Речь идет о книге Б. Шпулера «Золотая Орда: Монголы в России в 1223 – 1502 гг.» (Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland. 1223-1502), изданной в Лейпциге в 1943 году. Автор использовал стамбульское издание Н. Асыма. В 1965 г. он переиздал свой труд в Виесбадене [8; 33, с. 88–89].

Новейший этап в изучении «Умдет уль-ахбар» и биографии его автора начался в 1990-е годы. В 1992 г. вышла статья Ю. Шамильоглу «“Умдет уль-ахбар” и тюркские повествовательные источники по истории Золотой Орды и Поздней Золотой Орды» (“*The Umdet ül-Ahbar and the Turkic narrative sources for the Golden Horde and the Later Golden Horde*”) [33]. В ней ученый показал значение, которое может иметь сочинение Абдульгаффара Кырыми при изучении истории Касимовского и Казанского ханств, от которых сохранились единичные нарративные источники, для выяснения деталей занятия трона и правления отдельных ханов, для исследования важнейших социально-политических подразделений, функционировав-

ших в разных частях Золотой Орды как «правлящее племя» (Ширины и др.), для рассмотрения системы «четырёх карачи-беев» и т.д. [33, 89–92]. Кроме этого, он обратил внимание на недоступность источника на современных языках. В этой связи Ю. Шамильоглу сообщает, что первоначально сам начал работу над его переводом на английский язык и переизданием, но затем, узнав, что М. Урекли (М. Ürekli) в Стамбуле работает над его новым изданием и что И. Вашари в Будапеште готовит издание собрания выдержек из тюркских источников по Золотой Орде, прекратил дальнейшую работу в этом направлении [33, с. 88, прим. 43].

Судя по всему, именно названная работа Ю. Шамильоглу стала для ряда западноевропейских и российских исследователей побудительным мотивом к использованию «Умдет уль-ахбар» в изысканиях по различным проблемам истории Золотой Орды и постзолотоордынских государств. Образцом же полезного использования «Умдет уль-ахбар» в исследовании, по выражению Б. Кельнер-Хайнкеле [27, с. 147], стал изданный через два года после названной статьи Ю. Шамильоглу фундаментальный труд еще одного американского ученого, Д. Девиизе (D. De-Weese), посвященный проблеме исламизации и местных верований в Золотой Орде [19].

Девиизе в своей работе неоднократно ссылается на труд Абдулгаффара Кырыми, хотя в большинстве случаев в тексте книги и сносках сведения крымского историка даются параллельно и сопоставляются с данными истории Утемиш-хаджи – одного из источников «Умдет уль-ахбар» [19, с. 107, 145, 148, 151 и др.]. Целый раздел книги (“Reworking the Account of Ötemiş Hâjji: ‘Abd al-Ghaffâr Qırımı in the Eighteenth Century” – «Переработка сообщения Отемиш-хаджи: Абд аль-Гаффар Кырыми в восемнадцатом столетии») автор посвятил анализу характера переработки истории Утемиш-хаджи у крымского автора [19, с. 352 – 366]. Девиизе активно привлекает «османский» текст Абдулгаффара Кырыми для комментирования сведений Утемиш-хаджи о Баба Тюклесе [19, с. 546, 550, 553 и др.]. Он характеризует исследуемое произведение как османско-турецкую историю и, несмотря на то, что использовал издание Н. Асыма, правильно называет его «Умдат аль-ахбар» [19, с. 145, прим. 173]. Как и все предыдущие исследователи, Девиизе датирует произведение Абдулгаффара Кырыми 1157/1744 годом [19, с. 352].

Большая статья немецкого ученого Б. Кельнер-Хайнкеле «Кто был Абдулгаффар ал-Кирими (Заметки о крымско-татарском исто-

рике XVIII века)» (“Who was ‘Abdulhaffar el-Qirimi? Some notes on an 18th century Crimean Tatar historian”), впервые вышедшая в 1998 г. и позже переведенная на русский язык А. Арслановой (2001), стала вторым опытом составления научной биографии Абдульгаффара Кырыми. Работа по праву входит в число важнейших исследований новейшего этапа в изучении «Умдет уль-ахбар» [27; 27а]. Еще в 1975 г. Б. Келльнер-Хайнкеле опубликовала солидное научное исследование «Истории» Саид Гирая. В нем были представлены переводы на немецкий язык биографий 101 представителя крымской знати и ученого сословия, в том числе ученого, историка и поэта Гафури Эфенди [26, 226–227]. В 1998 г., возвратившись к этому своему исследованию и сопоставив данные, приведенные относительно Гафури Эфенди, с другими крымскими источниками (с «Гюльбюн-и ханан» Халим Гирая и «Умдет уль-ахбар»), Б. Келльнер-Хайнкеле пришла к выводу, что его необходимо идентифицировать с Абдульгаффаром Кырыми [27, с. 149; 27а, с. 381;]. В работе немецкого ученого более детально, чем это было сделано в 1961 г. А. Сойсалом, анализируются автобиографические данные, представленные Абдульгаффаром Кырыми в «Умдет уль-ахбар», а также неизвестные А. Сойсалу сведения, из «Истории» Саид Гирая [27, с. 150–155].

Из новейших европейских работ, написанных на материале «Умдет уль-ахбар» следует отметить статью венгерского ученого М. Иванич «Ширин. Возвышение и упадок рода в степи» (“Die Širin. Abstammung und Aufstieg einer Sippe in der Steppe”) [23]. Эта исследование является своеобразным развитием идеи Ю. Шамильоглу о возможности использования названного источника для изучения различных степных родов, вышедших из Улуса Джучи. В обширном списке литературы, использованной в статье, присутствуют несколько работ Ю. Шамильоглу, в числе которых и статья 1992 года, в которой была высказана эта мысль американского ученого. Примечательно, что М. Иванич использовала не только издание Н. Асыма, но и рукопись «Умдет уль-ахбар» [23, с. 42].

В Турции труд Абдульгаффара Кырыми уже традиционно изучается и используется в качестве исторического источника. Одним из важных шагов, сделанных в этом направлении в последнее время, судя по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, стала магистерская диссертация (yüksek lisans tezi) Д. Дерин «История Крыма согласно «Умдету-ль-ахбар» («Умдету-т-теварих») Абдульгаффара Кырыми» (“Abdulgaffar Kırimi’nin Umdetu’l-Ahbar’ına (Umdetü’t-Tevarih) Göre

Kırım Tarihi”), – общим объемом 547 с. Работа была подготовлена и защищена в 2003 г. в Институте социальных наук при Анкарском университете [18]. Показателем значения работы Д. Дерин может служить использование ее в качестве основного источника сведений об «Умдет уль-ахбар» ученым университета Афьён Коджатепе доктором наук А. Башером в новейшем исследовании, посвященном новому источнику по истории Крымского ханства – «Тарих-и Мевкуфати» (“Kırım Hanlığı tarihini konu alan müstakil eserler ve yeni bir kaynak, Tarih-i Mevkûfati”) [15]. Как следует из статьи А. Башера и аннотации к диссертации Д. Дерин (лл. 544 – 545 работы), доступной в сети Интернет, диссертант подготовила транскрипцию на основе латинской графики фрагмента сочинения Абдульгаффара Кырыми, посвященного истории Крыма (лл.243а–324а). В подготовленном тексте сохранена пагинация рукописи. Д. Дерин, первой отметила отсутствие в стамбульской рукописи пяти листов, на которых описывались события 1739 – 1744 гг. В отличие от предшественников она датировала «Умдет уль-ахбар» не 1744, а 1747 годом. [15, с. 728; 18]. К работе прилагаются подготовленные ею генеалогические древа Джучидов и Гираев, именной и географический указатели, указатель племен и родов, а также словарь слов, объясненных Абдульгаффаром Кырыми на полях своей рукописи. Исследователь сообщает, что сочинение написано простым языком с использованием идиом, пословиц и включением в текст стихотворений. В этой связи Д. Дерин делает важное замечание о том, что неплохо было бы изучить ее в деталях с точки зрения фольклора, языка и литературы. Она первой среди исследователей биографии Абдульгаффара Кырыми сообщает о восхождении его родословной к Саин-хану, сыну Джучи [18].

Таким образом, за более чем столетие после первого привлечения произведения Абдульгаффара Кырыми к научным изысканиям со стороны А. Ильми в 1909 г. турецкие, западноевропейские и американские ученые не только достаточно часто и плодотворно использовали «Умдет уль-ахбар» в качестве исторического источника, но и проделали большую работу по изучению и подготовке памятника к изданию, по изучению биографии его автора. Отрадно заметить, что и крымские по рождению и происхождению историки (А. Ильми, Я. Кемаль, А. Сойсал, Х. Иналджик) не стояли в стороне от этого процесса. Благодаря проделанной работе, сочинение Абдульгаффара Кырыми стало, наконец, доступно и востребовано на постсоветском пространстве.

Насколько нам известно, в государствах, вышедших из СССР,

первым исследователем, привлечшим «Умдет уль-ахбар» к историческим исследованиям в новейшее время, стал петербургский ученый Т.И. Султанов [6, с. 5]. В написанной им совместно с С.Г. Кляшторным в 1992 г. книге «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» он не просто использует сведения труда Абдульгаффара Кырыми, но и приводит сокращенный перевод содержащегося в нем рассказа о гибели Барак-хана. В процессе изыскания Т.И. Султанов использовал издание Н. Асыма [6, с. 209–211].

Говоря об изучении «Умдет уль-ахбар» на постсоветском пространстве, невозможно обойти стороной работы другого российского исследователя, И.В. Зайцева, посвященные изучению крымской историографической традиции XV – XIX вв. Поскольку все основные положения его объемной статьи 2005 г. [3] повторяются в его более поздней монографии 2009 года, мы рассмотрим здесь именно ее [4]. В ней сочинение «Умдет уль-ахбар» (И.В. Зайцев использует название «Умдет ат-теварих» или его перевод «Суть историй») причислено к числу «османизированных» историй [4, с. 178]. Детали биографии Абдульгаффара Кырыми, приведенные В.И. Зайцевым, в целом, повторяют данные Б. Келльнер-Хайнкеле, на которую он ссылается, с некоторыми отличиями [4, с. 179–182]. Так, он утверждает, что Абдульгаффар Кырыми «служил секретарем дивана при хане Каплан-Гирее I (1712–1714 гг. – первое царствование)» [4, с. 179]. У Б. Келльнер-Хайнкеле это было во время третьего правления названного хана (1730–1736 гг.) [27, с. 152; 27а, с. 383]. Большое значение имеют сообщения В.И. Зайцева о цитате из «Умдет уль-ахбар» в конце списка киевской рукописи сочинения Хурреми Челеби Акая (л. 121об. – 130)³ [4, с. 179], а также о «Кратком историческом изложении о крымских ханах» в стихах Абд ал-Гаффара б. Хасана, выдержки из которого упомянул в числе своих источников в «Хронологической заметке о крымских ханах» Луи Матье Лангле [4, с.183].

Из других современных научных работ постсоветского пространства, в которых используется сочинение Абдульгаффара Кырыми, можно назвать капитальное исследование российского ученого В.В. Трепавлова, посвященное истории Ногайской Орды [11]. Хотя автор и не включил сочинение Абдульгаффара Кырыми в число перечисленных им «мусульманских источников», ссылка на стам-

---

3 Входит в коллекцию рукописей Одесского общества истории и древностей киевского Института рукописей Научной библиотеки НАН Украины им. В.И. Вернадского (НБУВ, ф. V, № 3805).

бульское издание этого труда в библиографии книги присутствует [11, с. 32 – 40, 687]. Это же издание фигурирует в списке литературы статьи И.А. Мустакимова «Владения Шибана и Шибанидов в XIII – XVIII вв. по данным некоторых арабографичных источников» [9]. В работе ученого из Татарстана, как и в названной выше книге Девиизе, ссылки на сведения Абдульгаффара Кырыми даются в контексте сведений истории Утемиш-хаджи [9, с. 23, 24, 25, 28].

Таким образом, «Умдет уль-ахбар» Абдульгаффара Кырыми, помимо непродолжительного использования в ханское время и последовавший затем период до конца XIX в. (использование при написании новых трудов со стороны Хурреми Челеби Акая и Халим Гирая, различные выписки, цитаты), имеет более чем вековую историю привлечения в качестве исторического источника и научного изучения, начиная с первого десятилетия XX в. и вплоть до наших дней.

Учитывая достаточно скромные масштабы исследований в области истории Крымского ханства и Золотой Орды в XX – начале XXI в., можно утверждать, что источник использовался хоть и узким кругом исследователей, но относительно часто и широко. Своеобразным показателем разработанности того или иного научного вопроса служит появление посвященных ему научно-популярных статей. Для изучения «Умдет уль-ахбар» и биографии ее автора таким показателем является статья молодого крымскотатарского историка Г. Абдулаевой «Абдул-Гаффар Кырыми – историк XVIII века», недавно опубликованная в крымской газете «Авдет». В ней автор в захватывающей форме с элементами художественного домысливания (как в случае с чудом спасенными автором рукописями во время разорения русскими войсками Карасу) излагает всю сумму знаний современной науки о нашем авторе, а также некоторые гипотезы, такие как вероятная принадлежность Абдульгаффара Кырыми к дервишескому ордену Хальвети. Для специалистов, изучающих источник, важно сообщение Г. Абдулаевой о подготовке «Умдет уль-ахбар» к изданию со стороны Центра исследований Золотой Орды, скорее всего, почерпнутое из страницы центра на официальном сайте Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан⁴ [1].

Возвращаясь к нашей теме, отметим, что как и в любом другом научном изыскании, так и в процессе изучения «Умдет уль-ахбар» неизбежно появление ошибок, неточностей и мест, требующих уточ-

---

⁴ Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова: <http://www.tataroved.ru/institut/cicz/>

нения. Это нисколько не умаляет значения работ, в которых они присутствуют, и связано, прежде всего, с новизной, недостаточной разработанностью источников, привлекаемых к исследованию. В нашем изыскании мы хотели бы остановиться на некоторых из них.

Одним из вопросов, требующих уточнения, является принадлежность Абдильгаффар Кырыми к роду Ширинов. У первого биографа нашего автора, А. Сойсала об этом ничего не сказано. Вместо этого сообщается, что его предком был золотоордынский «эмир Кайат Аладжаоглу Мамай Бей».

В отличие от А. Сойсала Б. Келльнер-Хайнкеле утверждает, что Гафури Эфенди «был членом клана Ширин, наиболее выдающейся и влиятельной из знатных династий Крыма, довольно часто противостоявшей правящим ханам» (в оригинале слова «клан» нет, но оно подразумевается: “a member of the Şhîrîn, the most prominent and influential of the Crimean noble families”) [27, с. 148; 27а, с. 380]. В другом месте работы исследователя это утверждение повторяется в иной форме: «Мы узнаём, что он принадлежал к роду Ширин, вышел из Сапа Кунграт и учился вместе с учеными того времени». Здесь не совсем точен русский перевод. В оригинале: “Here we learn that he belonged to the Sara Qongrat branch of the Şhîrîn family and that he studied with the scholars of the time” [27, с. 154; 27а, с. 385]. Т. е. речь идет о принадлежности Абдильгаффара Кырыми к ветви Сапа Конрат рода Ширинов.

В своих утверждениях немецкий ученый опирается на небольшую ремарку Саид Гирая: «Şirin'de Sara Koñrat'dan zuhûr», переведенную ею самой как «er stammt von den Sara Konrat von den Sirin» [26, с. 226; 32, л. 100]. Источником ошибки в обоих случаях является неправильная трактовка слова «Şirin'de». Как будет показано ниже на примере из текста «Умдет уль-ахбар», в подобных выражениях речь идет не о роде, а о владениях рода Ширинов.

Знакомство с текстом «Умдет уль-ахбар» показывает, что А. Сойсал черпал свои сведения из родословной Абдильгаффара, приписанной на полях рукописи и вошедшей полностью в стамбульское издание Н. Асыма [12, л. 281об.–283; 28, с. 104–106]. Ниже приводим ее отрывок:

“İşbu Emin Giray ibni Sahib Giray Han, Safa Beğ bin Hodayberdi Beğ'iñ beslemesi olub Safa Beğ pîr ve a'mâ olub ziyâret-i Beytu'Llah itdikden soñra a'mâlık 'arız olmağle babası gelüb Kırım'da iskân murâd idüb hân-ı müşârün-ileyhden inayet olunan arazi-i mahdûde ki *Safa Koñratı arzı* dimekle Şirin içinde nehr-i Bulganak'da meşhurdur. Safa

Beğ ol mahalde karye ihdâs idüb ve civarına kendü örpi-deş halkı olan Koñrat halkından bir mikdar halk iskân eylemiş. Ve kezâlik kendüsine hizmet itdirmek üzre Eseneki nam karyeyi iskân ve bir mikdar arz i'tâ eylemiş. Ve hâliyen Bulganak nehri üzre karye-i Safa Koñratı ve karye-i Eseneki mevcûd ve ma'rûfdur. Mârru'z-zikr el-Hâcc Safa Beğ'in cedd-i a'lâsı olan Kıyat Alaçı-oğlu Mamay Beğ'i Yılkı Suyı didikleri yerde Toktamış Han ile gelüb Şirin Rüktimeur Beğ katl itdiği Toktamış faslında beyan olunmuşdur" [12, л. 281об.; 28, с. 104].

Наш перевод: «Этот Эмин Гирай, сын Сахиб Гирай-хана был воспитанником Сафа-бега, сына Худайберды-бега. Сафа-бег был стар и незряч. А так как после посещения Каабы его слепота начала прогрессировать, его отец пришел [к хану] с пожеланием поселиться в Крыму. Пожалованные указанным ханом земли с определенными границами известны под названием «земля Сафа Конраты» внутри [владений] Ширинов на реке Булганак. Сафа-бег основал в той местности село и вокруг него поселил некоторое количество народа из *совладевшего с ним пастбищами*⁵ народа Конратов. Кроме этого, чтобы заставить служить себе, он заселил село Эсенеки и даровал [его жителям] некоторое количество земли. В настоящее время селение Сафа Конраты и селение Эсенеки существуют и известны на реке Булганак⁶. В главе о Токтамыше рассказано, что Кыят Алачы-оглу Мамай-бега, бывшего основателем рода упомянутого выше эль-Хадж Сафа-бега, в местности, именуемой Йылкы Сую (Конские Воды), убил Ширин Руктимур-бег, который пришел [туда] вместе с Токтамыш-ханом».

Как следует из приведенного отрывка, по свидетельству самого Абдильгаффар Кырыми, он происходил из рода Кыят и вел происхождение от известного в истории золотоордынского временщика Мамай. Кроме того, как следует из сведений рассказа о Токтамыше, род Абдильгаффара Кырыми через супругу Кыят Алачы-оглу Мамай Бега восходил к Джучидам. Его жена, – Бийсулу, была дочерью Джанибек-хана и сестрой Бердибек-хана [28, с. 53]. Народ Конрат,

---

5 Перевод предположителен: первая часть слова *örpi-deş* (اورپی دیش), по-видимому, соответствует казахскому орпию (Аурып) – «выгон», зафиксированному в словаре Л. Будагова (т. 1, с. 121); -деш – аффикс, заимствованный из персидского языка и обозначающий общность, соучастие в чем-л., родственность.

6 На «Генеральной карте полуострова Крыма», составленной и гравированной в Военно-топографическом депо в 1847 г. На реке Булганак обозначены расположенные недалеко друг от друга два села: Конрат и Сафа (Эсен-Эки).

поселенный предком нашего автора, эль-Хадж Сафа-бегом, в основанном им селе Сафа Конраты, как и род Ширинов, на территории которого находилось это село, не имеет отношения к роду Абдульгаффара Кырыми.

В приведенном отрывке хотелось бы обратить внимание на подчеркнутое нами выражение «Ширин ичинде». В данном случае нет никаких сомнений, что под названием «Ширин» подразумевается не влиятельный крымский род, а его территориальные владения. То же самое мы видим и в использованной Б. Келльнер-Хайнкеле ремарке Саид Гирая, о чем говорилось выше. Род Ширинов, как следует из приведенного отрывка и его продолжения, изначально был враждебен роду Абдульгаффара Кырыми. Эта вражда, в основе которой была кровная месть и, вероятно, претензия на территориальное господство, имела непродолжительную, но драматическую историю. Она прекратилась только после того, как один из предков нашего автора, Муртаза, оставшийся после смерти отца сиротой и выросший в семье Ширинов, отказался от претензий на титул мирзы и перешел в разряд улема [12, л. 282об.; 28, с. 105]. Согласно сведениям, представленным в отрывке, родословная Абдульгаффара Кырыми восстанавливается следующим образом: эль-Хадж Абдульгаффар-эфенди Кырыми (его родные братья: Абдурразак-эфенди и Абдуллах-эфенди) – эль-Хадж Хасан-эфенди – эль-Хадж Махмуд-эфенди – эль-Хадж Абдульваххаб-эфенди – эль-Хадж Муртаза-эфенди – Кендже – эль-Хадж Сафа-бег – Худайберды-бег – Кыят Алачы-оглу Мамай-бег [12, л. 281об.–283; 28, с. 104–106]. Через жену Кыят Алачы-оглу Мамай-бега, Бийсулу, род Абдульгаффара Кырыми, как выяснила Д. Дерин [18], восходит к Бату-хану, известному также под именем Саин-хан. Она может быть восстановлена следующим образом: Бийсулу – Джанибек-хан – Мухаммед Узбек-хан – Тогрылча – Улагчы-хан – Сартак-хан – Бату-хан.

Другое неточное место находим в русском переводе работы Б. Келльнер-Хайнкеле: «Нет сомнения, что никто в Крыму его не любит». Причиной этой неточности является неточность перевода слова “like” из оригинала статьи на английском языке: “There is without doubt nobody like him in the Crimea”. В издании 1975 г. этот отрывок из сочинения Саид Гирая переведен автором как: “so daß es ohne Zweifel auf der Krim keinen zweiten wie ihn gibt” [26, с. 226; 27, с. 149; 27а, с. 380]. У Саид Гирая предложение полностью звучит следующим образом: “Hakka ki sühan-ı râst ve müdde‘â-yı bî-kem-ü kâst

budur ki bunlar gibi mütefennin iklim-i Kırım'da olmadığı bî-iştibâhdur” [32, л. 100]. На русский язык его можно перевести как: «Поистине, правдивое слово и утверждение без изъяна заключается в том, что, несомненно, в Крымских пределах нет человека, равного им в знаниях». Т. е. ни в оригинале работ Б. Келльнер-Хайнкеле, ни у Саид Гирая сведений о нелюбви к Абдильгаффару Кырыми нет.

Наконец, третье утверждение в статье Б. Келльнер-Хайнкеле, нуждающееся в рассмотрении, также связано с текстом истории Саид Гирая. По словам немецкого ученого, «среди многих работ Гафури Эфенди в области специальных наук (*ma'arif-i jüz'iyye*) принц лично видел только перевод «Хайат ал-хайаван» и «Хильят ар-рауд». То же в английском оригинале: “Among Ghafûri Efendi's many works in the field of the special sciences (*ma'arif-i jüz'iyye*), the prince personally had seen only the translation of *Hayât al-hayawân* and *Hilat ar-rawd*”). Б. Келльнер-Хайнкеле, вероятно, опирается на свой немецкий перевод 1975 г.: “obwohl auch der verstorbene Hilmi Efendi aus Karasu auf dem Gebiet der exakten Wissenschaften berühmt ist, habe ich doch außer seiner (Gafuri Efendi's) Übersetzung des Hayatu'l Hayavan und der Hilyetü'r-Ravz sonst keines seiner Werke gesehen, aber da seine Werke sehr zahlreich sind” [26, с. 227; 27, с. 155; 27а, с. 386]. На самом деле правильное понимание предложения Саид Гирая, неточно переведенного немецким ученым, возможно только в контексте со следующим за ним предложением:

“Ma'ârif-i cüz'iyyede merhûm Karasulu Hilmî Efendi de / sâhib-i iştihâr olsa da *Hayâtü'l-hayvân* tercemesi ile *Hilyetü'r-rûh*'dan gayri âsârı manzûr olmamışdur. Lakin bunların âsârı / katı bisyâr olub eş'âr-ı safâ-bahşları selis [ve] ‘ulemâ vü şu‘arâyâ reisdürler” [32, л. 100].

Предлагаемый нами вариант перевода: «Покойный Хильми-эфенди из Карасу также был известен [знанием] специальных наук, но кроме перевода «Жизни животных» и [произведения] «Украшения духа» другие его произведения неведомы. А произведения этого [эфенди] (т. е. Абдильгаффара Кырыми – Н.С.) многочисленны, их стихи, дарящие радость, плавны, [они] являются главой ученых и поэтов».

В данном отрывке Саид Гирай подчеркивает превосходство Гафури в знании специальных (частных) наук перед столь же известным этим Хильми-эфенди из Карасу и в этой связи упоминает немногочисленные труды последнего.

Одной из самых распространенных ошибок большинства работ яв-

ляется датировка «Умдет уль-ахбар» 1157/1744-45 годом. Из всех перечисленных авторов только Д. Дерин назвала другую дату – 1747 г. Первая дата связана с отрывком из начала «Умдет уль-ахбар», часто цитируемым в разных работах, в котором Абдульгаффар Кырыми говорит о приходе на ханский трон в Крыму Гирай-хана, сына Каплан Гирай-хана, который по непонятной ему причине разгневался на него и сначала сослал в его имение Сафа-Конраты, потом посадил под домашний арест в его доме в Карасу и, наконец, после этого сослал в крепость Согуджак в Абазском крае. Однако в оригинале отрывка говорится “işbu sene seb’ ve hamsin ve mie ve elf kabilinde”, что переводится: «перед началом этого 1157 года», т. е. в конце 1156 г. [12, л. 1об.-2; 28, с. 5–6]. Очевидно, что исследователи, работавшие с «Умдет уль-ахбар» не заметили или проигнорировали отмеченное у нас слово «кабилинде» («перед началом»). Вступление нового хана на трон в 1156 году подтверждается и другим местом текста, о чем будет сказано ниже. Таким образом, даже неверная дата создания «Умдет уль-ахбар» в большинстве исследований указана неправильно. Ее следовало бы указывать как 1156/1744 г.

Источником для датировки, предложенной Д. Дерин, насколько мы можем предположить, является окончание приписки на полях, в которой излагается родословная Абдульгаффара Кырыми, о которой было сказано выше [12, л. 281об.–283; 28, с. 104–106]. Учитывая информативность этого фрагмента, приведем его здесь полностью:

“Muharrirü’l-kitâb el-Hâcc ‘Abdülgaffâr dahi merhûm Hasan Efendi oğluyum. Evkârım ve mâlım kemâ kâne Safâ Koñrat’dadur. Kendüm bilâ-taleb gâh umûr-ı kazâ-i Şirin’e mübtelâ ve gâh hânân ve selâfîn-i ‘âli-şânân hizmetlerinde evkat-güzâr olub fazl-ı Hudâ-yı lâ-yezâl ile gerek han ve gerek sultan ve gerek beğ hizmet ve sohbetimden memnûn u mahzûz idiler. Biñ yüz elli altı tarihinde hanlık nevbeti Selim Giray Han bin Kaplan Giray Han’a geldikte bazı müfsid ü münafıklar galiba ifsâd itmişdür. Kalgalığında kadisi ve mukarrebi idim. [Han] oldukda envâ’ dürlü kahr-ı bilâ-sebeeb idüb akıbet Soğucak Kal’ası didikleri câ-yı bi-emâna nefy eyledi. Ol mahalde magbûn-ü zâr-ü giryân biñ yüz altmış tarihinde işbu cem’iyyât-ı ‘*Umdetü’l-ahbâr* tahrir olunub bi-hasebü’l-münâsebe kendü âbâ vü ecdâdım der-kenâr olundi” [12, л. 283; 28, с. 106].

Наш перевод: «И я, написавший эту книгу эль-Хадж Абдульгаффар являюсь сыном покойного Хасана-эфенди. Мое гнездо и имущество, как и прежде, в Сафа Конрате. Сам я, не прося об этом, прово-

дил время то в заботах о делах Ширинского кадылыка, то на службе великих славою ханов и принцев. По милости Господа Вечного и хан, и султан, и бек были довольны моей службой и беседой со мной. В 1156 году, когда подошла очередь на ханство Селим Гирай-хану, сыну Каплан Гирай-хана, некоторые интриганы и лицемеры, по-видимому, начали плести интриги. В бытность его калгой я был его кадием и приближенным. Когда он стал [ханом], причинил [мне] всевозможные притеснения и, в конце концов, сослал в ненадежное место, именуемое Согуджак Калеси. В том месте в 1160 году [мною,] ошеломленным, обессиленным и проливающим слезы был написан этот сборник «Умдет уль-ахбар» и в соответствующем месте на [ее] полях была записаны мои предки».

Как видим, в качестве даты вступления на престол Селим Гирай-хана, сына Каплан Гирай-хана здесь указан 1156 г., а написание «Умдет уль-ахбар» здесь датируется 1160 годом, который приходится на 1747 г. (12.01.1747–1.01.1748). Однако небольшое добавление к тексту на полях л. 2 рукописи, не вошедшее в издание Н. Асыма и, судя по всему, не замеченное Д. Дерин, показывает, что и эта датировка не может быть принята в качестве окончательной. В приписке говорится следующее: “Ve ibtidâ-yı mübâşeretden iki buçuk senede yani sene ihdâ ve sittîn ve mietin ve elf Rebi‘u’l-evvelinde ihtitâm olundi”.

Перевод: «И через два с половиной года после начала, т. е. в месяце Раби’ уль-уля 1161 года была завершена». Таким образом, на основе данных труда Абдильгаффара Кырыми устанавливается точная дата его завершения – март 1748 г.

Приведенные примеры показывают, что потенциал изучения содержания «Умдет уль-ахбар» далеко не исчерпан даже в отношении таких казалось бы разработанных вопросов как биография автора и датировка сочинения. Не все сведения, сообщенные автором о себе и современниками о нем, использованы. Так, он говорит о себе в конце раздела, посвященного истории османских султанов в связи с описанием участия Каплан Гирай-хана в перипетиях восстания Патроны Халилия (1730 г.). По словам нашего автора, Каплан Гирай приблизил его, не входящего в ханское окружение, к себе только потому, что служба и просвещенность Абдильгаффара Кырыми пришлись хану по сердцу [12, л. 242]. В истории Саид Гирая можно указать на еще одно упоминание об Абдильгаффаре Кырыми, в котором крымский принц характеризует Гафури-эфенди как наставника поэтов Крыма, Бақы современности и мастера риторики и стихосложения [32, л. 91].

Определенные возможности в изучении биографии нашего автора дает привлечение других исторических источников. Например, в самом начале 57-го тома кадыаскерских тетрадей, сохранившихся со времен Крымского ханства, сообщается о вступлении в должность кадия Абд аль-Гаффара, сына Хасана во времена Каплан Гирай-хана, сына эль-Хадж Селим Гирай-хана. Надпись датируется месяцем Рамадан 1144 г. (27.02–27.03.1732) [2, л. 78 об.]. Далее в тетради встречаем надпись о вступлении в эту же должность при том же хане в месяце Шаввале 1145 г. (17.03–15.04.1733) эс-Сейида Абд аль-Хайя, сына эс-Сейида Абд ар-Рахмана [2, л. 34]. Таким образом, если речь идет о нашем авторе, то мы получаем точные сведения о пребывании его на посту кадия при Каплан Гирае и о возможном времени назначения его на пост диван кятиби в марте-апреле 1733 г.

Еще одним примером такого рода может служить коллективный труд французских и турецких ученых «Крымское ханство по материалам Архива Музея Топкапы» (“Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı”). В одном из его документов, датированных 1751 г. фигурирует имя Абду-ль-Гаффара, посланника Арслан Гирай-хана [30, с. 226]. И вновь, если здесь сообщается о нашем авторе, то изучение документа позволяет расширить наши знания о его деятельности в роли высокопоставленного чиновника ханства при Арслан Гирае.

Как показал в своем исследовании И.В. Зайцев, несмотря на утрату крымской рукописи «Умдет уль-ахбар», обнаруженной Я. Кемалем, мы все же располагаем некоторыми ее отрывками, записанными в других источниках [4, с. 179]. Со своей стороны, можем добавить, что в коллекции Одесского общества истории и древностей киевского Института рукописей Научной библиотеки НАН Украины им. В.И. Вернадского помимо выявленной российским ученым есть еще одна рукопись, в которую включены достаточно многочисленные и обширные цитаты из рассматриваемого произведения Абдульгаффара Кырыми. В описях фонда она обозначена как «Записи, виписки з поеми Фірдоусі “Шахнаме”, з історії пророків, різних мусульманських династій, молитв та ін.» [35]. На л. 11об. этой рукописи содержится надпись: “Amma Tevârîh-i Hâcî Gaffâr kavlince Hüşenk...” («Но по словам истории Хаджи Гаффара Хушенк...») и далее на л. 12 в сокращенном виде дается рассказ о Хушенке. Кроме того, в рукописи содержатся другие отрывки из «Умдет уль-ахбар», в том числе: история Золотой Орды, начиная с Берке-хана и заканчивая рассказом о

чудеса шейхов и принятии ислама монголами и татарами при Узбекхане; рассказ о приключениях Шахид Гирая (в «Умдет уль-ахбар» – Шахин Гирай), калги Мухаммед Гирая III (1610, 1623–1627); отрывок из рассказа о первом правлении Девлет Гирай-хана II (1699–1702); сокращенная редакция части главы о государствах семейства Османа и Чингизидов; правление Ислам Гирая III (1644–1654); отрывок из рассказа о вторичном правлении Мухаммед Гирая IV (1654–1666) [35, л. 43–50 об.; 67–68; 78; 78 об. – 85; 85–87; 87].

Сохранились и другие произведения Абдульгаффар Кырыми. Нам, например, известно о переводе книги Абд ар-Рахмана аль-Бистами⁷ “Ed-Dürretü’n-Nâsı’atü fî Keşfi ‘Ulûmî’l-Cifri ve’l-Câmi‘a”, общим объемом в 203 листа, хранящемся в Государственной библиотеке Египта в Каире (Дар аль-кутуб). В описании рукописи значится, что перевод выполнил Абд аль-Гаффар бин Хасан бин Махмуд аль-Кырыми. Не вызывает сомнения, что перед нами один из многочисленных трудов нашего автора, о которых писал Саид Гирай.

Приведенные примеры показывают, что серьезные исследовательские работы в фондах архивов и музеев могут дать положительные результаты в деле изучения жизни и творчества крымскотатарского ученого и поэта из Карасу. Не исключено, что в ходе таких поисков будут открыты новые работы автора или их переводы и переработки. На эту мысль нас наталкивает один из пунктов в списке литературы к генеалогическому древу турецкого писателя Аднана Окта, более известного под псевдонимом Харун Яхья. В нем значится: «‘Abd-al-Gaffar Kıymî, Sajarat al-atrak, 1757, farsça çeviri» (т. е. «Абд аль-Гаффар Кырыми. «Родословная тюрок», 1757, персидский перевод») [16]. Не исключено также, что в результате таких поисков может быть найдена и считающаяся ныне утерянной крымская рукопись сочинения, обнаруженная в середине 1920-х годов Я. Кемалем. По крайней мере, рукописные фонды Ялтинского историко-литературного музея, в котором в наши дни хранятся рукописи Ялтинского Восточного музея, нельзя считать изученными досконально.

Приведенные выше факты еще раз убеждают нас и в необходимости современного доступного критического издания «Умдет уль-ахбар». В отличие от исследователей истории Золотой Орды и Крымского ханства, которых вполне удовлетворит академическое издание части сочинения Абдульгаффара Кырыми, посвященной исто-

---

⁷ Так обозначенно в описании, не исключено, что автор книги – Ибн Араби.

рии этих государств, исследователи истории крымскотатарской литературы и историографии нуждаются в полном издании памятника. В этой связи, возвращаясь к сообщению Г. Абдулаевой о работах в этом направлении, осуществляемых Центром исследований Золотой Орды в Республике Татарстан, приходится с сожалением констатировать, что на родине Абдильгаффара Кырыми, в Крыму, и в Украине, частью которой наш полуостров является, нет подобного научного учреждения, которое бы не просто декларировало заинтересованность в такого рода исследованиях, но и имело бы реальные возможности для их всестороннего обеспечения.

Литература

1. Абдулаева Г. Абдул-Гафар Къырыми – историк XVIII века // Авдет. – 2012. – № 8, 27 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://avdet.org/image/tid/24>.
2. Ас-сукук аш-шар‘ийя ва с-сиджилят аль-мар‘ийя (Къырым ханлыгынынъ къадыаскер дефтерлери). – САМ РКБ. Ф. 26. Оп. 1. Т. 57 (1144 – 1146/1732 – 1733). – 79 л.
3. Зайцев И.В. Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени // Тюркологический сборник. 2003 – 2004: Тюркские народы в древности и средневековье. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 50 – 76.
4. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV – XIX веков: пути развития, рукописи, тексты и источники. – М.: Восточ. лит., 2009. – 304 с.
5. Инальчик Х. Хан и племенная аристократия: Крымское ханство под управлением Сахиб Гирея / Опубликовано по: Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanat under Sahib Giray // Harvard Ukrainian Studies. – Vol. 3 – 4, P. 1, 1979–80; пер. с англ. А. Арслановой // Панорама-Форум. – 1995. – С. 73 – 94.
6. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: «Рауан», 1992. – 378 с.
7. Кримський А. Література кримських татар / Упорядник, автор вступної статті, перекладач з української мови на російську О.І. Губар; автор приміток І.А. Керімов. – Сімферополь: Доля, 2003. – 200 с.
8. Миргалеев И. Незабывтая история татар. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tatarica.narod.ru/history/materials/knhistory.htm>
9. Мустакимов И.А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII – XVIII вв. по данным некоторых арабграфичных источников. – С. 21 – 32.
10. Сейтягъев Н.С. Новые сведения об «Истории крымских ханов»

Хурреми Челеби Акая // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 211. – С. 162–165.

11. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.

12. Abdülğaffâr b. Hasan el-Qırımı. ‘Umdetü’l-ahbâr. – Süleymaniye kth., Esad Ef., 2331. – 327 ук. (рукопись; араб. письмом на османско-турецком языке).

13. Arslangiray A.S. Kırım Hanlığı. Menşei – Kuruluşu ve Osmanlı İmparatorluğuna Bağlanması. – İstanbul, 1959. – 80 s.

14. Babinger F. Osmanlı Tarih Yazarları ve Eserleri / Çeviren C. Üçok. – Ankara, 1992. – 502 s.

15. Başer A. Kırım Hanlığı Tarihini Konu Alan Müstakil Eserler ve Yeni bir Kaynak, Tarih-i Mevkûfati // Turkish Studies. – 2011. – Vol. 6/1. – S. 724 – 740.

16. Bir Kafkas Seyyidi Olan Sn. Adnan Oktar’ın Şeceresi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://beklenenmehdi.blogspot.com/>.

17. Bursalı M.T. Osmanlı Zamanında Yetişen Kırım Müellifleri. Kırımlı meşâyih, ‘ulemâ, şu‘ara: müverrihîn: etubbâ ve riyâziyyûnun terâcim-i ahvâl ve âsârından bâhistir / Haz. M. Sarı. – Ankara, 1990. – 64.

18. Derin D. Abdulgaffar Kırımı’nin Umdetü’l-Ahbar’ına (Umdetü’t-Tevarih) Göre Kırım Tarihi, Ankara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yüksek Lisans Tezi, Ankara 2003: Summary [Электронный ресурс]. – <http://www.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/SearchTez>.

19. De-Weese D.A. İslamization and native religion in the Golden Horde. Baba Tükles and conversion to İslam in historical and epic traditions. – Pennsylvania: The Pennsylvania State University Prass, 1994. – XVII + 638 p.

20. Ertaylan İ.H. Fâtih ve Fütûhâtı. – I. C: Bizans ve Karadeniz. – İstanbul, 1953. – 304 + 43 s.

21. Halim Giray Sultan. Gülbün-i Hânân yahut Kırım târihi / Haz.: M.S. Çögenli, R. Toparlı. – Erzurum, 1990. – 232 + 26 s. (репринтное издание).

22. Halim Giray Sultân. Gülbün-i Hânân. – İstanbul, 1287 (1870). – 130 s. (араб. графикой на османско-турецком языке).

23. Ivanics M. Die Širin. Abstammung und Aufstieg einer Sippe in der Steppe. // The Crimean Khanate between East and West (15th – 18th Century). – Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2012. – P. 27 – 44.

24. İstanbul Kütüphaneleri Tarih ve Coğrafya Yazmaları Kataloğu: 11 cilt. – 1. Cilt: Türkçe Tarih Yazmaları. – İstanbul, 1943 – 814 s.

25. Kafalı M. Altın Orda Hanlığının Kuruluş ve Yükseliş Devirleri. – İstanbul, 1976. – 169 s.

26. Kellner-Heinkele B. Aus den Sa‘id Girây Sultân Eine zeitgenössische

Quelle zur Geschichte des Chanats der Krim um die Mitte des 18. Jahrhunderts. – Hamburg, 1975. – X + 329 s.

27. Kellner-Heinkele B. Who was ‘Abdulghaffar el-Qirimi? Some notes on an 18th century Crimean Tatar historian // *Journal of Asian History*. – 1998. – Vol. 32 (nr. 2). – P. 145–156; то же в переводе на русский язык: Келлнер-Хайнкеле Б. Кто был Абдулгaffар ал-Кирими (Заметки о крымско-татарском историке XVIII века) / Пер. с англ. языка А.А. Арслановой // *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1228 – 1556*. – Казань, 2001. – С. 378 – 390 (в сносах: 27а).

28. Kırımî el-Hâcc Abdülgaffâr. ‘Umdetü’t-tevârih / N. Asım Bey tarafından bir Medhal ve İlâvelerle neşrolunmuştur: *Türk Tarih Encümeni Mecmuası’nın ilâvesi*. – İstanbul, 1343 (1927). – 207 s. (араб. графикой на османско-турецком языке).

29. Köprülü F. *Türk Edebiyatında İlk Mutasavvıflar / Gereklî sâdeleştirmeler ve bazı notlarla ilâvelerle yayımlayan: O.F. Köprülü: 8.baskı*. – Ankara, 1993. – XIX + 415 + 27 s.

30. Le khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Presente par A. Bennigsen, P.N. Boratav, D. Desaiive, Ch. Lemerrier-Quellejeje – Paris, 1978. – 458 p.

31. Mehmet Fuad Köprülü // *Vikipedi, özgür ansiklopedi* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tr.wikipedia.org/wiki/Mehmet_Fuad_Köprülü.

32. Sa’îd Giray b. Sa’âdet Giray Han. *Ta’rîh-i Sa’îd Giray Han*. – Staatsbibliothek zu Berlin. Preussischer Kulturbesitz. *Türkische handschriften*. Hs. or. oct. 923, Teil 3. – Bl. 87a – 135a (рукопись; арабским письмом на османско-турецком языке).

33. Shamiloglu U. *The Umdet ül-Ahbar and the Turkic narrative sources for the Golden Horde and Later Golden Horde // Central Asian Monuments / Edited by H.B. Paksoy*. – İstanbul, 1992. – P. 81 – 93.

34. Soysal A. *Hacı Abdülgaffar Efendi Bin Hasan Efendi / Kırım’da Yetişen Büyüklükler // Emel*. – 1961. – Sayı: 5 (Temmuz). – S. 21–23.

35. V, 3776. Записи, виписки з поеми Фірдоусі “Шахнаме”, з історії пророків, різних мусульманських династій, молитв та ін.: [1719, 1719 р., турецькою мовою]. – 142 арк.

*УСМАНОВА Сайде Аблякимовна
(Крым, Украина)*

«НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ В ТОТАЙКОЙСКОМ ПЕДТЕХНИКУМЕ».

Постановка проблемы. На современном этапе развития крымскотатарского общества вопросы народного образования приобретают все большую актуальность. Народное образование – составная часть национальной культуры и духовной жизни общества. Изучение истории педагогического народного образования позволяет глубже понять многие проблемы национальной педагогики, роль общества, интеллигенции, народных масс, в становлении культуры в целом. Чтобы осознать и осмыслить современные проблемы и перспективы образовательного процесса, необходимо обратиться не только к ретроспективному анализу истории педагогики и образования, но и к деятельности крымскотатарской интеллигенции.

Обращение к историческому педагогическому опыту развития национальной школы в первой четверти XX вв. определяется необходимостью научного познания прошлого Крыма, возможностью использования этого опыта для анализа современного состояния народного образования. Народное образование Крыма в начале XX века находилась в тесных связях с культурными, социально-экономическими и общественно-политическими процессами, происходящими в стране. В государственных преобразованиях в этот период особое место отводилось проведению реформирования системы образования. Реформы были направлены на создание в Крыму системы новых учебных заведений и распространение просвещения на сельское население.

После установления советской власти в Крыму в ноябре 1920 года количество национальных школ для крымскотатарских детей возросло в несколько раз. Стремление населения дать образование своим детям было огромным. Но эти школы располагались в не приспособленных помещениях, отсутствовала необходимая литература для проведения учебного процесса. Для большинства крестьян на-

родная школа была единственным местом, где они могли обучиться грамоте. Окончание начальной школы для некоторых жителей села становилось своеобразной ступенькой для продолжения обучения в средних, а в дальнейшем и в высших учебных заведениях. Народные школы играли значительную роль в изменении социальной структуры общества.

В первой четверти XX века в Крыму официально существовало двенадцать техникумов, из них три педагогических: Симферопольское татарское женское училище – «Дарульмаулимат», Промышленный экономический техникум (Севастополь), Промышленный экономический техникум (Ялта), Промышленный экономический техникум (Симферополь), Симферопольский Татарский фельдшерско-акушерский, Сестринско акушерский (Симферополь), Крымский Татарский Педагогический Техникум, Феодосийский педагогический техникум, Карасубазарский сельскохозяйственный техникум, Дерекойский техникум спецкультур, Музыкальный техникум (Симферополь), Бахчисарайский художественно-промышленный техникум [1, с.114].

Особенностью Крымского Татарского Педтехникума было то обстоятельство, что оно являлось одним из немногих заведений в Крыму дающего среднее образование крымским татарам и главное, дающее право поступления в высшие учебные заведения благодаря знанию русского языка.

Крымский Татарский Педагогический Техникум, основной целью которого являлось подготовка квалифицированных педагогических кадров для школ I-ой и II-ой ступени, и который являлся в 1922-1930-х годах центром возрождения и развития народного образования и продолжения традиций народной педагогики, воспитания интеллигенции, повышения уровня грамотности и развития культуры крымскотатарского населения.

Главной особенностью Тотайкойского педтехникума было то, что в нем сосредоточился цвет крымскотатарской интеллигенции. Понимая, что уровень подготовки учащихся, прежде всего зависит от преподавателей, руководство техникума стремилось привлечь к работе в нем лучшие педагогические силы крымских татар того времени. В педагогической деятельности нашла творческое воплощение энергия крымскотатарской интеллигенции. Открылись широкие перспективы по реализации курса национального строительства.

Преподавательский состав в 1922-1925-х объединил лучшие кадры национальной интеллигенции: первым заведующим техникума был Амет Озенбашлы, лекции по филологии читал профессор, ученый тюрколог с мировым именем Бекир Чобан-заде, после отъезда в Азербайджан его заменяет Асан Сабри Айвазов, родной язык – Шевки Бектуре, Хамиде Бектуре учила рукоделию, психологию вел поэт и педагог Абибулла Одабаш, музыку – композитор Асан Рефатов, краеведение и экономическую географию – Фейзи Эдгем, естествознание – Мемет Абдулла, политпросветработу – Бекиров Мустафа, Вели Габилев политграмоту [2, с. 44, 223, 226].

Одним из ярких представителей крымскотатарской интеллигенции преподающих в педтехникуме, педагогом с большой буквы, был Бекир Чобан-заде. Деятельность, которого в учебных заведениях за период короткого пребывания в Крыму 1920-1925 годы, на родине, еще мало изучена и освещена в работах.

Бекир Вагопович Чобан-заде (1893 – 1937 гг.) – энергичный и авторитетный просветитель, педагог, выдающийся поэт, классик крымскотатарской литературы, знаменитый ученый-тюрколог, лидер национально-освободительной борьбы, а также один из видных представителей крымскотатарской интеллигенции так называемого «золотого пятилетия» культурного возрождения Крыма. Его прогрессивная просветительская и педагогическая деятельность оставила глубокий след в истории культурной жизни крымскотатарского народа.

Актуальность избранной темы объясняется тем, что критическое осмысление нашей действительности требует возвращения к опыту народа, идеи народной педагогики являются неисчерпаемым источником для изучения культуры народа, для возрождения системы национального образования и воспитания подрастающего поколения. В связи с этим большой интерес для педагогической науки представляет изучение педагогического наследия отдельных ее представителей.

Цель – представить широкому кругу читателей ряд интересных фактов из жизни Б. Чобан-заде и впервые ввести в научно-методический оборот материалы обнаруженные в архиве ГААРК и проливающие свет на педагогическую деятельность ученого в Крымском Татарском Педагогическом Техникуме, известного как «Тотайкойский педтехникум».

В рамках поиска материала для диссертационного исследования в Государственном архиве Автономной Республики Крым, найдены новые архивные документы по Крымскому Педагогическому Техникуму открытому в 1922 году в селе Тотайкой (ныне поселок Ферсманово), которые проливают свет на историю развития и становления педагогического образования в Крыму в 20-30-е годы прошлого столетия и просветительской деятельности Бекир Чобан-заде. По утверждению архивных работников, со дня поступления в Архив этих дел не касалась рука исследователя.

Первые сведения о том, что Бекир Чобан-заде преподавал в Тотайкойском педтехникуме, Дарульмуалимате и в Крымском университете, а также заведовал татарским отделением в Крымнаркомпросе встречаются, в статье профессора Ашнина Ф.Д. «О научной деятельности Б. Чобан-заде» [3, с.209].

В монографии Урсу Д.П. посвященной жизнедеятельности Б.Чобан-заде «Жизнь. Судьба. Эпоха», также встречается упоминание о том, что выдающийся филолог преподает в данных учебных заведениях [4, с.89].

Сейтбекиров Э.А. в статье «Мы достойны свободной и самостоятельной жизни», рассматривая деятельность крымскотатарского национально-освободительного движения Крыма, обращается к описанию деятельности Тотайкойского педтехникума и некоторых ее преподавателей, в частности Амета Озенбашлы [5, с.47].

Интерес представляет статья Пашени Е.И. и Эмировой А.А. «Из истории крымского татарского педагогического техникума (1921-1921(?))», в которой освещены некоторые моменты становления и развития техникума, а также воспоминания бывшего курсанта Тотайкойского педтехникума А. Селяметова [6, с.52].

Кондратюк Г.Н. в статье «Развитие крымскотатарских школ в первой половине 1920-х годов» указывает на деятельность Б.Чобан-заде в данном педтехникуме, а также о том, что преподаваемый им курс занимал особое место в программах техникума [7, с.101].

Но в целом история развития и существования Тотайкойского педтехникума, учебные планы, методическая работа, педагогическая практика, роль педагогического состава, а самое главное деятельность крымскотатарской интеллигенции остается неисследованной и неизвестной в силу того, что материалы по Тотайкойскому педтехникуму считались утерянными. В данной статье сделан ак-

цент на деятельности Бекир Чобан-заде в Тотайкойском педтехникуме, о которой практически нет никаких сведений.

В 1922 году в бывшем имении помещика Кесслера в селе Тотайкой (ныне село Ферсманово) недалеко от Симферополя были созданы Педагогические курсы, которые в 1923 году были переименованы в Крымский Татарский Педагогический Техникум с четырехлетним курсом обучения на основных курсах и один год на подготовительном отделении [8,с.60]. В быту, это учебное заведение стали называть «Тотайкойский педтехникум», это название сохранилось за ним и после перевода в Симферополь летом 1924 года.

В Симферополе техникум занял дом предпринимателя Христофорова, по улице Феодосийской дом 1/2 (ныне пр. Победы) Отделение в педтехникуме было одно – школьное, язык преподавания татарский-русский, принимали исключительно лиц крымскотатарской национальности [9,с.52]. Первоначально учебный план педтехникума был с сельскохозяйственным уклоном: первые два курса – общеобразовательный с педагогическим уклоном, и III и IV специально педагогическим уклоном [10, с.1].

В 1924-1925 учебном году в педтехникуме преподавались следующие предметы: татарский язык, русский язык, физика, естествознание, обществоведение, математика, политпросветработа, рисование, сельское хозяйство, география, гигиена, история народного образования, педагогика, трудовая школа, педагогика, программы ГУС'а, история тюрко-татарской литературы, экономическая география [2,с.138].

Бекир Чобан-заде в Тотайкойском педтехникуме преподает историю тюрко-татарской литературы на III и IV курсах. В расписании занятий педтехникума за 1924-1925 учебный год его уроки значатся по вторникам и субботам 3-им и 4-ым уроком [10, с.43].

Несмотря на свою занятость, так как, известно, что Бекир Чобан-заде в Крыму вёл активный образ жизни, он был организатором школьного дела в Татуправлении Наркомпроса, одновременно работал в нескольких учебных заведениях, из сведений о данных преподавателями количества уроков в 1924-1925 учебном году (два триместра) видно, что из 38 уроков которых должен был дать профессор, он пропустил только 2 урока [2, с.44].

При открытии Тотайкойского педтехникума в 1922-1923 учебном году обучающихся в техникуме было – 150 человек [6, с.54]. В 1923-

1924 учебном году – 200 человек [11, с.3], по состоянию на 1924-1925 учебный год – 196 [2, с.112], а на 1925-1926 год – 190 [12, с.114].

Тотайкойский педтехникум значительно уклонился от действующего положения приема в техникум, в связи с отсутствием среди татарской рабоче-крестьянской молодежи подготовленных ученических кадров, поэтому в первые, годы существования, состав курсантов был разновозрастным от 14 до 28 лет [2, с.150].

Таким образом, учебный план и программный материал проводился в соответствии с местными условиями. В связи с этим на педсоветах были выдвинуты и освещены ряд практических задач и дидактических мероприятий, могущих быть осуществленными в техникуме. В педколлективе подвергались обсуждению, как общепедagogические, так и чисто методические вопросы, для согласования работ преподавателей-методистов создается при педколлективе «методические бюро». Заседания педколлектива были открытыми, к участию в них привлекались учащиеся выпускного класса и работники общегородского педколлектива [13, с.55].

На одном из заседаний педагогического совета от 19.05.1924 года Бекир Чобан-заде отмечает: «...учащиеся слабо подготовлены и не смогут справиться с предстоящей им работой учителей и в связи с этим предлагает продлить обучение еще на один год, оставив учащихся в их классах. А также, что в связи с переездом в город летом 1924 года педтехникума, у курсантов теперь, появится возможность восполнить пробелы и учебно-методическая работа будет происходить с полную силу» [13, с.13].

Также из документов стало известно, что Бекир Чобан-заде предлагает ввести новую учебно-методическую программу с учетом индивидуальных способностей курсантов чуть позже, то есть не отказываться совсем от формы учета в виде экзаменов и зачетов, а новую систему ввести в будущем учитывая нынешние условия и методы работы [13, с.14].

Бекир Чобан-заде активно принимал участие в жизни курсантов, так как не понаслышке знал о трудностях сельской жизни. Об этом говорит такой факт, из архивных документов становится известно, что курсанты оставались на летние каникулы в техникуме для работы в совхозах закрепленных первое время за техникумом, Бекир Чобан-заде считал это невозможным и затруднительным, принимая во внимание то обстоятельство, что многие из курсантов являлись

единственными кормильцами в своих семьях и поэтому вынуждены работать в семьях летом. В связи с этим Бекир Чобан-заде предлагает округлить настоящий учебный год до 1 июня, соответственно удлинить следующий» [13,с.13].

Педагогический совет принял во внимание предложения Бекир Чобан-заде и решением педсовета оставили всех учащихся (кроме выпускного курса) еще на один год обучения, и большинство курсантов, единственные кормильцы в своих семьях, были освобождены от работы в летнее время в техникуме. Этот факт говорит о том, что в педтехникуме Бекир Чобан-заде имел большой авторитет [13,с.14].

В 1923-1924 учебном году в основу программы педтехникума был положен труд с сельско-хозяйственным уклоном. Бекир Чобан-заде указывает на то, что он: «...категорически не может согласиться рассматривать учащихся педагогического техникума как сельско-хозяйственных работников. Одно из двух: или техникум есть сельско-хозяйственная школа, тогда такой подход понятен, или техникум выпускает не садовников, а учителей, тогда необходимо для работы в совхоз изыскать другие средства». Из всех присутствующих на заседании педсовета педтехникума, только Бекир Чобан-заде высказывал такие категорические заявления, считая, что курсанты должны выйти квалифицированными преподавателями и что необходимо поднимать педагогический статус техникума. В дальнейшем Бекир Чобан-заде предлагает совершенно изъять временно сельское-хозяйство из учебного плана, в виду недостаточной общей подготовки, и за счет этого предмета усилить нагрузку общеобразовательных предметов [13,с.4].

Бекир Чобан-заде говорит: «...что в связи с оторванностью от города техникума, отсутствия непосредственной академической связи с просветительными учреждениями, совершенного отсутствия литературы – техникум не может быть всегда в курсе начинаний, требований и задач этого строительства, а потому эту связь необходимо усилить через связь с педколлективами и школьными инструкторами при наличии соответствующей литературы. Что в этом направлении Профобром предприняты шаги в тоже время педфак при Крымском Университете берет под свое шефство Татарский Педагогический Техникум и этот факт даст возможность осуществить связь не только с педагогическими учреждениями Крыма, но и всего СССР» [13,с.14].

Для повышения качества педагогического процесса Бекир Чобан-заде просит руководство техникума выписать периодическую педагогическую литературу. Были выписаны следующие педагогические журналы: «Народный учитель», «Путь просвещения», «На путях к новой школе», «Вестник просвещения», «Просвещение на транспорте», «Учительскую газету» [13, с.52].

Бекир Чобан-заде затрагивает очень важные моменты, например, что необходимо отказаться от платы за обучение и урезку пайков учащимся, принимая во внимание особые условия хозяйственного состояния татарского населения (середняков и батраков) и предлагает отказаться от системы платы за право обучения как общей меры и предлагает обратиться в соответствующие органы с ходатайством о возвращении обратно в техникум уволенных курсантов батраческого происхождения. [13, с.14].

В Тотайкойском педтехникуме применялись различные методы преподавания: эвристический, лекционный, экскурсионный (в виду крайне ограниченного числа учебников и отсутствия пособий в первое время). В 1924 году Тотайкойский педтехникум переходит на новые методы обучения – Дальтон план развивающие активность и более сознательный подход к предмету, ряд преподавателей перешел на письменный и устный доклад на основании указанного материала, с обсуждением в классе [2, с.164].

Бекир Чобан-заде стремился применить эти новые, инновационные для того времени, методы обучения, а именно Дальтон-план, при котором курсанты вовлекались в самостоятельную работу, группами по 5-6 человек с прорабатыванием пройденного материала. Бекир Чобан-заде обращает внимание на два главных момента, наличие которых являются, по его мнению, залогом успеха всякого начинания, это: наличие жизненной силы и источника. А потому Бекир Чобан-заде рекомендовал исходить из действительности в возможности применения вообще того или иного метода. В частности по отношению к Дальтон-плану он предложил командировать в Феодоссию и Москву представителей педтехникума для детального ознакомления с постановкой этой системы в тех учебных заведениях где она введена [13, с.56].

В Феодоссию в педтехникум были командированы три представителя от Тотайкойского педтехникума: Н.М. Михайлов, И.С. Лотошников, Н.Н. Василевский, которые провели неделю с целью

ознакомления и постановки с его учебно-методической работой [2, с.164].

21 февраля 1925 года Бекир Чобан-заде дал последние уроки курсантам III и IV курса Крымского Татарского Педагогического Техникума, перед своим отъездом в Азербайджан, эта дата отмечена в отчете заведывающего учебной частью педтехникума Л.В. Жирицкого за II триместр [13, с.196].

Выводы. Таким образом, данные сведения раскрывают неизвестные страницы из жизни великого ученого в Крыму. Установлена четкая позиция Бекир Чобан-заде в ведении учебного процесса и подготовки будущих педагогических кадров для крымскотатарских начальных школ. Открылись новые вехи, точно установлено время работы Б. Чобан-заде в педтехникуме с 1923 года по 21.02. 1925 года, то есть вплоть до самого отъезда в Азербайджан. Изучение опыта его работы в Тотайкойском Педтехникуме может помочь в выработке целостной концепции развития национального образования в Крыму. Трудно отделить педагогическую деятельность Бекир Чобан-заде от научной и общественно-политической, несомненно, что просветительство народа он считал своей главной целью и на этом поприще добился значительных успехов. Бекир Чобан-заде преподавал в техникуме ставя во главу угла формирование будущей интеллектуальной элиты, осознавая огромное значение в деле подготовки будущих учителей для национальной школы, проводил педагогический процесс на высоком уровне, прививал будущим учителям любовь к родному языку.

Педагогическая работа великого ученого – еще одна страница его просветительской деятельности в широком смысле этого слова. Ученого заботили и вопросы воспитания национального самосознания крымскотатарского народа, его благосостояние, социально-экономическое и политическое положение.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что Крымский Татарский Педагогический Техникум с поставленной перед ним задачей справился на отлично. Следует сказать, что выпускники впоследствии оказались достойными своих учителей, ставшие видными деятелями культуры и общественными лидерами, среди них: авторы учебников для крымскотатарских школ – Мерьем Османова, Зейнеб Абасова, Мустеджиб Тогунджи, Эмирасан Куртмоллаев; переводчики учебников – Амит Алиев, Энвер Муратов, Осман Батыров; поэты

– Зиядин Джавтобели, Фетта Аким, Джемиль Кендже, Ыргат Кадыр, Зейнеб Аббасова, Ибраим Бахшиш, Ибраим Акмайналы, Таир Усеин; журналист, лидер крымскотатарского национального движения – Джеппар Акимов; кандидат филологических наук – Керим Джама-наклы. Многие из выпускников стали педагогами сельских и городских школ, заведующие учебными заведениями [6, л.56].

По данным проведенного исследования архивных документов в ГААРК деятельность Тотайкойского педтехникума прослеживается вплоть до 1930 года, на этом сведения обрываются, и дальнейшая судьба техникума остается пока неизвестной. Научное наследие и достижения прошлого являются и сегодня частью национального образования и культуры. В эпоху, когда общественность республики стремится познать всю правду о нашем прошлом, когда идут интенсивные поиски в определении содержания национального образования, когда разрабатывается новая Концепция национальной системы образования и воспитания, назрела острая необходимость осмысления и творческого использования достижений национальной педагогики прошлого. Чрезвычайно важно сегодня объективно оценить интеллектуальное и духовное наследие выдающихся представителей национального просветительского движения, педагогов-исследователей и методистов, писателей, роль которых в развитии идей национального образования и воспитания и создании национальной школы чрезвычайно велика. Изучение и обобщение их опыта – необходимая предпосылка формирования современной педагогической науки.

Литература

1. Р-20, оп.1, д.23, л.114
2. ГААРК, ф. Р-3440, оп.1, д. 10
3. Ашнин Ф.Д. О научной деятельности Б. Чобан-заде // Народы Азии и Африки. – 1967. – №1. – 201-216с.
4. Урсу Д.П. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха. – Симферополь: Крымское учебное педагогическое государственное издательство, 2004. – 276 с.
5. Сеитбекиров Э. Мы достойны свободной и самостоятельной жизни // А. Озенбашлы Къырым фаджиасы. – Симферополь. – Таврида. – 1997. – с.38-52
6. Пашеня Е.И., Эмирова А.А. Из истории Крымского Татарского Педагогического Техникума (1921-1931 (?)) // Эстафета поколений: Материалы научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня открытия Симферопольской татарской учительской школы. – Симферополь. – Доля. – 2003. – с.259

7. Кондратюк Г.Н. Развитие национальных школ в Крымской АССР в 20-х годах XX века // Культура народов Причерноморья. – 2001. – №24. – с.101

8. ГААРК, ф. Р-3440, оп.1, д. 33

9. ГААРК, ф. Р-3440, оп.1, д. 44

10. ГААРК, ф. Р-3440, оп.1, д. 8

11. ГААРК, ф. Р-3440, оп.1, д. 141

12. ГААРК, ф. Р-3440, оп.34, д. 8

13. ГААРК, ф. Р-3440, оп.1, д. 6